PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

СУРОВЫЕ ГОДЫ

В. Г. КОРОЛЕВ

В. Г. КОРОЛЕВ

СУРОВЫЕ ГОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ МОСКВА — 1971

7-3-2
13-70

Предлагаемые читателям очерки по праву объединены одним заголовком. Инзенцы, неустрашимые бойцы одной из замечательных дивизий Красной Армии, созданной в первый год существования Советской республики, сражались за власть народа в суровые годы.

Автор этой книги генерал-майор Василий Георгиевич Королев прослужил в рядах Советской Армии 33 года. И потому вполне естествен его интерес к истории наших Вооруженных Сил, желание рассказать, как создавалась, крепла и отстаивала завоевания Страны Советов Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Многие годы В. Г. Королев кропотливо и с большой любовью к памяти бойцов-ветеранов собирал материалы о боевом пути Инзенской дивизии. И в руках автора оказался интереснейший материал о людях, беззаветно служивших делу революции. Первый начдив Инзенской Я. Я. Лацис, замечательный комиссар М. П. Янышев, П. А. Солодухин, В. А. Максимов, А. Г. Рева, А. И. Седякин, десятки бойцов и командиров встают со страниц книги как живые — так же, как и М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, А. И. Корк и другие полководцы Красной Армии, участвовавшие в описываемых событиях.

Документальная точность, достоверность исторических фактов придают очеркам большую убедительность.

Трудно 50 лет спустя восстановить полностью историю героической дивизии. Но и те факты, которые легли в основу документальных рассказов об отдельных эпизодах боевого пути инзенцев, дадут читателю живое представление о грозовых годах гражданской войны, о том, как защищала Рабоче-Крестьянская Красная Армия свою республику.

От автора

Торжественно прозвучали парадные команды, и на городскую площадь в строгом равнении выкатились ряды темно-зеленых машин. В их кузовах, как изваяния, застыли солдаты в боевых касках с новыми, лучшими в мире автоматами.

Сначала моторы машин на площади издавали лишь легкий рокот. Но с каждой новой колонной рокот превращался в гул, который становился все более грозным. Соответственно преображалась и картина парада. Многоколесные бронетранспортеры сменялись боевыми гусеничными машинами, вслед за мощными артиллерийскими тягачами с орудиями на прицепах шли могучие современные танки.

Перед моими глазами шла силища необыкновенная, всесокрушающая. Та силища, перед которой дрожат наши враги. Радость захлестывала мое сердце при виде первоклассного современного оружия и боевой техники, при виде высокообразованных офицеров, дисциплинированных, отлично выученных солдат.

Демонстрировала свою мощь дивизия, с которой меня, старого солдата, связывает все, что связывает человека с родным домом, с родной семьей, с любимой школой. На бархатных складках Боевого знамени соединения гордо золотились слова:

«Мотострелковая Сивашско-Штеттинская, ордена Ленина, трижды Краснознаменная, ордена Суворова дивизия».

И еще одно название есть у этого соединения, одного из старейших в Советской Армии, — Инзенская. Под именем Инзенской — в честь приволжской железнодорожной станции Инза, где началось формирование соединения, — дивизия снискала свою боевую славу как стойкая защитница молодой Республики Советов. Эту боевую славу Инзенская дивизия пронесла почти через все главные фронты гражданской войны...

Пожелтевшие документы, фотографии, драгоценные реликвии — все это я бережно собирал многие годы. Не могу, не имею права не рассказать нынешнему поколению о моей родной дивизии, чей боевой путь — это путь Советских Вооруженных Сил, путь от малограмотного красногвардейца до инженера по электронному вооружению, от штыка трехлинейной винтовки до ракеты с ядерным зарядом...

Владимир Ильич Ленин... Это он стоял у колыбели первых соединений молодой Красной Армии. Он непосредственно направлял деятельность фронтов гражданской войны. Воины-инзенцы гордятся тем, что создание их дивизии прямо связано с Лениным. Владимир Ильич лично знал многих инзенских командиров. Первый начальник дивизии и ее организатор Ян Янович Лацис был незадолго перед этим назначением начальником охраны Московского Кремля. Ленин принимал личное участие в его судьбе.

Я мысленно возвращаюсь на станцию Инза, где формировалась дивизия в июне 1918 года.

Я слышу громовое: «Даешь!» С этим боевым пролетарским кличем инзенцы вступали в родной город Владимира Ильича Ленина Симбирск, в Са-

мару, трижды освобождали Луганск, затем Новороссийск, штурмовали Юшуньские позиции в Крыму...

В честь 10-летия РККА соединению было вручено Почетное Революционное красное знамя, а еще раньше — орден Трудового Красного Знамени: за трудовой героизм на сельскохозяйственных работах в тяжелом и голодном 1921 году. Инзенцы отремонтировали сотни плугов и борон, вспахали и засеяли в Днепровском и Херсонском уездах 13 788 десятин земли, отправили для рабочих Донбасса 75 333 пуда зерна.

1936 год. На знамени дивизии засиял орден Ленина. Награда за боевые подвиги в гражданской войне и выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке. В 30-е годы полки дивизии не раз занимали первые места в округе, а 3-й полк в 1932 году стал лучшим в Красной Армии.

Я видел полки сивашцев марширующими по дорогам Бессарабии и улицам Кишинева в освободительном походе летом 1940 года.

А потом — Курская дуга, Днепропетровск, станция София, село Михайлены в Молдавии, где сивашцы мужественно сражались с врагом. Ими командовал в этих боях генерал-майор Николай Никанорович Белов, бывший рядовой боец легендарного Курского полка Инзенской дивизии.

Слышу плеск волн Днепра... Первыми эту могучую украинскую реку форсировали пулеметчики лейтенанта Алексея Калабина.

И по сей час отчетливо звучат в моих ушах слова командарма-61:

— Василий Георгиевич, как там дела у Аскалепова!

Мы с генералом В. С. Аскалеповым, командиром дивизии, сидим на его НП. Сзади, метрах в ста, сердито плещется Днепр, а впереди бушует бой — гитлеровцы яростно штурмуют плацдарм.

— Непрерывные атаки! — кричу в телефонную трубку. — Но гвардейцы Аскалепова так же, как и сивашцы, держатся молодцами!

В то время я командовал бронетанковыми и механизированными войсками 61-й армии, в состав которой входила Сивашская дивизия.

Вижу пылающий фашистский город Штеттин... Гитлеровцы обороняли его с яростным отчаянием. А раньше был Данциг, а еще раньше — белорусские города Мозырь и Калинковичи. Здесь к Боевому знамени инзенцев был прикреплен орден Суворова II степени.

Но мысленно я снова и снова возвращаюсь на станцию Инза, к июню 1918 года...

Может быть, не все получилось удачно. Может быть, не все до конца ясно из-за невозможности восстановить то, что навсегда утеряно. И потому задачу я поставил перед собой вполне определенную: в отдельных очерках, в боевых эпизодах, иногда призывая на помощь воображение, подчас отдельными штрихами воссоздать некоторые героические черты своих легендарных однополчан и тем самым показать роль и место родной дивизии в защите молодой Советской республики от многочисленных врагов.

Рождение дивизии

Апрельским вечером 1918 года возле Спасской башни Московского Кремля стоял стройный высокий человек в длинной, перетянутой ремнями шинели. Блестевшие из-под козырька фуражки черные живые глаза медленно скользили взглядом по кремлевским постройкам.

Это был Ян Лацис, двадцатилетний командир 4-го Видземского латышского полка, начальник охраны Московского Кремля.

Два месяца назад Советское правительство поручило отряду Яна Лациса охранять Кремль.

Давно ли было другое?

...Зарево пожарищ под Ригой и обросший синеватой щетиной подбородок кайзеровского офицера, которого он, солдат 7-й роты 4-го Видземского полка, приволок в качестве «языка». Первые командирские нашивки — лычки царского унтер-офицера.

...Февральский слякотный день, но озаренный ошеломившим, шквальным известием: в Питере революция. Царские портреты под солдатскими сапогами. Песни. Охрипшие ораторы на бесконечных митингах. Выступления товарищей-большевиков.

...Лес заскорузлых солдатских рук. Это голосуют за него, вчерашнего пастуха, секретаря коммунистической ячейки полка Яна Лациса. Латышские стрелки хотят видеть его на посту председателя полкового комитета.

...Проникновенные слова, летящие над радостно бурлящей солдатской массой:

«Мы приветствуем Вас, великого тактика пролетариата России, вождя подлинно революционной борьбы, выразителя наших дум, и желаем видеть Вас в нашей среде».

Это зачитывается телеграфное послание объединенного совета латышских стрелковых полков Владимиру Ильичу Ленину.

...Лошица, Могилев, Рогачев, Бобруйск. Серо-стальные цепи немцев

на январском снегу. Хлещущие огнем окопы видземских стрелков. И Ян словно наяву слышит свой простуженный голос:

— По врагам революции. Залпом. Огонь!

Смеркалось. В зданиях один за другим освещались окна. Со стороны башни послышались шаги. Показалась раскачивающаяся, как на корабельной палубе, массивная фигура. Шел Павел Мальков в своих широченных брюках-клеш, с неизменным огромным маузером в деревянной кобуре ниже правого бедра. И, как всегда, пуговицы бушлата коменданта Московского Кремля были ярко начищены. На концах развевающихся от быстрой ходьбы ленточек золотились якорьки, а на лобовой части бескозырки сияла надпись «Диана».

Минул всего месяц с небольшим, как Лацис познакомился с этим балтийским матросом, но уже успел убедиться в том, что чрезвычайная решительность коменданта в действиях сочетается у него с врожденным тактом, с умением мгновенно и разнообразно реагировать на происходящее.

— Здорово! — матрос остановился. — Вечерним Кремлем любуетесь?

— Праздничным! — ответил Ян, кивая в сторону зданий Совнаркома и ВЦИК, которые пылали алым кумачом. По всему Кремлю реяли красные флаги. Несмотря на сумерки, еще можно было прочитать белые буквы на огромном плакате: «Да здравствует Всемирная Советская республика!»

— А что? — зарделся Мальков. — Впечатляет!

— Очень впечатляет, — с мягким акцентом произнес Лацис. — Наш первый советский Май! Таким он и должен выглядеть.

Комендант был польщен. Он целую неделю, сбиваясь с ног, старался возможно лучше украсить Кремль к празднику. Мобилизовал десятки московских художников, скульпторов, архитекторов, декораторов.

Мальков и Лацис встретились, чтобы вместе проверить посты. Двинулись в сторону Никольской башни.

— Стой! Пароль? — раздался оклик.

— Смольный, — негромко произнес Лацис. — Отзыв?

— Нева. Проходи.

Через некоторое время — снова:

— Пароль?

— Смольный. Отзыв?

— Нева. Проходи...

Видземцы были начеку.

Но охрана Кремля оказалась все же сравнительно коротким событием в военной деятельности Яна Лациса.

Некоторое время спустя 4-му Видземскому полку суждено было стать ядром одной из первых в Красной Армии революционных дивизий.

Незадолго до этого между В. И. Лениным и Яном Лацисом состоялся большой разговор, — правда, несколько по другому поводу.

— Какое у вас образование? Где учились?

— Закончил приходскую школу, товарищ Ленин, затем батрачил.

Ян Янович Лацис

— А военное образование?

— Учебная команда запасного полка, унтер-офицер...

Ильич пометил что-то на листке календаря.

— Для командира полка маловато, батенька. Надо учиться. Командир полка отвечает за судьбу сотен людей, решает сложные боевые задачи. Кроме мужества и храбрости, ему крайне необходимы знания и культура, необходим опыт. Учитесь всегда и везде, товарищ Лацис. Учитесь у офицеров-генштабистов, у противника...

Лацис слушал внимательно.

— Мы, к сожалению, не можем сейчас послать вас в академию. Война и жизнь будут вашей академией. И прежде, чем принять какое-либо решение, прикиньте: будет ли от него польза народу, нашему общему делу? Все меряйте этой меркой, и никогда не ошибетесь!

Потом Ленин сказал комиссару Латышской дивизии Петерсону:

— Беседовал с вашим видземцем... У Лациса есть задатки способного командира. Таких надо учить. Это наши кадры.

С каждым днем положение Советской республики становилось все более тяжелым. Англичане, французы и американцы объединенными силами пытались расправиться с Советской властью на Севере.

Японцы высадились во Владивостоке. Немцы захватили Харьков.

24 мая стало известно о намерении Германии захватить суда Черноморского флота, находящегося в Новороссийске. На докладной записке начальника Морского генерального штаба Ленин написал: «24 мая 1918 года. Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно». *

В это же время вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса...

Вооруженное нападение интервентов и мятеж чехословацкого корпуса придали силы и смелость русской контрреволюции.

На огромной территории от Волги до Владивостока подняли головы белогвардейцы, громя Советы, устраивая расправы над большевиками и сочувствующими им людьми.

В числе первых против белочехов и белогвардейцев послали 4-й Видземский латышский полк. Перед самой отправкой на фронт во главе полка был поставлен Азен, а Ян Лацис назначен его помощником-заместителем.

29 мая видземцы высадились из эшелонов под станцией Безенчук в 66-ти километрах от захваченной врагом Самары. Азен и Лацис сразу же повели полк в бой. Приободрились беспорядочно отступавшие под напором белых местные красногвардейцы.

Контрудар красных приостановил продвижение мятежников и белогвардейцев.

Затем, когда враг вышел на правобережье Волги, Видземскому полку была поставлена задача оборонять железнодорожную станцию Инза — важный коммуникационный узловой пункт советских войск на Восточном фронте. Рядом с латышами сражались красногвардейский отряд Попова, отряд, состоявший из коммунистов Сызрани и Самары, 1-й Минский бронепоезд имени В. И. Ленина и Смоленская батарея.

Целый месяц инзенская группа не выходила из боя. В конце июня Видземский полк был окружен двумя полками белочехов. Латыши несли большие потери. Был серьезно ранен и командир полка Азен. Его место занял Лацис. Хотя и с большими жертвами, но Ян сумел вывести полк из окружения.

Тем временем в Инзу прибыла из Москвы группа видных партийных работников и военных специалистов с задачей сформировать здесь 1-ю армию Восточного фронта. Командующим армией был назначен М. Н. Тухачевский, политическим комиссаром — В. В. Куйбышев.

В открытое окно вагона лилась вечерняя прохлада. Большая керосиновая лампа у потолка освещала желтым светом висящую на стене карту-десятиверстку, полированный откидной стол с бумагами, лица двух собеседников: широкое, крупногубое с мощным лбом и узкое, тонкое, с большими ясными глазами.

— Что ж, товарищ Тухачевский, уже жить можно, — подытожил предыдущий разговор Куйбышев.— Теперь давайте думать, кого посватаем в начдивы.

* В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 36.

Отряд коммунистов перед отправкой на Восточный фронт

— Да, придется крепко подумать, — отозвался Тухачевский. — Лучшей кандидатуры, чем командир четвертого Видземского латышского полка Азен, трудно представить. Но Азен вышел из строя...

Командующий 1-й революционной армией Восточного фронта отошел к столу. Тщательно вычищенные сапоги поскрипывали в такт четким шагам.

— Вот донесение. Полк оказался в кольце белочехов и понес большие потери.

— Знаю, — Куйбышев вынул из нагрудного кармана темно-зеленой гимнастерки листок бумаги. — Но у Азена оказался совсем неплохой помощник — Лацис. Вывел полк из окружения и при этом здорово потрепал беляков... Что скажете об этой кандидатуре?

— Не очень надежен, — ответил командарм. — Мальчишка, извините, двадцать один год!

— Ну-ну, так уж и мальчишка! — улыбнулся Куйбышев. — Позвольте узнать, который годок стукнул вам, Михаил Николаевич?

Щеки Тухачевского залил румянец.

Валериан Владимирович Куйбышев

— Не в возрасте дело, конечно, — после паузы сказал командарм, — а в поведении. Нам нужны абсолютно дисциплинированные кадры на таких постах. А Лацис не отличается хладнокровием.

— Месяц беспрерывных боев повытряхивал из него остатки юношеской дури... Человек же он со всеми потрохами наш, большевик, да и талантлив к тому же как командир!

— Как знаете, товарищ Куйбышев, — холодно произнес Тухачевский. — Мое дело командовать, а насчет кадров — карты в руки комиссарам.

— Зря вы так. Обоим нам и командовать, обоим и людей подбирать. Давайте, посылайте за Лацисом... Была у него какая-то выходка — действительно мальчишеская. Но я слышал о нем и такие слова: «Военное дело понимает и любит»... Знаете, кто это сказал? Ленин...

Тухачевский, прохаживавшийся по вагону, замер на полушаге. Затем быстро покрутил ручку телефонного аппарата и сказал в трубку несколько слов.

— Вот так, товарищ командарм. — Куйбышев опустился на стул. — Понимаю, очень трудно всецело поверить в очищающую силу революции. Слишком уж все вокруг необычно, невероятно бурно. Время проверяет людей в борьбе. Срывает наносное. У иных ничего за

душой не оказывается, а у других там — крепкое, прокаленное ядрышко.

В дверь постучали, и на пороге вырос высокого роста жгуче черноволосый человек в перетянутом ремнями френче защитного цвета, галифе и в запыленных сапогах. Держа фуражку в левой руке, он доложил:

— Исполняющий обязанности командира четвертого Видземского латышского революционного полка Лацис прибыл!

— Проходите, садитесь, товарищ Лацис, — обратился к нему Куйбышев.

Комиссар и командарм пожали руку Лациса, потом все уселись.

— Вот, думаем предложить вам новый пост, — с улыбкой начал Куйбышев. — Решено из частей и отрядов, обороняющих Инзу, создать Инзенскую революционную дивизию. И вас назначить ее начальником. Справитесь?

Лацис медленно встал, одернул френч. С полминуты он молчал.

Куйбышев слегка покашлял в кулак.

— Может, вам надо время, чтобы подумать? — спросил он, видя замешательство Лациса. — Мы подождем.

Но тот уже пришел в себя.

— Революции ждать некогда, товарищ комиссар, — твердо ответил Лацис. — Готов выполнить ваш приказ.

— Вот и хорошо, товарищ Лацис. Садитесь. Теперь давайте обдумаем состав штаба.

— Штабом мог бы руководить Страупе, — произнес Тухачевский. — Дельный товарищ, с головой и аккуратист...

На прощание Куйбышев, положив руку на плечо нового начдива, посоветовал:

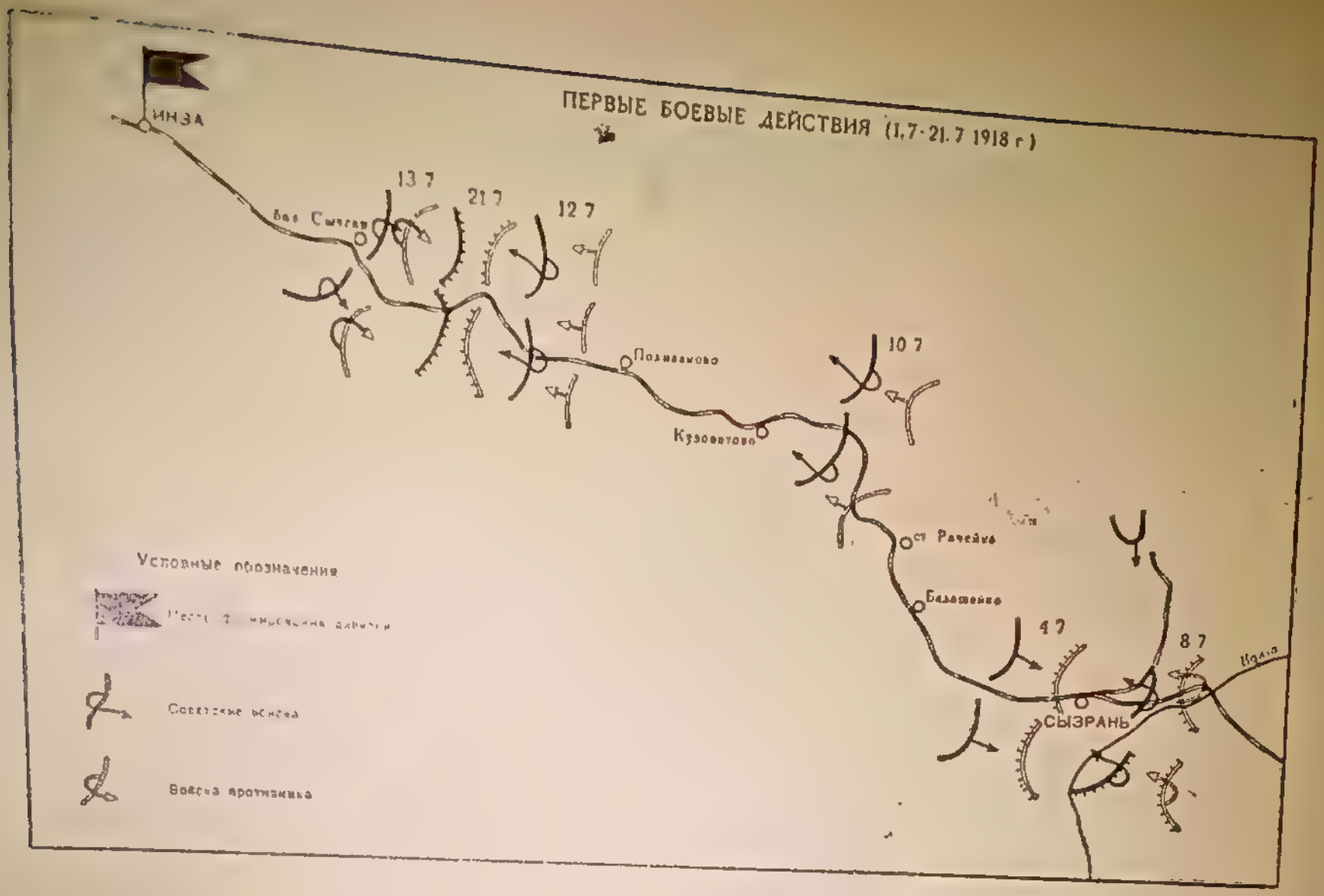
— Главное сейчас — искоренить даже дух партизанщины. Беспощадно добиваться железной революционной дисциплины, беспрекословного повиновения командирам и начальникам. Если не добьетесь этого, не будет у вас настоящей боевой революционной дивизии!

— Слушаюсь, товарищ политический комиссар! — ответил начдив, всего лишь два с небольшим года назад призванный из батраков рядовым в 4-й латышский Видземский стрелковый полк...

29 июня 1918 года был издан приказ по 1-й революционной армии. Согласно этому приказу из частей, защищавших Инзу, создавалась стрелковая дивизия — первая в армии и одна из первых на Восточном фронте — Инзенская революционная дивизия. В нее вошел и 4-й латышский Видземский стрелковый полк, который сразу же на своем собрании выделил шесть лучших коммунистов в распоряжение начдива Лациса, в том числе на должность начштаба Бернгарда Страупе, на должность начальника снабжения Карла Калнина и четырех человек оперативными работниками.

Вскоре обязанности помощника начальника штаба дивизии принял Владимир Александрович Максимов — бывший прапорщик и делопроизводитель суда 95-го Сибирского полка старой армии.

В начале июля по приказу командующего армией М. Н. Тухачевского Инзенская дивизия, основные си-



лы которой составляли Видземский полк и красногвардейский отряд Попова, ударила вдоль железной дороги на Сызрань. Чехословацкие мятежники отступили. Инзенцы вошли в Сызрань.

И тут — удар в спину. В Симбирске мятеж. Его поднял занимавший пост командующего Восточным фронтом подполковник царской армии Муравьев, присоединившийся к левоэсеровскому мятежу в Москве.

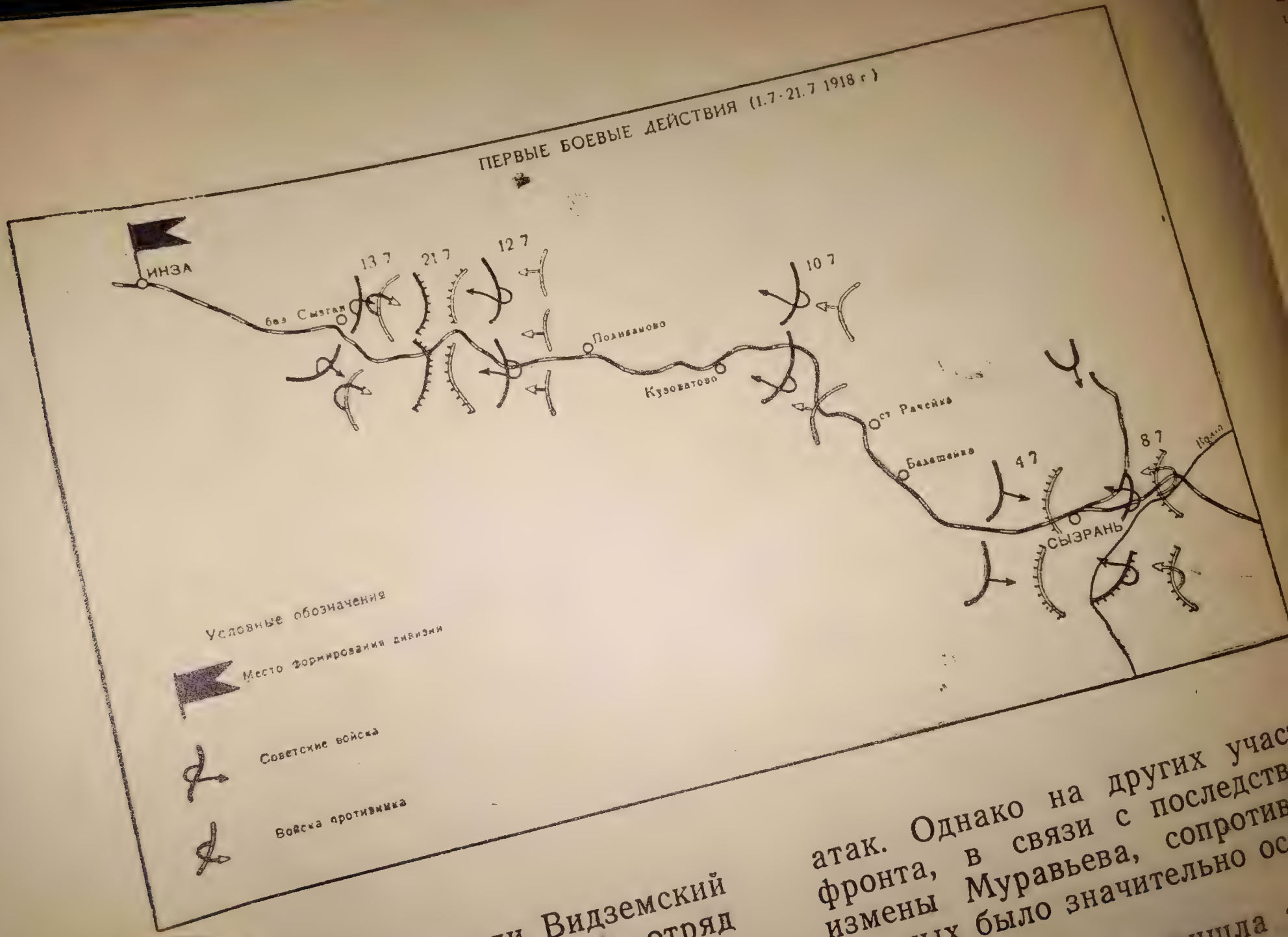
Белые ожили. 10 июля Сызрань вновь оказалась в их руках. Враг повел стремительное наступление. Но 12 июля оно захлебнулось у реки Барыш в 60-ти километрах от Инзы. Латышские стрелки и сызранские красногвардейцы, влившиеся в дивизию, стали на пути белых непреодолимой преградой. Они выдержали одну за другой восемь атак. Однако на других участках фронта, в связи с последствиями измены Муравьева, сопротивление красных было значительно ослаблено.

Утром 13 июля пришла тревожная телеграмма главкома страны: немедленно отправить в Симбирск латышский полк. 4-й Видземский латышский полк снялся со своих позиций и выступил на защиту Симбирска. В Инзенской дивизии осталась горстка бойцов...

Снова наступили тяжкие дни. Враг нажимал, но инзенцы держались стойко. Когда наметился прорыв белых в районе Заводской Решетки, в контратаку пошел и штаб дивизии в полном составе.

Линия фронта была восстановлена.

На других участках фронта противник теснил советские войска.



...авляли Видземский ...кий отряд ...ой

атак. Однако на других учас
фронта, в связи с последств
измены Муравьева, сопротив
красных было значительно ос

22 июля был оставлен Симбирск, через две недели — Казань. В руках противника оказались Самарская, Уфимская и Оренбургская губернии, значительная часть Саратовской, Симбирской, Пермской и Вятской.

«...Измена левого эсера Муравьева... на Восточном фронте стоила жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами... Когда Муравьев совершил измену, он едва не открыл всего фронта и навлек целый ряд тяжелых поражений». *

Это писал в те дни Ленин.

Бронепоезд зло попыхивал на путях. Он то делал рывок вперед шагов на двести, то откатывался назад, гремя орудийными выстрелами.

Лацис лежал на платформе вместе с работниками штаба и двумя десятками бойцов. Просунув винтовку в бойницу, он не спускал глаз с ярко-зеленой хвои на опушке леса справа от железнодорожного полотна. Там залегли мятежники и белогвардейцы. Сколько их прорвалось со стороны Сызрани — никто не знал. Во всяком случае, огонь они вели довольно плотный и пытались продвигаться вперед.

Лезли к Инзе. А там — штаб армии и ни одного красногвардейца из частей. Если бы знать, сколько приблизительно белых под насыпью, можно было бы атаковать!..

Гремели редкие винтовочные выстрелы, а еще реже — пушечные. Бронепоезд медленно пятился к станции, чтобы не оказаться в ловушке.

Вдруг под насыпью возле самой платформы мелькнула человеческая фигура. Лацис мгновенно повернул винтовку. Человек в серой рубахе махал руками.

— Свой я, свой, не стреляй!

Подпрыгнув, человек ухватился руками за верхний край платформы, перебросил сначала одну ногу, а потом и вторую. Со стороны опушки затрещали выстрелы.

— Кто такой, откуда? — спросил командир дивизионной разведки Алексей Надеждин.

На платформе лежал молодой парень с густой шевелюрой русых волос. На ногах у него были огромные стоптанные ботинки из грубой кожи. Серая косоворотка и такие же штаны — в грязи. Полз, видно, долго.

— Здешний я, — часто дыша, заговорил парень. — Кондратом меня зовут, а фамилия Удалых. Возьмите к себе.

— Ишь ты! — одобрительно протянул Надеждин. — Не из робких, как я погляжу. А беляков у полотна много, не заметил?

— Чего ж не заметил... Нарошно поглядел. С пяток десятков их будет. Мимо меня все прошли к чугунке-то!

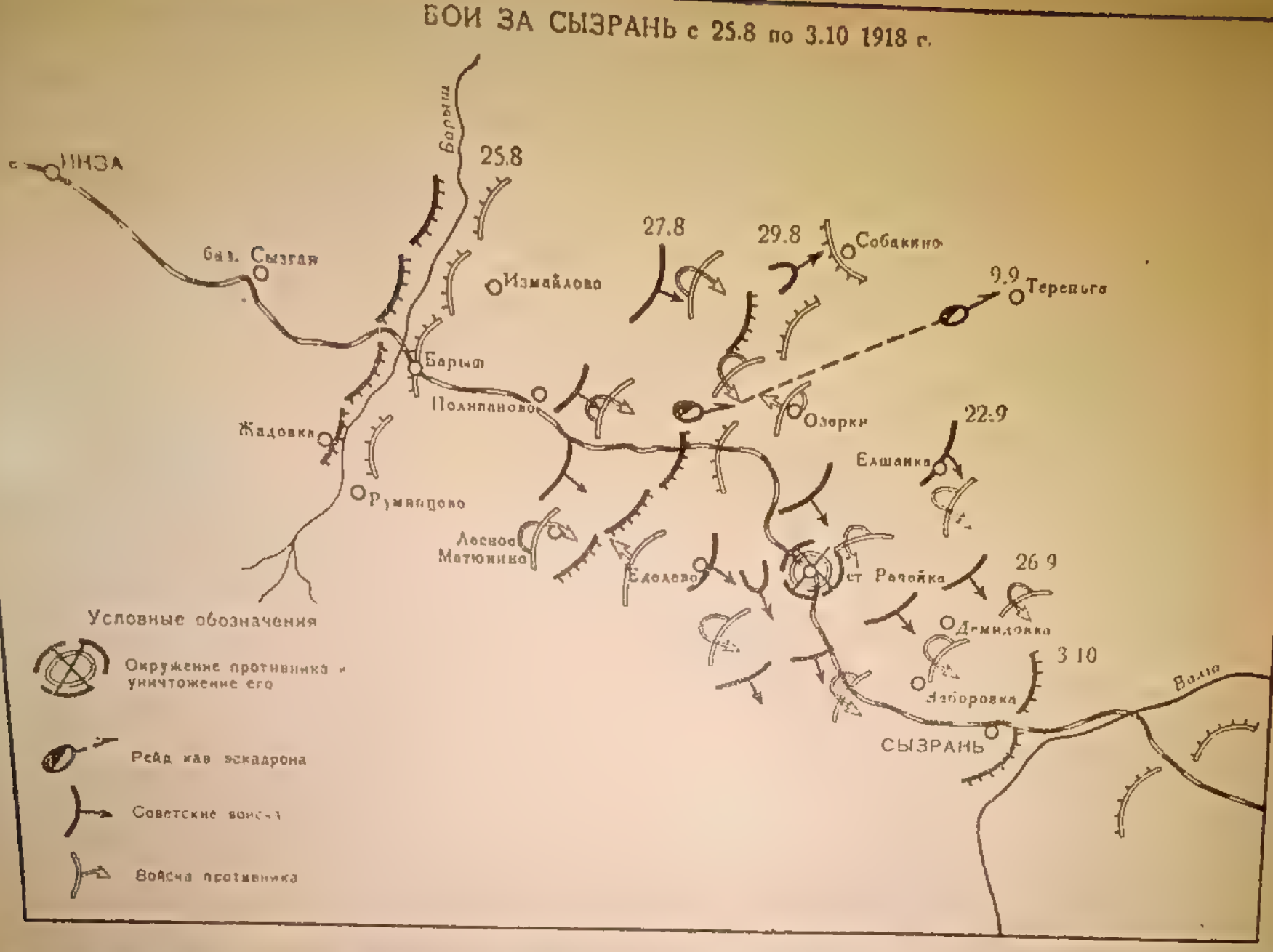
— С пяток десятков, говоришь? — лицо Лациса прояснилось. — Если так, то ждать тут нечего. А ты, Кондрат, не ошибаешься?

— Не слепой небось, — насупился парень.

Лацис поверил. Да и противник действовал не очень напористо. Видимо, ожидал подхода более крупных сил. Решение было принято такое: двигаясь, бронепоезд открыва-

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 38, стр. 65.



ет пушечный и пулеметный огонь, а спешившаяся группа атакует вдоль полотна.

Лацис перебрался к машинисту, чтобы удобнее было руководить атакой. По сигналу красноармейцы и работники штаба с криком «ура» поспрыгивали с платформ и через кустарник бросились на врага. Пулеметчики дали такие длинные очереди, что мятежники до сближения с ними красноармейцев не могли поднять голов и успели сделать всего несколько выстрелов. Увидев же атакующих, они бросились бежать...

— Куда же тебя деть, Кондрат? — спросил Надеждин, когда все вернулись на бронепоезд.

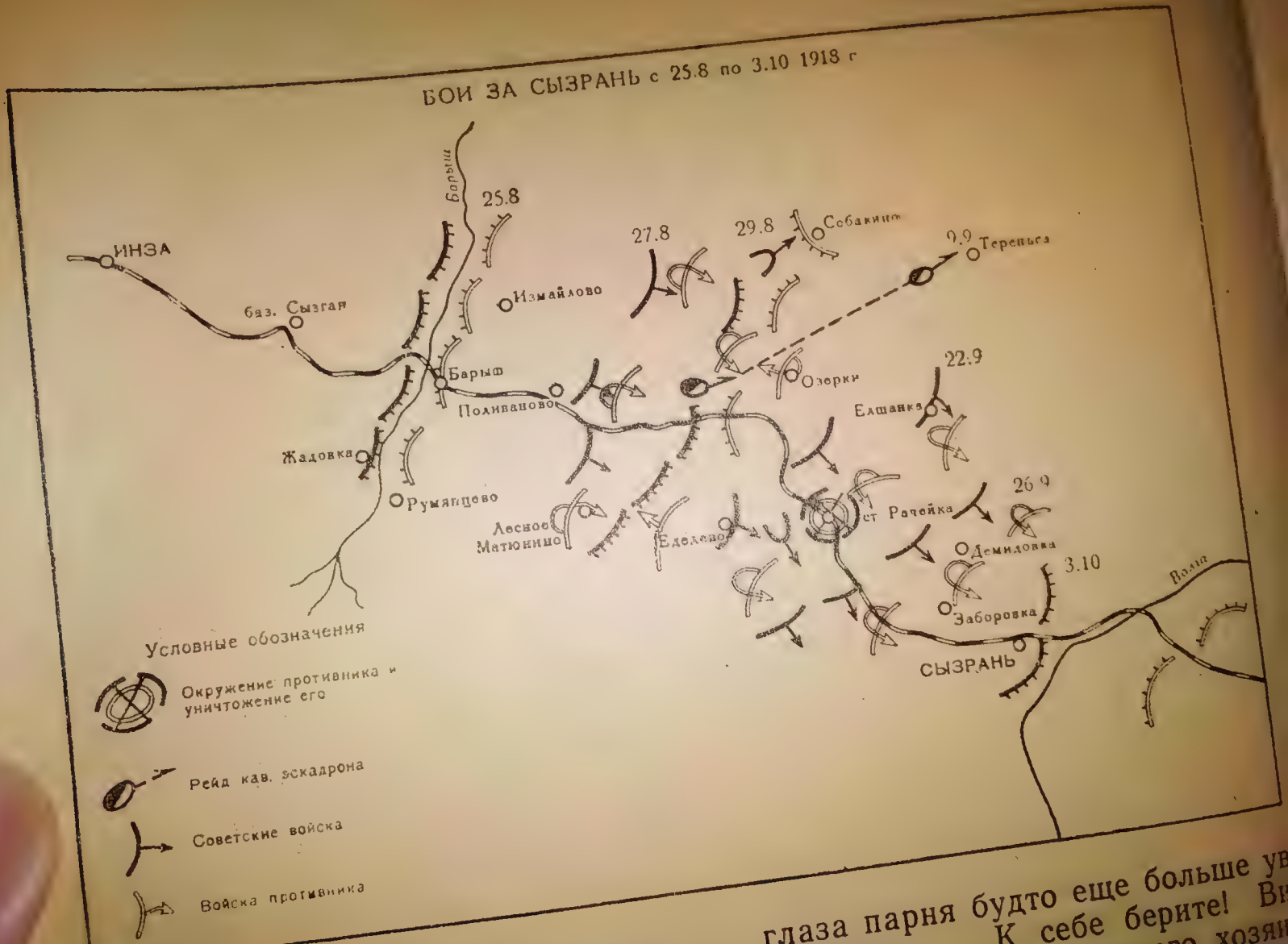
— Как куда? — большие карие глаза парня будто еще больше увеличились. — К себе берите! Винтовку я у бывшего своего хозяина украду. Видал, где прячет... Да и коня могу увести. У Карпуши Крошкина их восемь. А я страсть как лошадей люблю!

— Коней, говоришь, любишь? — улыбнулся Надеждин. — Да ведь кавалерии у нас тут еще нет.

— Как нет? Я видел, ездют, — уверенно заявил парень.

— То конные ординарцы да разведчики...

— Почему бы, товарищ Надеждин, вам не взять Удалых к себе в разведчики? Ведь разведка со временем будет конная, а Кондрат говорит, что за пять верст видит, — вмешался Лацис.



глаза парня будто еще больше ув
нулись. — К себе берите! Ви
ного своего хозяи

Возьму, товарищ начдив, только чтобы потом никакого нытья с его стороны. Учить сам буду...

— А я грамотный, в школу ходил, — перебил парень.

— Учить драться, шашку да винтовку в руках держать, да не перебивать командиров, когда они говорят! — чуть повысил голос Наждин. — Согласный на такое — беру.

— А чего ж я не согласный? Будьте спокойны, не лопоухий я какой-нибудь. Разбираюсь, что к чему...

Так волжский парень, бывший батрак, потом ученик в железнодорожном депо Кондрат Удалых пришел к красным, в только что созданную Инзенскую дивизию, чтобы гнать с земли ненавистных богатеев.

Бои продолжались. Инзенская дивизия по-прежнему стойко обороняла свой участок фронта.

«Дело доходило до того, что одно время между штабом армии, помещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь броневой поезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник Инзенской «дивизии» со своим штабом. Эта кучка героев была остовом, вокруг которого была создана воистину доблестная Инзенская дивизия под командованием самородка-полководца т. Лациса». *

Так писал в своих воспоминаниях о 1-й революционной армии ее политический комиссар Валериан Владимирович Куйбышев.

А опасность, надвигавшаяся с востока, становилась все более грозной.

Чехословацкие мятежники и белогвардейцы захватили всю Сибирь, часть Урала и Поволжья. В ряду других фронтов, образовавшихся вокруг молодой Республики Советов, главным, решающим стал Восточный фронт.

«...Сейчас *вся* судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехо-словаками на фронте Казань—Урал—Самара.

Все зависит от этого...» ** — писал Владимир Ильич.

«Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю В. В. Совету разработать план снятия с Западного фронта *наибольшего* числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок...

...О промедлениях председателю В. В. Совета докладывать мне...» ***

Это распоряжение Ленина Высшему Военному Совету Республики от 10 августа 1918 года.

И пошли на восток воинские эшелоны. Хорошее пополнение получила и Инзенская дивизия. Сюда прибыли 6-й Мценский полк, 2-й эскадрон Карачевского кавалерийского полка, 4-й Воронежский бронепоезд и два броневика.

Одних людей да вооружения было, однако, недостаточно для быстрой победы. Это показало контрнаступление, предпринятое инзенцами по приказу командарма Тухачевского с целью ослабить нажим белых на Симбирскую дивизию, по-

---

* В. В. Куйбышев. Первая революционная армия. Газета «Правда» от 27 января 1935 года.

** В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 57.

*** Там же, стр. 63—64.

павшую в очень тяжелое положение. И хотя за четыре дня полки и отряды под командованием Лациса продвинулись на 50 километров, заняли станцию Поливаново, успех развить не удалось. Дело в том, что войска были «прикованы» к железной дороге и действовали лишь в ее полосе.

Пагубность такой «вагонной» стратегии первым увидел В. И. Ленин. И немедленно принял решительные меры в пользу полевой, маневренной войны. В начале августа штаб 1-й армии получил из Москвы телеграмму:

«Председатель Совнаркома Ленин приказал донести, почему войска 1-й армии до сих пор живут в вагонах и не переходят к полевой войне. Примите меры к выдворению войск из поездов. Пусть войска формируют обозы».

В свою очередь, 12 августа 1918 года В. В. Куйбышев телеграфировал начдиву Инзенской Лацису:

«Командарм приказал немедленно освободить вагоны и паровозы из-под эшелонов, расположив части в ближайших селениях. Для хозяйственных нужд оставить крайне ограниченное число вагонов и паровозов. Задержки вагонов и паровозов нарушают правильность движения и тормозят доставку на фронт воинских эшелонов. Политкому дивизии наблюсти за исполнением. Об исполнении донести в кратчайший срок».

Лацис и сам понимал, что с «вагонной» стратегией освобожденную от белых территорию не удержать. Противник обязательно попытается срезать вбитый инзенцами клин.

И донесения разведки подтвердили опасения начдива. Ослабив нажим на Симбирскую дивизию, белогвардейцы бросили большинство наличных сил на фланги инзенцев. Оборона была немыслима без развертывания полков влево и вправо от железной дороги по реке Барыш.

Лацис отдал приказ: к 8 часам утра 14 августа освободить семь паровозов и восемьдесят вагонов, мобилизовать на разгрузку всех, кто не участвует в бою непосредственно...

Однако приказ был понят не всеми. Не все еще привыкли к строжайшей безоговорочной дисциплине, и разгрузка вагонов прошла далеко не гладко.

У палисадника спешился запыленный ординарец. С грохотом ввалился в сени, одним духом выпил зачерпнутый из кадки полный ковш воды, а потом стал в положение «смирно» и деликатно постучал рукояткой плетки в дверь. Она сразу распахнулась. В проеме двери стоял Лацис.

— Товарищ начдив, у мценцев какая-то заварушка, вагонники артачатся...

— Коня!

Через две минуты горячий августовский воздух за околицей станции Поливаново туго ударил им в лицо. «Неужели какую гидру проглядели? — думал Лацис. — В такой-то момент! Нет, это скорее отрядники, митинговщики! И где? В большевистском Мценском полку!»

Еще до октябрьского переворота солдаты и унтер-офицеры 189-го и 233-го запасных полков в городе Мценске Орловской губернии находились под сильным влиянием большевиков. В первый же день социа-

листической революции они стали на сторону Советской власти. Душой полка был большевик штабс-капитан Андрей Григорьевич Рева.

Когда царская армия была распущена, Рева создал из группы демобилизованных солдат 189-го и 233-го полков Красную роту и стал ее командиром. К 1 марта 1918 года роту преобразовали в отряд, состоявший из двух пехотных сотен, пулеметной команды и конной разведки. 5 апреля 1918 года он получил название: 1-й Мценский батальон Красной Армии. Батальон продолжал расти и вскоре был развернут в 6-й Мценский народный полк. Командиром опять утвердили любимца бойцов коммуниста А. Г. Реву.

Накануне выступления на Восточный фронт Рева, чтобы очиститься от неустойчивых элементов, объявил:

— Кто не хочет ехать на фронт, может оставаться.

Желающих остаться оказалось немного. Рева выдал шкурникам документы, в которых указал, что такой-то в тяжелое время для республики предал ее, за что с позором изгоняется из Красной Армии. Людей с такими «увольнительными» презирали, они потом просили принять их обратно в Красную Армию или заменить документы, но и сам Рева, и воины Мценского полка не простили отступников.

Сразу по прибытии на Восточный фронт 6-й Мценский полк был отправлен под Матюнино и по приказу Лациса рыл там окопы. На железной дороге оставалась лишь полковая хозяйственная команда, начальник которой лежал в дивизионном лазарете, да бойцы, задержавшиеся в тылу по разным причинам. Этой группе мценцев и было приказано во главе с только что вышедшим из лазарета адъютантом 2-го батальона, бывшим подпоручиком 233-го пехотного полка, очистить эшелоны полка.

Мценцы сначала разгружали вагоны с шутками и прибаутками:

— Уф, черти, пирсилину-то сколько припасли...

— Не «пирсилин», а пириксилин, башка еловая!

— Один хрен... Ежели жмякнет, от такого вот эшелона и колес не останется!

— Это они в Инзе нагрузились. Там этого добра много на складах осталось...

— Ты потише ящиком-то грохай, грамотей! А то загремим на тот свет до пришествия мировой революции...

— Он без запала не взрывается... Детонация ему нужна.

Много всякой всячины было напичкано в теплушках-вагонах. И нужной, и ненужной. Потому мценцы поначалу и потрошили вагоны с легкими сердцами.

Но когда дело дошло до эшелона 2-го батальона и вагона хозяйственной команды, разгрузка затормозилась.

— Братцы! — исступленно завопил вертлявый красноармеец. — В голодную степь выгоняют! Белочехам под пули! На голод и пешее хождение! А куда я, к примеру, барахлишко свое прихвачу? Оно у меня не дареное!

Кое-что из лишнего «барахлишка» было почти у каждого. Ну почему при случае не запастись вторым котелком, добро что и положить есть куда — под нарами места хватало! И когда адъютант

слыхал тираду вертлявого, он сразу понял: она не останется без сочувствия.

— Погодим, погодим! — раздались голоса. — Авось отменют...

Бойцы полезли в карманы за кисетами, присаживаясь на концы шпал.

— Что здесь за галдеж? — коршуном налетел на них адъютант.— Почему сели? Встать! Продолжать разгрузку!

Большинство бойцов поднялось, но пять или шесть продолжали сидеть.

Здоровенный парень, слюнявя самокрутку, прогудел:

— Мы, ваш бродь, товарищ командир, не базарные торговки, чтоб галдеть... Мы революционные бойцы!

— Какие же вы революционные бойцы, если приказ не выполняете? — еще более разгорячился молодой адъютант, хоть и бывший царский офицер, но искренне преданный революции. — Это распоряжение самого Ленина, из Москвы! Вагоны нужны для доставки оружия на фронт.

Парень медленно поднялся, так и не прикурив от задымившего в руках трута.

— Ты, ваш бродь, Ленина не замай! — загремел он. — Ишь, к кому примазывается! Обижать бойцов ему приказал Ленин! А мы тебя, господин-товарищ, знаем... Золотые погоны-то небось в кармане носишь? Так и ждешь случая, чтоб к своим махнуть? Там наши мценцы кровь проливают, а мы тут их добро вышвыриваем! Долой контру!

Верзила коротко ткнул тлеющим трутом в лицо адъютанта.

— Как ты смеешь! — вскричал адъютант. — Под трибунал пойдешь за это! Арестовать его!

Он выхватил наган.

Бойцы не шелохнулись. Только медленно поднялись те, которые еще сидели.

В это время из-за пакгауза вылетели два всадника. Все обернулись на дробный стук копыт и сразу узнали начдива.

Лацис осадил коня, спрыгнул. Спешился и ординарец. Но начдив негромко приказал:

— Аллюр три креста — за Ревой!

Ординарец мгновенно умчался.

— В чем дело, товарищи? — высокая фигура Лациса заслонила малорослого адъютанта.

Бойцы застыли в смущенном молчании.

— Уберите револьвер! — вполголоса бросил Лацис адъютанту.

— Да вот... — помялся с ноги на ногу парень с трутом в руках. — Трибуналом грозится, арестовать меня, революционного бойца, захотел... А сам, небось, записная контра!

Лацис резко повернулся к адъютанту.

— Вы отдавали приказ об аресте этого бойца?

— Так точно, товарищ начдив! — адъютант щелкнул каблуками сапог. — За оскорбление начальствующего лица действием.

Лацис глянул на запачканную щеку адъютанта, на обгорелый трут и все понял. Так же резко повернулся к бойцам.

— Почему не выполняете приказ командира? Вот вы и вы! Как фамилия?

— Красноармеец Пенкин!

— Красноармеец Сидорков!

— А ваша?

— Красноармеец Малюков, — угрюмо ответил нахмурившийся вер-зила.

— Красноармейцам Пенкину и Сидоркову приказываю взять под стражу красноармейца Малюкова! — жестко произнес Лацис. — Остальным продолжать разгрузку вагонов!

Подталкивая друг друга, мценцы полезли в теплушки.

— Докладывайте, что произошло, — Лацис снова повернулся к адъютанту.

Теплушки 2-го батальона были уже очищены, когда прискакал бессменный командир 6-го Мценского полка Рева. Он спешился, снял выгоревшую под солнцем фуражку, стряхнул с нее пыль, вытер платком пот с лица, смахнул ладонью комья сухой глины и травинки с порыжелых синих бридж и только тогда подошел к Лацису.

— Командир шестого Мценского прибыл, товарищ начдив! — доложил он.

— Разберитесь тут сами, товарищ Рева, — распорядился Лацис, поздоровавшись. — А мне надо в штаб. Кстати, прикажите доставить в особый отдел красноармейца Малюкова.

— Слушаюсь, товарищ начдив!

Лацис направился к коню.

— Товарищ начдив, товарищ начдив! — к Лацису бросилось несколько красноармейцев. — Простите Малюкова. По глупости натворил парень... Не разобрался что к чему.

— Темнота этот Митька!

— Совсем, как дубина стоеросовая! Простите его.

Митька стоял между конвоирами, опустив плечи.

— А вы как думаете? — обратился Лацис к адъютанту батальона.

Тот помялся:

— Глуп он, это верно. Конечно, если бы раньше... Военно-полевой суд бы ему и — крышка за такое преступление...

— Ну, а сейчас как же, по-вашему, поступать с преступниками? — мягкий обычно голос Лациса снова зазвучал жестко.

— Трудно сказать. Думаю, что с учетом революционного гуманизма... Я бы его... подержал под арестом и... простил. Недоразумение вышло, да он, видать, уже понял это.

— Так-так... — Лацис прищурил глаза. — Сегодня Малюков по глупости швыряет своему командиру в лицо трут, а завтра по этой же глупости застрелит его... Нет, товарищи! Малюков совершил воинское преступление и будет наказан по всей строгости революционного закона. Во имя революции мы не можем прощать ни одного самого малейшего нарушения дисциплины. Без железной дисциплины мы не победим!

К 25 августа 1918 года советские войска Восточного фронта уже имели численное превосходство над противником. Был отдан приказ о переходе в наступление. Войска 1-й революционной армии получили задачу освободить Симбирск.

Накануне М. Н. Тухачевский ознакомил начальников Инзенской и Симбирской дивизий с планом наступления. Он состоял из двух этапов.

Первый этап. Энергичное наступление Инзенской дивизии по обеим сторонам железной дороги на Сызрань и овладение станцией Кузоватово. Симбирская дивизия в это время ведет активную разведку. И лишь один ее полк, Витебский, участвует в наступлении, для чего придается Инзенской дивизии.

Второй этап. Прямое наступление на Симбирск силами Симбирской дивизии. Инзенская дивизия в это время наносит противнику, обороняющему город, фланговые удары.

В ночь на 25 августа инзенцы скрытно перешли вброд реку Барыш и на рассвете стремительно атаковали противника. 28 августа станция Кузоватово пала.

За четыре дня наступления Инзейская дивизия продвинулась на 40 километров и полностью разгромила вражескую группировку противника, прикрывавшую Симбирск с юга.

Задача первого этапа Симбирской операции была успешно решена. Войска сразу же перешли к выполнению второго этапа.

Полки дивизии выстроились по обе стороны железнодорожной насыпи. На платформе бронепоезда появились начдив и комиссар.

Начдив вышел вперед.

— Товарищи! — голос Яна Лациса дрогнул. — В Москве тяжело ранен Владимир Ильич Ленин!

Тихий шелест, похожий на стон, пронесся над колоннами.

Начдив и комиссар говорили о злобе, коварстве врагов революции, о ближайших задачах дивизии и армии по овладению Симбирском и Сызранью, а Кондрат почти ничего не слышал. Он был ошеломлен, оглушен страшной вестью. Ленин, их пролетарский вождь, ранен вражескими пулями...

Вчерашний батрак, а потом подручный деповского рабочего, Кондрат Удалых не особенно разбирался в политике. Да и лет ему было девятнадцать с небольшим. Но азбуку революции он усвоил сразу. Кондрат прочитал декрет о мире, о земле. Под ними стояла подпись: Ленин. И Кондрат понял, кого ему надо держаться в разгоревшейся схватке. А за минувшие девять месяцев после Октябрьского переворота он прошел целую, можно сказать, академию. Преподавателями в ней были рабочие-путейцы, суровые, но надежные друзья Кондрата, а наглядными пособиями — жадный хозяин-кулак, да и сама жизнь с посвистом белоказацких шашек и пуль. И теперь все, с чем связывалось имя Ленина, сразу становилось для красноармейца-разведчика Удалых удивительно близким и родным.

О Ленине не раз рассказывал начдив Лацис. Он тоже бывший батрак и прислан сюда самим Лениным...

Комиссар поднял вверх руку с крепко сжатым кулаком.

— Ответим на раны Ильича сокрушительными ударами по гидре контрреволюции!

— Даешь Симбирск, родной город Ленина! — прогремел голос командира Мценского полка Андрея Ревы.

— Даешь! — выдохнул сызранский отряд.

— Даешь! — катилось по рядам красноармейцев Карачевского полка.

Кондрату очень хотелось, чтобы начдив скомандовал сейчас атаку. Он готов был мчаться с шашкой в руке сколько угодно, на любого врага, хоть на сотню пулеметов, лишь бы чуточку утолить беспредельную ненависть к белякам...

Командарм Тухачевский приказал Лацису перерезать в тылу у противника тракт Симбирск—Сызрань, чтобы разрушить взаимоподдержку двух белогвардейских гарнизонов.

Начдив выделил для операции 2-й кавэскадрон Карачевского полка и дивизионную конную разведку.

Сентябрьским вечером, в сумерках, отряд покинул станцию Кузоватово. Конники шли балочками да ярками, гуськом пробирались лесными тропинками. Глубокой ночью им удалось незамеченными обойти вражеские позиции и приблизиться к селу Тереньга, через которое проходил большак и телеграфная линия.

Командир эскадрона собрал взводных.

— Село охватим с трех сторон. Да так, чтобы ни одна ветка не хрустнула. Атака — по красной ракете. Главное — шашки. Лишняя пальба ни к чему.

Всадник за всадником, словно призраки, погружались в сырую темень. Кондрат видел перед собой лишь смутно серевший круп идущего впереди коня да желтоватый

огонек где-то в центре Тереньги. Огонек приближался.

«Телеграф или штаб?» — подумал Удалых, и ему захотелось, чтобы во время атаки огонек оказался на пути их отряда.

Прошло с полчаса. Огонек заметно приближался.

Остановились. «Молнию» жгут, сволочи, — определил Кондрат. — Она керосинищу жрет не дай бог. Кулачье ничего для беляков не жалеет...»

В душе заскреблось будоражащее чувство мстительной злости. Это чувство появлялось всегда, когда Кондрат вспоминал своего хозяина, Карпушу Крошкина. Хозяин позволял батраку есть только в своем присутствии. И видя, как до смерти голодный Кондрат обжигается огненной пшенной размазней, наставительно гудел: «Неча дуть-та, не барин небось. Да и рассиживаться неча. Не пузо набивать пришел, а работать».

Взвилась ракета, и мерцающий свет окрасил в зловещий багрянец погруженное в сон село с добротными домами и плетеными заборами.

Дрозд, потянувшийся было к сочному капустному вилку, вздрогнул, и, пришпоренный Кондратом, устремился вперед. Дробно застучали копыта. С посвистом обнажились шашки.

Первыми спохватились собаки. Залились лаем и завыли.

Дрозд рванул было в сторону, чтобы обойти плетень и выскочить на простор улицы, но Кондрат снова пришпорил его и натянул поводья. Конь захрапел, встал на дыбы и прыгнул через ограду во двор. Под ноги ему без звука бросился огромный белый волкодав. Но острые собачьи зубы не успели сомкнуться на лошадиной ноге. Кондрат коротко рубанул клинком, и волкодав так же без звука лег под копыта.

Открылась дверь. Кондрат успел заметить у выскочившего во двор человека лишь прямоугольник белой рубашки между полами незастегнутого френча. Коротко взвизгнула шашка. Белый прямоугольник исчез...

Дрозд грудью повалил боковой плетень и вымахнул на широкую сельскую улицу. Щелкнул первый выстрел. И сейчас же будто мешок с орехами высыпали на железную кровлю. Стреляли всюду. Кондрат направил коня к освещенному окну. Туда уже мчался кто-то. На крыльце показался черный силуэт. Снова зачастили выстрелы. Передняя лошадь повалилась. Удалых рванул повод вправо. Дрозд резко взял в сторону. Рядом свистнула пуля. Кондрат спрыгнул, воткнул клинок в землю и, не выпуская из левой руки поводьев, правой выхватил гранату, вырвал зубами кольцо и метнул гранату в сторону крыльца...

Смолкли выстрелы. Белых в Тереньге не осталось.

Тем временем Симбирская дивизия и приданный ей Курский полк атаковали занятый белыми родной город Ильича.

Над Волгой стлался черный дым. Что-то горело в предместье Симбирска. То и дело раздавались взрывы. Белые вели методичный артиллерийский огонь.

Виктор Попов, прижимая к набрякшим векам окуляры бинокля,

не отрывал глаз от ажурных ферм моста, которые казались медными в лучах вечернего солнца. Возле них затаились пулеметные гнезда врага.

— Ну что, товарищ комиссар? — нетерпеливо спросил лежавший рядом командир 1-го батальона. — Будем поднимать?

Комбат назвал Виктора комиссаром, хотя Попов был лишь председателем полкового партийного комитета. Но после того, как комиссар Кочетов и присланный из Москвы агитатор Мусатов были убиты, к 18-летнему предпарткома обращались не иначе, как к комиссару.

Курский полк, воодушевленный тем, что идет освобождать от белогвардейцев родной город Ленина, рвался в бой. На помощь Железной Симбирской дивизии, которой командовал Гая Гай, шла внушительная сила — 2000 прекрасно экипированных красноармейцев с 30 пулеметами, артиллерийская батарея, бомбометная команда...

Выгрузились на берегу Волги. Сразу привезли приказ: 1-й батальон оставить на месте, а 2-й и 3-й с бомбометной командой и батареей отправить на пароходах в обход противника с задачей — захватить станцию Майна под Симбирском со стороны Сызрани.

— А каков будет приказ нам? — поинтересовался командир 1-го батальона.

— Мост! — сказал прискакавший представитель штаба Симбирской дивизии. — Возьмете мост — чехословакам купаться в Волге, а вам хвала и великая честь. Это надо сделать сегодня.

...И вот уже садится солнце. К атаке все готово. С флангов выдвинули по три пулемета для массированного огня по окопам белых.

— Начинаем? — вновь полувопросительно произнес комбат и взвел курок нагана.

— Погоди... — Виктор Попов встал во весь рост.

— Товарищи, революционные бойцы! — зазвенел его голос. — Нам приказано взять мост через Волгу. Освободим город, где родился Ленин! Вперед!

— В атаку! Даешь Симбирск! — сейчас же вскинулся рядом командир батальона.— Пулеметы — огонь!

Залились пулеметной дробью фланги. Бойцы поднялись в атаку.

Враг молчал.

— Вперед, курские!

— Даешь!

— Ур-р-ра-а!

Двигались перебежками, шагом, опускались на колено, стреляли. Цепь беспрерывно меняла очертания, но безостановочно текла и текла вперед.

Засверкали огоньки у моста. Затарахтели вражьи пулеметы. Невидимые стальные струи стеганули по картофельным бороздам, по прижавшимся к земле людям.

Попов скинул шинель, рванул ворот выгоревшей добела гимнастерки. Его высокая тонкая фигура сразу возвысилась над окружающими. Вскинутая вверх рука сжимала наган.

— Вперед!

Цепь снова поднялась.

— Ура-а-а!..

И не устояли враги.

Видя, как неудержимо накатывается красноармейская лавина, первыми начали пятиться пулеметчики.

— Удирают, собаки! — раздался голос комбата. — Вперед, курские!

С каждой минутой редела цепь. Но красноармейцы уже приближались к мосту.

— Огонь! Огонь по белякам! — кричал пулеметчикам комбат.

Сыпались в Волгу щепки от дощатого настила пешеходной дорожки. Летели в тихую темную воду тела убитых мятежников.

Мост был взят.

Небо на востоке светлело. Над городом Симбирском занималась заря.

12 сентября, на пятый день наступления, в результате лихой атаки частей Железной Симбирской и фланговых ударов Инзенской дивизий, родной город Ильича был полностью очищен от вражеских сил.

И весть об этом быстро дошла до Ленина.

В переднюю квартиры Ленина вошли Яков Михайлович Свердлов и Феликс Эдмундович Дзержинский. Лица у обоих были необычно оживленными. Они приветливо поздоровались с Надеждой Константиновной и врачом.

— Дело есть к Владимиру Ильичу, — вполголоса произнес Дзержинский.

— Да, — подтвердил Свердлов. — И совсем небольшое.

— Никаких дел, товарищи! — резко запротестовал врач.

Яков Михайлович обезоруживающе улыбнулся.

— Улыбки не помогут! — врач даже замахал руками. — Пока я здесь нахожусь, Владимир Ильич не будет заниматься государственными делами. Любые известия требуют принятия мер, и они наверняка взволнуют больного.

— Ну, а вот такое известие? — Свердлов протянул врачу телеграмму.

Пока тот читал, Яков Михайлович и Дзержинский стояли не шевелясь.

Врач возвратил бланк, снял очки и долго протирал их.

— Ведь такое известие не требует принятия мер? — мягко спросил председатель ВЦИКа.

— Да и волнения бывают разные, — вставил Дзержинский. — Иные, например, очень полезны для здоровья. Вы, как врач, должны знать об этом.

— Согласен. Вы можете показать Владимиру Ильичу эту телеграмму. Но, предупреждаю, никаких других деловых вопросов.

— Клянемся! — Яков Михайлович в шутку поднял вверх два вытянутых пальца.

Ленин полулежал в постели, опираясь спиной на две большие подушки, и читал. Левая его рука покоилась на широкой перевязи. Когда открылась дверь, Владимир Ильич бросил на нее короткий взгляд, и его бледное лицо озарилось улыбкой:

— Яков Михайлович! Феликс Эдмундович!

Свердлов, Дзержинский, Надежда Константиновна и врач вошли в спальню.

— Чертовски, чертовски приятно, что вы зашли! — продолжал Ленин, пожимая протянутые руки. — Что слышно с фронта? Как Дон? Как чехи?

Яков Михайлович протянул ему телеграмму.

Ленин быстро пробежал ее глазами и откинулся на подушки.

— И это... — Владимир Ильич потряс телеграммой, — это после

гнусных измен, после фактического развала фронта! Да, революционная энергия может творить чудеса!

Текст телеграммы, полученной с Восточного фронта, из Симбирска, гласил:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самара!»

— Какие молодцы! — Ленин и в самом деле взволновался. — А кто там у нас так здорово воюет?

— Мне сообщили, Владимир Ильич, что наступление на Симбирск вели дивизии товарища Гая и товарища Лациса, — ответил Свердлов.

— Это какой Лацис? — встрепенулся Ленин. — Уж не тот ли ершистый латыш, который в кремлевской охране был?

— Он самый, — ответил Дзержинский.

— Каково, а? — Владимир Ильич снова взял телеграмму. — Двадцатилетний юноша, вчерашний батрак одерживает победы над дипломированными офицерами! А если дать таким, как Лацис, военное образование? Чудеса еще большие будут творить!

Врач строго поглядел на Свердлова и Дзержинского. Поймав этот взгляд, Дзержинский смущенно привстал. Но Владимир Ильич продолжал говорить внимательно слушавшему Свердлову:

— Для нашей трехмиллионной будущей армии потребуются свои красные офицеры. Нам нужны десятки тысяч, сто тысяч таких офицеров. Вместо старых кадетских корпусов, юнкерских училищ, буржуазных военных академий мы создадим новую, советскую систему военно-учебных заведений. Они будут готовить командный состав для Красной Армии из рабочих и крестьян. Сколько у нас сейчас таких заведений, Яков Михайлович?

— Московская пулеметная школа и еще, кажется, десять различных ускоренных курсов.

— Мало, нищенски мало! Необходимо в ближайшие месяцы открыть еще десятки высших военных школ. Мы не сможем успешно воевать без специалистов стрелкового, военно-инженерного, военно-химического дела. Нам нужны минимум пять военных академий, и мы будем их иметь уже к концу этого года...

— Владимир Ильич, — вмешался врач. — Прошу вас, не надо о делах, мы же договаривались!

— Дело — самое лучшее лекарство от всяких недугов, — успокоил его Ленин. — Тем более — наше дело...

Свердлов и Дзержинский встали, чтобы распрощаться.

— Одну минутку, еще одну минутку! — воскликнул Ленин. — Надюша, подай мне, пожалуйста, перо и бумагу. На листе бумаги Владимир Ильич написал:

«Пензенский губисполком и РВС 1 Армии.

Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы. *Ленин.* *

— Прошу вас, передайте это на телеграф! — попросил он.

Свердлов и Дзержинский вышли.

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 37, стр. 95.

Владимир Ильич выздоравливал после тяжелого ранения. Его радовал ход боевых действий на Восточном фронте в сентябре 1918 года. О боевых делах 1-й революционной и других армий он потом написал:

«Сентябрьские военные успехи на Восточном фронте вызваны были в первую очередь той энергичной, решительной и самоотверженной работой, которую выполняли члены партии на Восточном фронте в качестве комиссаров, командиров и рядовых красноармейцев. Сентябрьский подъем питался общим и совершенно правильным убеждением, что без успехов против чехо-словаков Советская республика будет ликвидирована в более или менее короткий срок...». *

Радовало Ильича и то, что красноармейские соединения росли количественно и качественно.

* В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), стр. 75.

...Армия создается, — писал он.— Красная Армия рабочих и бедных крестьян, готовых на все жертвы для защиты социализма... Фундамент заложен прочно, надо спешить с возведением самого здания.

Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И *мы будем ее иметь».* **

Вместе со всей Красной Армией росла и Инзенская дивизия. В ее ряды вливались все новые отряды как добровольцев, так и мобилизованных, целые полки и артиллерийские дивизионы.

Начдив Ян Лацис созвал совещание командиров.

— Докладывай, товарищ Максимов.

** В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 37, стр. 99.

С заскрипевшего венского стула поднялся голубоглазый плотный блондин в офицерском френче — помощник начальника штаба дивизии. Начдиву в Максимове нравилась и внешность, и предельная ясность высказываний, и смелость, даже резкость суждений. Этот бывший поручик старой армии, беспартийный, на совещаниях, в спорах нередко отстаивал куда более принципиальную, более деловую точку зрения, чем некоторые люди, взамен аргументов потрясавшие своими партийными билетами. Немалая часть разработки оперативных планов из-за недостаточной военной подготовки начальника штаба дивизии Бернгарда Страупе ложилась на В. А. Максимова. А последние недели Страупе серьезно болел, и Максимов работал один, просиживая ночи над картами, оперативными сводками и донесениями разведки. Сейчас под голубыми глазами помначштаба таилась синь от бессонных ночей.

— В село Озерки прибыл добровольческий белогвардейский отряд в шестьсот штыков, — начал Максимов. — По сведениям разведки, он готовит прорыв в тыл нашей дивизии на ее левом фланге...

Алексей Надеждин сидел у окна и толстым желтым ногтем указательного пальца исследовал замысловатые трещины на подоконнике. В последние дни конные разведчики много рыскали по тылам противника. Пробирались оврагами, лесом, а к селам приближались лишь ночью. Почти в каждом селе у Алексея находились свои люди. Надеждин перед рейдом отобрал среди низенцев местных жителей, взял их с собой. Они и устанавливали необходимые связи.

Под Озерками посланный в село разведчик привел в лесок к Надеждину оборванца-подростка, с неумытой, но смышленой физиономией. Его по-татарски раскосые глазенки поблескивали в предрассветной полутьме.

Юный разведчик, в огромном сером картузе, замызганном коричневом чекмене и ветхих лаптишках, выложил столько всякой всячины о белых в Озерках, что Надеждин заторопился в дивизию. Все говорило о том, что белые готовят серьезную операцию.

И вот теперь обо всем этом помначштаба докладывал командирам.

План операции составили быстро. Было решено скрытно блокировать овраг под Уваровкой. Для этого выдвинуть стрелковый батальон Вишнякова и двухорудийную батарею Зирко.

Встал Вишняков, шурша кожаной курткой.

— Готов выполнить приказ. Только вот... если белые не захотят лезть в овраг? Если у них окажется другой маршрут?

— Рискнем,—отозвался Лацис.— В конце концов, если сведения о месте сосредоточения окажутся ошибочными, мы ничего не теряем. Все остальные пути белогвардейцам тоже будут перекрыты.

После совещания Надеждин вызвал Кондрата.

— Прокофия, парнишку из Озерков, хорошо запомнил? Так вот, отправляйся с Вишняковым. Прокофий должен подойти с новыми сведениями. Смотри не прозевай. Да и побереги его. Славный мальчишка!

Засада была готова задолго до утренней зари. Бойцы Вишнякова вырыли и замаскировали окопы для стрельбы лежа, батарейцы Зирко установили трехдюймовки на прямую наводку, спрятав их в высоком и густом кустарнике на склонах оврага.

Медленно наступал синий рассвет. Кондрат до боли в глазах всматривался в туман, плывущий над долиной, поросшей местами кустарником. Наконец, он заметил мелькнувшую в тумане фигурку в коричневом чекмене и указал на нее Вишнякову.

— Ну что? — нетерпеливо спросил комбат, когда посиневший от холода парнишка подошел и солидно поздоровался.

— Когда я уходил, собирались выступать, — сообщил Прокофий.

На железнодорожной станции Озерки он видел подошедшую ночью бронеплощадку с пулеметами.

...Белые шли, не маскируясь, в полный рост, ротными колоннами, без боевого охранения. Отряд начал опускаться в овраг. Такая беспечность удивила и насторожила Вишнякова, но он успокоился. Ведь овраг «числился» за белыми. Да и откуда белогвардейское командование могло узнать, что его замысел раскрыт!

Бойцы будто окостенели, прильнув щеками к прикладам винтовок.

Кондрат с любопытством разглядывал приближавшуюся колонну белых. И когда до них оставалось меньше ста шагов, прогремел голос Вишнякова:

— Огонь!

Раздался залп из винтовок. Залились скороговоркой пулеметы. Заухали взрывы гранат...

Опомнившись, белые открыли яростный огонь. А тут еще из-за леска выкатилась бронеплощадка. Ливень пуль обрушился на позиции вишняковцев.

Тогда заговорили трехдюймовки Зирко. Окруженная разрывами снарядов, бронеплощадка поспешно укатила назад в Озерки. Да и белая пехота, встретив уничтожающий огонь, отхлынула вниз, решив, видимо, ждать помощи. Однако помощь не приходила.

Поняв безвыходность положения, белые несколько раз пытались прорваться, но безуспешно. Ночью многие из них старались выбраться из ловушки мелкими группами и даже в одиночку. Только и это не удалось.

Наступили вторые сутки боя. Трехдюймовки Зирко добивали в овраге остатки шестисотенного отряда, когда, наконец, к белым подошло подкрепление. Вражеские цепи атаковали позиции батальона Вишнякова со стороны Озерков. Белое командование рассчитывало, что поднимется и окруженный красными отряд белых. Тогда красным придется туго. Но подниматься в овраге было уже некому. Поэтому контратака красных, казавшаяся противнику невероятной, ошеломила вражеских солдат. Наступавшие цепи дрогнули и рассыпались. Победа была полной.

В приказе войскам Восточного фронта говорилось:

«Во время боев Инзенской дивизии 14 и 15 сентября сего года в районе с. Дворянского в превосходящих силах противник выдвинул

по железнодорожному пути брони-рованную площадку, и завязался бой, продолжавшийся сутки: бой закончился поражением противни-ка, причем последний был отбро-шен к ст. Озерки...» *

Дивизия продолжала получать пополнение. Формировались новые боевые единицы.

В состав дивизии вошел создан-ный весной 1918 года в г. Кромы Орловской губернии 3-й Кромский полк. Его соединили с 6-м Мцен-ским в 1-ю Орловскую бригаду.

Прибыли 7-я Курская легкая ба-тарея и 2-я Алдатовская шестидюй-мовая гаубичная. Вместе с 4-й Ор-ловской они составили 1-й легкий артдивизион.

При штабе дивизии впервые бы-ло создано управление артиллери-ей. На должность начальника Ла-цис поставил старого солдата-ар-тиллериста Барбасова. Этот быв-ший брянский рабочий едва умел подписывать свою фамилию, но в управлении артиллерийским огнем буквально творил чудеса. Много бед принесли белогвардейцам выпущен-ные по команде Барбасова сна-ряды.

Образовался в дивизии и полити-ческий отдел. До этого при воен-комдиве существовал лишь неболь-шой коллектив коммунистов-агита-торов.

Уехал лечиться начальник штаба дивизии Страупе. На его место на-значили Владимира Александрови-ча Максимова.

* ЦГАСА, ф. 157, оп. 2, дело 9, л. 326.

28 сентября рано утром развед-чики вернулись из очередной вы-лазки в тыл врага и привели с со-бой отряд белых из ста человек. Впрочем, это уже были не белые. Насильно мобилизованные из окре-стных сел крестьяне не хотели воевать против Советской власти. Один из них, Василий Грунин, быв-ший фронтовик, и организовал пе-реход к инзенцам.

Много ценного узнал Надеждин от перебежчиков и, не дожидаясь рассвета, помчался к начдиву.

Начдив еще спал. Хозяйка топи-ла печь. Надеждин со строгим ви-дом кивнул ей, чтоб вышла, и шум-но откашлялся. В горнице заскри-пела деревянная кровать.

— Товарищ начдив, это я, На-деждин! — негромко произнес Алек-сей.

— Заходи, товарищ Надеждин, заходи! — раздался в сумраке гор-ницы бодрый голос.

Пока Алексей зажигал лампу-се-милинейку, Лацис оделся. Обернув-шись, Надеждин не увидел на лице начдива никаких следов сна. Тем-ные волосы начдива были аккурат-но причесаны, а жгуче-черные глаза смотрели спокойно, выжидательно.

— Крупного зверя засекли, това-рищ начдив, — горячо заговорил Алексей. — В Балашейке. Бронепо-езд с четырьмя платформами. Взять бы его! Обложить, как медведя, и взять. Вот, смотрите...

Надеждин выхватил из сумки по-трепанную карту и быстро изложил свой план, наметки которого роди-лись еще в пути, после рассказов перешедших от белых солдат. Осо-бенно напирал он на сведения, по-лученные от бывшего фронтовика Василия Грунина.

— А ну-ка, разбуди ординарца, пусть седлает, — распорядился начдив. — Поедем к Реве.

Не прошло и десяти минут, как все командиры Орловской бригады были в сборе. Возле Ревы пощипывал густую черную бородку клинышком комиссар 6-го Мценского полка богатырь Крошинский. Рядом примостился командир одной из рот Федор Михайлович Балашов, бывший рабочий, получивший на русско-германском фронте чин прапорщика за храбрость. Безмятежно поглядывал командир 2-го батальона Сергей Соколов, человек, который умел сохранять поразительное спокойствие даже в самых опасных ситуациях.

Орловцы внимательно выслушали Надеждина и решили небольшим отрядом ворваться в Балашейку с тыла, блокировать бронепоезд, а после этого ударить силами Мценского полка с фронта.

В ночь на 29 сентября отряд в 100 человек с легким орудием двинулся в поход. Впереди шел Василий Грунин. На опасную вылазку были отобраны лучшие из лучших. Бок о бок шагали лесными тропами комиссар Крошинский, командиры рот и взводов Балашов, Белых, Циммерман, самые меткие стрелки, пулеметчики и гранатометчики полка. С орудием шел командир 7-й Курской батареи Лазарев. Возглавлял отряд командир 2-го батальона Сергей Соколов.

Недалеко от выхода из леса, за которым располагалась Балашейка, отряд остановился. Грунин предупредил: впереди наверняка есть засада. По сигналу Соколова к поляне поползли разведчики.

Вскоре они действительно наткнулись на секрет, выставленный белыми.

Глухо прозвучали удары прикладов, и секрета больше не существовало...

На станции было оживленно. По перрону, освещенному фонарями, беззаботно прогуливались белогвардейцы. Пыхтел паровоз бронепоезда, платформы которого с орудиями и пулеметами были безлюдны.

Обо всем разведчики подробно доложили Соколову.

Семен Козловский зарядил орудие, а наводчик Григорий Анопка поймал в прицел боевую платформу бронепоезда и дернул за шнур. Громыхнул выстрел, и сейчас же мощное «ура» возвестило начало атаки. Первым же снарядом были снесены с платформы пушка и пулеметы, а второй снаряд обрушил дождь шрапнели на кинувшуюся по местам команду бронепоезда. Тем временем пулеметчик Сергей Огуленков, успевший подкатить свой «максим» к самому краю перрона, длинной очередью смахнул с него не менее двух десятков белогвардейцев.

Однако часть команды бронепоезда успела спрятаться за стальными бортами. Опомнившийся враг открыл огонь.

Окутавшись паром, лязгая сцеплениями, бронепоезд помчался в сторону станции Рачейка.

Но Балашов с бойцами успел разобрать рельсы. Передняя платформа с ходу врезалась в шпалы. Пришлось белогвардейцам под огнем балашовцев отцеплять ее, чтобы освободиться.

Пока наши бойцы перекатывали орудие, командир батареи Лазарев

Парад частей Красной Армии в Самаре

заметил, как из открытого люка бронепоезда выпрыгнул человек. Он перевел стрелку и скрылся в люке. На все это ему понадобились считанные секунды.

Лазарев догадался. Враг хотел уйти по второй линии. Со всех ног бросился Лазарев к стрелке и поставил ее в прежнее положение.

Машинист, видимо, считая, что путь свободен, дал полный ход. Через полминуты бронепоезд столкнулся с брошенной ранее платформой и сошел с рельсов.

Грянуло красноармейское «ура». Комиссар Крошинский ворвался в паровозную будку и обезоружил машиниста. Воодушевленные его примером бойцы во главе с Федором Балашовым ринулись на платформы. У орудий и пулеметов завязались рукопашные. Пантелеймон Пузанов, Иван Головин и другие взяли в штыки тех, кто спрыгнул с платформы для контратаки.

К рассвету основные силы Мценского полка прорвали вражескую оборону и, почти не встречая сопротивления, соединились на станции Балашейка с отрядом Соколова.

После Балашейки дивизия продвигалась еще быстрее. К вечеру

2 октября под грохот артиллерийской канонады инзенцы подошли к Сызрани.

Ночью разведчики, сумевшие проникнуть на окраину города, доложили начдиву, что противник в панике отходит за Волгу. Лацис приказал немедленно атаковать.

На рассвете 3 октября инзенцы по пятам белых ворвались в Сызрань. В этой атаке принимал участие и приданный Лацису 2-й Пензенский полк Симбирской дивизии.

В полдень прибыли в город и остальные симбирцы.

Все правобережье Волги было очищено от белогвардейцев.

В ночь на 5 октября Инзенская дивизия переправилась на баржах и лодках через Волгу. А вечером 7 октября вместе с передовыми частями 4-й армии она ворвалась в Самару.

Обещание, данное Владимиру Ильичу — ответить на вторую его рану освобождением Самары, — было выполнено.

Реввоенсовет 1-й армии наградил Лациса, Звейнека, Максимова, Реву и других инзенских командиров и комиссаров боевым именным оружием.

Двигались по два в ряд длинной балкой. Справа и слева возвышались ее оранжево-глинистые стены.

— Гляди, — кивнул сосед Кондрата на глину. — Не зря здешнее село Красным Яром прозывается.

И тут же, из-за поворота, кто-то крикнул дискантом:

— Стой! Кто такие?

— Отряд, стой! — скомандовал Алексей Надеждин.

Он знал, что в селе Красный Яр давно уже красные, поэтому во весь голос ответил:

— Бойцы революционной Инзенской дивизии!

— Стой! Не двигаться!

Над большой оранжевой глыбой показалась солдатская фуражка с малюсеньким козырьком. Под ней блеснули синеватые стекла бинокля. Разведчики не шевелились. Лишь кони беспокойно переминались с ноги на ногу, раздували ноздри, чуя близкий привал.

Бинокль исчез, а над глыбой поднялся небольшого роста человек в туго перетянутой ремнями шинели. Он твердой походкой вышел навстречу и молча остановился шагах в трех от коня Надеждина. Его курносое лицо и серые бойкие глаза изображали не только настороженность, но и любопытство.

— Командир конной дивизионной разведки Надеждин! — четко произнес Алексей.

— Командир взвода Мокшин, — скороговоркой отозвался встречавший. — Документ!

Надеждин пожал плечами, но полез за пазуху и вытащил удостоверение, подписанное Лацисом и Страупе. Мокшин прочитал. Лицо его расплылось в улыбке:

— Просим, дорогие товарищи!

Взвод тронулся к селу. Расположившиеся за поворотом балки дозорные красноармейцы с любопытством разглядывали разведчиков. Ближайший боец даже приоткрыл рот, и губы его застыли в таком положении. Это он окликал инзенцев: «Кто такие?» Кондрат Удалых не выдержал, передразнил:

— Кто такие! Кто такие! А вы кто такие?

Боец закрыл рот, но сейчас же выпалил дискантом:

— А мы — наши!

По колонне прокатился хохоток.

— Чьи это — наши, а? — не унимался Кондрат.

— Как — чьи? Красные революционные бойцы, — ответил кто-то из дозорных.

— Да ну-у! — раздалось у разведчиков. — А родом-то откель, дядя?

— Курские мы, с под Белгорода...

— А, курские, соловьи залетные!

Мокшин шагал рядом с Алексеем. Тот все еще дивился учиненной ему строгой проверке. Прежде достаточно было назвать полк или отряд.

— Чего это у вас такие строгости? — спросил он Мокшина.

— Давно бы надо было их завести, — вздохнул тот. — Из-за расхлябанности мы недавно комиссара лишились и еще одного партийного товарища.

У первого же двора Красного Яра разведчикам повстречался Виктор Попов.

— Комиссар наш, — кивнул на него Мокшин.

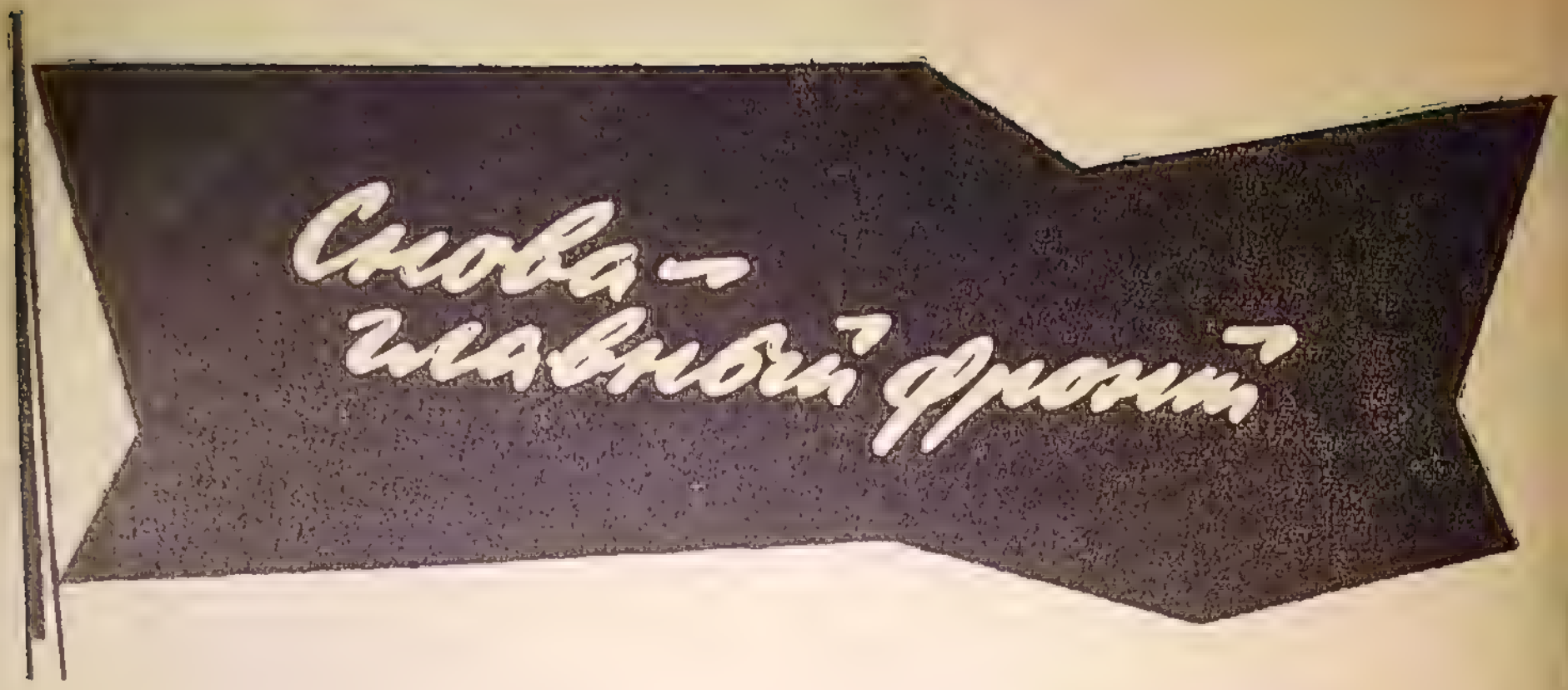
Алексей представился.

— Председатель партийного комитета Курского революционного полка Попов, — несколько смущенно, но четко ответил Виктор, а потом добавил: — Мы ведь теперь тоже в Инзенской дивизии. На днях пришел приказ товарища Тухачевского. Располагайтесь, сейчас отведем вам дома для постоя.

Вместе с Курским под знамя Инзенской дивизии стали Орловский и Саранский полки. 2-й эскадрон Карачевского полка был развернут в отдельный кавалерийский полк. Сформировали также два новых артдивизиона.

Активно работали партийные организации. Во всех ротах были созданы коммунистические ячейки и ячейки сочувствующих.

Теперь дивизия представляла грозную силу. Она состояла из пяти полков, мощной артиллерии, отдельных батальонов и других подразделений. Это 6-й Мценский, Орловский, 5-й Курский, Саранский и кавалерийский полки, 1-й легкий артдивизион, состоявший из трех артиллерийских батарей — 4-й Орловской, 7-й Курской и 2-й Алдатовской, 2-й легкий артдивизион, тяжелый артдивизион, отдельная батарея Зирко под названием Минской, инженерный батальон и батальон связи.



Во второй половине ноября 1918 года в портах Черноморья — Новороссийске, Севастополе и Одессе высадились англо-французские десанты. Это оживило всю южнорусскую контрреволюцию. Белогвардейские генералы, получая всевозможную помощь и поддержку от интервентов, развернули широкое наступление по всему Южному фронту.

Теперь этот фронт стал главным. Здесь решалась судьба Октябрьской социалистической революции.

«...на Южном фронте, — писал В. И. Ленин, — с одной стороны, неприятель больше всего опирался на казаков, которые боролись за свои привилегии, а с другой стороны, там больше всего было образовано полков добровольческой армии, которые, полные негодования и бешенства, боролись за интересы своего класса, за восстановление власти помещиков и капиталистов. Здесь, поэтому, нам предстоит дать решающий бой...» *

По указанию ЦК Коммунистической партии на Южный фронт были мобилизованы тысячи коммунистов Москвы и Петрограда, сюда перебрасывались и некоторые части Красной Армии.

Погрузились в эшелоны и полки Инзенской революционной дивизии. Их путь лежал через Самару, Сызрань, Пензу, Ртищево, Козлов (Мичуринск), Грязи, Воронеж.

Во второй половине декабря дивизия расположилась в районе станции Анна, села Хреновое и соседних выселках. Она вошла в состав 8-й армии Южного фронта.

Инзенцы по мере выгрузки полков из эшелонов с ходу вступали в бой с войсками генерала Краснова. Особенно отличился 5-й Курский полк. Сменив на передпем

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 39, стр. 244.

На Южный фронт отправляется пополнение

крае слабые заслоны 8-й армии, он внезапно атаковал станцию Абрамовка. Стоявшие там части генерала Гусельщикова понесли ощутимые потери и вынуждены были бежать. Лишь через несколько дней, подтянув свежие силы, белые вытеснили Курский полк из Абрамовки. Однако дальше им продвинуться не удалось.

На всем участке фронта, занимаемом Инзенской дивизией, наступление белых было остановлено.

Предстояли тяжелые бои. К наступлению готовились и красные, и белые. Инзенская дивизия пополнялась людьми, укреплялась политически и организационно.

На станции Анна по инициативе политотдела 8-й армии, который возглавила посланная Центральным Комитетом партии большевичка Р. С. Землячка, состоялась первая дивизионная партийная конференция. Коммунисты-инзенцы подвели итоги работы своих партийных организаций, обсудили задачи в связи с предстоящим VIII съездом партии. И, конечно, главным на повестке дня был вопрос о предстоящем наступлении.

В эти же дни дивизия перестроилась на новую организационную систему. Орловская бригада и два отдельных полка, созданные на Восточном фронте, прекратили существование. Были образованы две стрелковые бригады.

В 1-ю бригаду вошли 6-й Мценский полк и новый 9-й Красно-

знаменный, находившийся в резерве Южного фронта. Командиром бригады был назначен любимец мценцев Андрей Григорьевич Рева.

2-ю бригаду во главе с Михаилом Васильевичем Соловьевым составили Орловский и Саранский полки.

5-й Курский полк остался отдельным, в непосредственном подчинении начдива так же, как и артиллерия, инженерный батальон, батальон связи, бронепоезд и броневики.

В первых числах января 1919 года дивизия получила приказ овладеть станцией Абрамовка.

Свирепый ветер гнал снежную мглу от горизонта до горизонта. И она, обжигающе-ледяная, едучая, с ног до головы накрывала людей в куцых шинелишках и жиденьких обмотках, стегала по одубевшим сине-зеленым от стужи и голода лицам.

Кони не выдерживали жалящей пурги и самовольно поворачивались к ней крупами. Но люди не останавливались и не отворачивались. Они словно и не шли, а пробирались вплавь сквозь снежные сугробы, ныряя с головой в стремительно перемещавшиеся массы снега.

Инзенцы поднялись в третий по счету штурм. Два других, предпринятые в начале января, не удались. Мценский, Курский и Орловский полки, шедшие в первых рядах, белые встретили тогда плотным винтовочным и пулеметным огнем. А прилетевшие из-за окопов казачьи снаряды густо рвались по всему исчерченному красноармейскими цепями полю.

Но вот красноармейские цепи поднялись в атаку. А впереди их точно вспыхнуло яркое пламя. Это поднялось знамя мценских рабочих. А рядом со знаменосцем шел большой, сильный человек в куртке из черной кожи — комиссар 6-го Мценского полка Крошинский. Тут же шагал, то и дело оборачиваясь и взмахивая наганом, командир 1-й бригады Андрей Рева.

Все учел в противнике руководящий обороной Абрамовки белогвардейский генерал Гусельщиков. Численность, вооружение, боевой опыт, природную русскую отвагу и выносливость. И по сложившейся обстановке, и по соотношению сил он определил: красным не взять Абрамовки. Они должны выдохнуться.

Но он не учел одного — революционного духа наступавших. Тогда, в минуты напряженного боя, революционный дух олицетворяло Красное знамя. Оно первое возвестило утром 13 января о решительном намерении красных взять Абрамовку.

Знамя мценцев привлекало внимание и своих и белых. По группе, в центре которой шел комиссар Крошинский, прямой наводкой ударили орудия. На секунду знамя исчезло.

Кондрат вцепился рукой в эфес шашки и нетерпеливо поглядел на Алексея Надеждина. Тот также смотрел влево, туда, где было знамя, но сигнала к атаке не подавал. Он сначала услышал, а потом увидел и другое.

Сквозь метель показалась темная масса. Это с бешеным гиком мчалась казачья лава. Над ней сверкали синеватые клинки.

Знамя вновь взметнулось над степью. Теперь его нес сам комис-

...ар. Поредевшая цепь мценцев со-мкнулась.

Казачья лава с каждой секундой приближалась.

Алексей Надеждин обнажил шашку. Почти одновременно с этим Кондрат пришпорил Дрозда. Разведывательная сотня бросилась наперерез казакам.

...Они опоздали всего на несколько секунд. Помешала та же тугая, свирепая пурга. А казачья лава неслась почти под ветер.

Середина мценской цепи уже была смята всадниками, когда Кондрат встретил первого врага. Дрозд сшибся грудь в грудь с гнедым жеребцом. Гнедой от страха и боли рванулся вправо и присел на задние ноги, сильно встряхнув седока. Кондрат увидел только отпрянувшие от конской гривы белые глаза над черной бородой с красной ямкой рта и, сделав выпад, достал их концом шашки.

И тут он вновь нашел взглядом Крошинского. Комиссар, сжимая левой рукой опущенное к ноге древко знамени, в правой держал вздрагивающий от выстрелов маузер. С его щеки на черную кожанку струйкой лилась кровь. Вокруг валялись порубленные и застреленные красноармейцы, казаки, кони. Крутились в схватке еще живые. Над комиссаром взлетело и опустилось сразу несколько сабель. Знамя исчезло.

От безысходной, нестерпимой боли где-то в груди Кондрат исступленно закричал. Через два прыжка Дрозд замер у изрубленного тела Крошинского.

Разрозненная, истрепанная казачья лава отхлынула. Яркий кумач затрепетал среди конских грив. Знамя уносил головастый, с бычьим лбом казак, прижав древко к конскому боку.

Но тут от группы мценцев отделился командир взвода Василий Морозов. Он размахнулся гранатой и метнул ее точно под ноги коню головастого. Конь встал на дыбы и опрокинулся навзничь вместе с казаком. Василий Морозов подбежал, вырвал знамя из сжавшейся в предсмертной судороге руки казака и поднял его вверх. Вновь загремело «ура»...

Казаки умчались.

К телу комиссара Крошинского подбежал пожилой красноармеец. Нагнулся, поглядел. А когда поднял голову, на его седеющие усы скатились крупные слезы. Мороз моментально превратил их в белые льдинки.

— Товарищи!.. Товарищи!..— пытался что-то сказать красноармеец задыхаясь.

Потом он поднял над головой винтовку.

— Товарищи!.. У меня... У нас... Сердце вырвали! Смерть белой сволочи! Сме-е-рть!

Тем временем 2-й батальон Орловского полка во главе со своим комиссаром матросом-кронштадцем Марком Хацкевичем надвигался на юго-западную окраину Абрамовки.

С востока, почти с тыла, атаковал белых 5-й Курский полк. Ему удалось обойти станцию.

Остатки казачьих полков, оказавшись в полуокружении, в панике бежали.

Поле боя, подковой охватывавшее Абрамовку, стало рябым от полузанесенных снегом трупов. Части генерала Гусельщикова были разгромлены.

В Абрамовке инзенцам достались богатые и, кстати, дозарезу необходимые трофеи: большой склад боеприпасов, много орудий и пулеметов, больше 1000 винтовок, бронепоезд, подбитый артиллеристами 7-й Курской батареи, разное имущество.

На станционной площади состоялся траурный митинг, посвященный похоронам павших инзенцев. Особенно много говорили о комиссаре 6-го Мценского полка И. В. Крошинском. Учитель по профессии, член Петроградского Совета с Февральской революции 1917 года, активный участник Октябрьского вооруженного восстания, он по приказу партии пришел в Инзенскую дивизию и выполнил свой долг до конца...

Полное поражение под Абрамовкой усилило разброд среди рядовых казаков: они бросали позиции и разбегались по домам.

Наступление красных продолжалось. 8-я армия, в состав которой входила Инзенская дивизия, охватывала район среднего Дона. Инзенцы продвигались по правому берегу Хопра.

Население этого района, разоренное царизмом — и казаки, и переселенцы («иногородние»), — восторженно приветствовало воинов Красной Армии, принимало их с большим гостеприимством.

Но колючим холодом вражды встречали инзенцев богатые станицы на среднем течении Дона. Преданное царизму кулачье пыталось организовать удары по Красной Армии с тыла. Обманутые трудовые казаки прятали оружие, а некоторые вместе с семьями уходили за недобитыми остатками красновских войск.

В освобожденных станицах и хуторах проводились митинги и собрания. Нередко кулаки и их подпевалы срывали митинги, убивали агитаторов из-за угла. И все-таки правдивые слова партии большевиков доходили до трудовых казаков.

Утром 3 февраля 1919 года конная разведка Инзенской дивизии вышла в поиск. Мела поземка, в оврагах кони по грудь вязли в снегу. От впавших боков Дрозда валил пар. Кондрат время от времени ласково трепал верного друга по взмокшей шее, не спуская глаз с подозрительных балочек и сугробов.

Вот вдали мелькнуло несколько черных точек.

«Казаки. Нырнули в овраг», — определил Удалых и негромко доложил Надеждину:

— Справа казачий разъезд. Скрылся в балке, движется в нашем направлении!

— Возьмем? — растирая правую щеку, спросил начальник разведки. — Может, что стоющее попадется?

— Попробуем.

По команде Надеждина разведчики разделились на две группы и затаились по обе стороны выхода из длинной балки. Взвод Кондрата получил задачу — атаковать белый разъезд в лоб, но лишь после того, как остальные во главе с начальником перекроют белым путь отхода.

Разведчики обнажили шашки. За сугробом показалось пять всадни-

ков. Они мчались прямо на взвод Удалых.

«Слепые, что ли?» — удивился Кондрат.

И только сейчас он заметил белую тряпку на пике переднего казака.

— Эй, православные! — крикнул Удалых, сложив руки рупором.— Сдаетесь или как?

Передний осадил коня, воткнул пику древком в сугроб и спрыгнул. Спешились и остальные. Казаки явно ожидали, пока подъедут красные.

Удалых опустил шашку, когда хорошенько разглядел переднего — здоровенного чернобородого дядьку лет сорока. Руки у него были вытянуты по швам.

— Раз сдаетесь, скидывай оружие, чего ждете? — крикнул Кондрат.

— Не в плен мы, — утробно пробасил казак. — Для переговоров насчет замиренья... К начальству веди.

«Вот оно что! — вскипел разведчик. — Попускали нашей кровушки, а теперь замиренья ищут».

— Скидывай, говорят! — подъезжая вплотную, крикнул Кондрат. — Мы и без переговоров замирим вас... Шашки еще не притупились!

— Не шебути ты, хлопче! — продолжал басить чернобородый. — От всех казаков мы, от Вешек делегация...

Тут подоспел Надеждин. Поняв, в чем дело, приказал казакам сесть в седла, и делегация в плотном окружении разведчиков двинулась в штаб дивизии.

Результатом переговоров явилось то, что 28-й казачий полк снялся с фронта, чтобы беспрепятственно пропустить красные войска, а сам вернулся в станицу Вешенскую.

На другой день рано утром Кондрата вызвал начальник штаба и приказал:

— Возьми с собой двоих-троих смышленых ребят. Комиссар делегатов в Вешенскую посылает, на митинг. Поедете с ними. На всякий случай.

На станичную площадь прибыли, когда там возле церкви уже толпился народ. Кондрат с любопытством разглядывал ярых в бою, а здесь таких мирных на вид селян. В поддевках, в полушубках, в подшитых валенках, они даже улыбались сквозь синий дым самокруток. Лишь кое-где прорывался одинокий, ненавидящий, белесый от злобы взгляд. В глазах большинства стыло тревожное любопытство, прикрываемое наигранными усмешками.

Спешившийся Кондрат оказался в окружении десятка казаков.

— Кури, служивый, — ткнул расшитый кисет и улыбнулся красный, белобровый, низкорослый казак. — И растолкуй, какую-растакую коммунию нам привез.

Удалых угощение принял. Быстренько соорудив самокрутку, щелкнул зажигалкой, вызвавшей завистливый блеск в глазах многих станичников, и поднес огонек белобровому. Тот прикурил. К огоньку потянулись и другие.

— Х-хо-рош! — вместе со струей дыма выдохнул разведчик. — Запашистый!..

— С донником, — подхватил хозяин. — Для ромату.

— Так какой же ромат будет у коммунии? — раздался бас сзади.

Кондрат повернулся и узнал чернобородого парламентера.

— Как — какой? — разозлился разведчик. — Самый обыкновенный, трудовой. Кто свой горб всю жизнь гнул, тому он, значит, самая что ни на есть приятность. А паразиту — чистая отрава...

— Ого-го! Ну-ну!

— Завернул, служивый!

— Тогда нам в самый раз! — раздались одобрительные возгласы.

— А которые, значит, из богатеев сами — от этого ромату не окочурятся, — Кондрат открыто встретил неприязненный взгляд длинного и сутулого с сивыми усами в добротном полушубке казака, — для тех мы другое припасли...

Но тут гул голосов перекрыл резкий и крепкий голос:

— Товарищи казаки!

Это начал свою речь, поднявшись на бочку, делегат инзенцев, красноармеец-агитатор Мценского полка.

Его прерывали то нарочито простецкими, то ехидными, то откровенно злобными вопросами и выкриками. Большинство же внимательно и серьезно слушало оратора. И уж совсем стихло, когда на бочку взобрался казак, который раньше служил у красного командира Подтелкова.

Вешенские казаки все лучше начинали понимать, где правда, а где кривда...

На другой день, 5 февраля, Инзенская революционная дивизия вступила в станицу Вешенскую.

8-я армия подходила к Дону всем фронтом. Ее дальнейшей задачей было преследовать остатки красновских войск и выйти на рубеж реки Северный Донец, откуда открывались пути к Новочеркасску и Ростову. А 11 февраля Лацис получил телеграмму:

«Поздравляю с неожиданными сверхуспехами. Приказом № 5 на вас возложена задача, которая решит участь всего фронта, — взрыв железной дороги и телеграфа. Напоминаю правила кавалерийского набега: 1) бесконечно смелый начальник и подчиненные, 2) отряд подвижен и не слишком велик. Исполнение стремительное. Командарм-8 Тухачевский» *.

Сначала не поверил своим глазам. Перечитал снова конец телеграммы. Да, Тухачевский! Это было радостью — снова воевать под руководством Михаила Николаевича.

На Восточном фронте Тухачевский пришелся весьма по душе Лацису. Вот и сейчас командарм задумал хоть и очень смелую, но эффективную операцию. Верный своей тактике ошеломляющих и стремительных ударов, Тухачевский принял решение атаковать станцию Морозовскую, взорвать железнодорожное полотно и телеграф. В условиях ранней оттепели быстрое продвижение войск возможно было только по железной дороге. Если ее перерезать, большие силы белых окажутся изолированными.

Еще утром комэск Сельдяков, назначенный руководителем набега, приказал всему отряду лечь спать. А полчаса спустя он ходил по дворам и проверял, как выполнено приказание.

Конники уже все храпели, а подрывники что-то заснуть не торопи-

* ЦГАСА, ф. 1250, оп. 1, дело 59, л. 98.

лись. Сельдяков отозвал в сторону старшего.

— Своего эскадронного, — сказал он, — я бы, как пить дать, разок протянул по шее за то, что не спит, а вас обижать неудобно. Может, ты сам... того... по-свойски, а?

Подрывник покраснел и пошел к лежавшим на овчинных тулупах товарищам. Он что-то сказал им и улегся сам. Удостоверившись, что подрывники отдыхают, Сельдяков двинулся дальше...

Когда оконные стекла порозовели в лучах заходящего солнца, отряд выстроился на улице. Сельдяков осмотрел каждого.

— Не к теще на блины едем. Чтоб каждый ремешок был на месте!

...Двигались почти беззвучно по ночной снежной степи.

— Шашки!.. — раздался веселый голос Сельдякова. — Наголо! Вперед, марш, марш!

Заухала под конскими копытами земля, залязгала сталь. В стороне, будто спохватившись, злобно затараторил пулемет. Эскадрон ринулся в ночь, оставив позади с десяток порубленных казаков из прорванного заслона белых.

Дальше шли переменным аллюром. Останавливались, затаиваясь в балках, когда замечали что-либо подозрительное. Густая темнота февральской ночи надежно укрывала их. Дорог не искали. Сельдяков придерживался направления по светящемуся компасу.

Станция Морозовская искрилась электрическими огнями.

Эскадрон спешился в рощице совсем рядом со станцией. Сельдяков разделил людей на три группы. Первая должна была разрушить телеграф. Вторая — железнодорожное полотно. Третья оставалась с лошадьми и поддерживала огнем атаку. Сам комэск решил идти с первой группой.

— Ура, товарищи! Лупи белую сволочь! — крикнул Сельдяков, бросаясь к перрону с наганом в руке.

От неожиданного громового «ура» и выстрелов белые заметались в панике. Сельдяковцы палили направо и налево в упор, и пули везде находили цель. В одну минуту путь к станционному телеграфу был расчищен.

Телеграфисты открыли огонь. Кто-то из красноармейцев подкрался к зданию и кинул в окно гранату. От взрыва дверь распахнулась. Внутри раздались крики, стоны. Сельдяков и группа красноармейцев, стреляя на ходу, бросились в аппаратную.

В крошечном кабинетике стоял с поднятыми руками смертельно бледный человек в кителе. Ему заломили за спину руки и связали сыромятным ремнем, специально прихваченным для этого. За стеной загремели взрывы гранат. Погас свет. Это сельдяковцы уничтожали аппаратуру.

Вскоре возвратилась и вторая группа. Она сумела в нескольких местах взорвать железнодорожное полотно.

Эскадрон двинулся в обратный путь. По пятам шла погоня.

Сельдяковцы второй раз за ночь с ходу прорвали фронт и на рассвете прибыли в Милютинскую.

Лацис немедленно доложил Тухачевскому о выполнении его при-

каза и горячо поблагодарил участников рейда. А начальник штаба дивизии только руками разводил от восторга. Трусливый телеграфист был прямо-таки битком набит ценнейшими сведениями.

Дерзкий кавалерийский набег на Морозовскую застопорил движение эшелонов противника, нарушил сообщение и связь между его правым в районе Царицына и левым флангом на Северном Донце, в районе Миллерово и Лихой.

К утру 17 февраля 1919 года бригады Инзенской дивизии окружили юго-западнее Милютинской до трех вражеских полков и почти полностью уничтожили их.

«На фронте Инзенской дивизии, — отмечал в те дни командарм Тухачевский, — противник разбит, деморализован и массами сдается в плен. По показаниям пленных казаков, по линии Лихая—Царицын идет паническое бегство» *.

Красновская авантюра на Дону потерпела полное поражение.

«...Победы Красной Армии уже сделали чудеса, — писал В. И. Ленин в апреле 1919 года. — Несколько недель тому назад на Дону в войне с Красновым, с главным врагом, с офицерами, с казаками, которых миллионами подкупали сначала немцы, а потом англичане и французы, продолжающие и теперь помогать им, — несколько недель тому назад наше положение было тяжелое; а нынче с громадной быстротой мы завоевали территорию области не только до Царицына, но прошли еще к югу от Царицына. Красновские и донские контрреволюционеры сломлены, и никакая помощь империалистов им не помогла». *

* ЦГАСА, ф. 1250, оп. 1, дело 59, л. 100.

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 38, стр. 69—70.

В ночь на 19 марта Инзенская дивизия, занимавшая позиции в районе Белой Калитвы, передала их частям 9-й армии и форсированным маршем двинулась по левому берегу Северного Донца к Луганску.

Белые также спешили к этому пролетарскому городу, который строил для молодой Советской республики паровозы и делал патроны.

Инзенцы, прошедшие более ста километров, и деникинцы, которые уже захватили часть Луганска, встретились 21 марта в районе железнодорожной ветки на Кондрашевскую.

Удар был нанесен с ходу. Деникинцы, оставляя убитых и раненых, спешно отошли из Луганска. Инзенцы заняли город и соединились с остатками 41-й дивизии.

Положение было восстановлено. Но враг отступил, как показали последующие события, всего лишь для передышки.

В Инзенской дивизии тем временем произошли новые организационные перемены. Теперь она состояла из трех бригад по три полка в каждой. Бригады получили наименования: 1-я, 2-я и 3-я, полки — порядковые номера от 127-го до 135-го.

В первую бригаду под командованием А. Г. Ревы вошли 127-й (бывший 6-й Мценский), 128-й (бывший 9-й Краснознаменный) и 129-й (бывший 5-й Курский) полки.

Вторую бригаду во главе с М. В. Соловьевым составили 130-й полк (бывший Орловский), 131-й (бывший 7-й Тульский из 41-й дивизии) и 132-й (бывший Саранский).

Третью бригаду (133-й, 134-й и 135-й полки) сформировали из остатков других частей 41-й дивизии. Командиром был назначен А. И. Лепин.

Произошли кое-какие перестановки в командном составе. Владимир

Александрович Максимов, в частности, был назначен помощником (заместителем) начдива.

К этим дням относится и приказ по 8-й армии, которым дивизии был присвоен номер. Теперь она именовалась: 15-я Инзенская стрелковая дивизия.

Выиграв первый раунд схватки за Луганск, начдив Ян Лацис не собирался сидеть сложа руки. Данные разведки свидетельствовали, что белые вот-вот перейдут в наступление.

И Лацис решил упредить генерала Коновалова, который командовал деникинскими войсками под Луганском. Лацис приказал первой бригаде атаковать Политровку, небольшой населенный пункт неподалеку от города, который кишел белыми.

Взоры всех бойцов были обращены к Реве. Комбриг с лязгом выхватил шашку и поднял ее сверкающий клинок над головой.

— Товарищи мценцы! Товарищи куряне! Товарищи красноармейцы! — во всю мощь легких крикнул он. — Нам не впервой лупить белую сволочь. Вперед, на Политровку! Смерть Деникину!

И он повернул гарцевавшего коня в степь. Разнеслись вокруг команды:

— Полк вправо!..

— Полк влево!..

— Разомкнись!..

— Ориентир — горбатый курган... В цепь!

И пошла 1-я бригада.

Лихо перемахивали через курганы пулеметные тачанки. На небольшом, но ровном лугу, за которым чернели хаты Политровки, то вырастали, то приникали к земле ломаные цепи инзенцев. Грохотали орудия, наперегонки, без умолку стрекотали пулеметы.

Примчался Алексей Надеждин.

— Товарищ начдив, в Павловке показалась деникинская конница. Один или два полка.

Лацис навел бинокль влево, на Павловку:

— Полки Дикой дивизии... Эти «дикие» не преминут ударить нам во фланг. Пошли кого-нибудь предупредить Реву, — сказал он Надеждину.

Минуту спустя Дрозд неровными скачками мчал Кондрата к цепям 127-го Мценского полка, вместе с которым шел в атаку комбриг.

Удалых положил Дрозда в ложбине за последним курганом перед политровским лугом и двинулся дальше пешком.

Если бы воздух над плато на миг превратился в нечто более плотное и видимое, он выглядел бы как решето. Рои пуль пронизывали его в обоих направлениях. Особенно неистовствовали пулеметы белых.

В цепях 1-й бригады то здесь, то там образовывались бреши, а на черной апрельской земле навек застывали серые фигурки красноармейцев.

— Ложи-и-и-ись!.. — пронеслась по цепям команда.

— Окопаться, окопаться, окопаться!.. — зловеще прошелестела следующая.

Рева приподнялся на руках. Цепи деникинцев приближались. Для размышлений Андрею Григорьевичу были отведены секунды. И он принял решение продолжать атаку.

Комбриг решительно поднялся на ноги.

— Инзенцы, вперед!

Но бешеный пулеметный огонь подоспевших броневиков вновь прижал красноармейцев к земле.

Среди инзенцев кто-то вскочил, потрясая кулаками. Это был командир 1-й роты Прохор Мишин.

— Чего лежать? Смерти ждать?— закричал Мишин. — За мной, инзенцы! Ур-р-ра-а! Не гнись!

Это «не гнись», словно электрическая искра, всколыхнуло красных. Оно было знакомо каждому в полку. Оно обладало магической силой и даже на робких бойцов действовало безотказно. У красноармейцев непроизвольно расправлялись плечи. И все потому, что выражение «не гнись!» принадлежало человеку, коммунисту, который сам никогда не гнулся в бою, и об отваге, смекалке, решительности которого ходили легенды.

Прохор Мишин, держа винтовку наперевес, первым врезался в контратакующие цепи деникинцев.

Но в это время несколько белых конников рванулись к Мишину. Их встретили Пантелей Пузанов и Антон Закубрикин. Они выстрелили почти одновременно. Свалился, выронив шашку, один казак, а другой, стремившийся достать клинком Мишина, уткнулся головой в конскую гриву. От третьего уберечься не успели. Упал, обливаясь кровью, Пантелей, но подоспели другие красноармейцы, и «дикий» грохнулся на землю вместе с конем. Остальные казаки умчались в сторону Павловки.

Отбив атаку «диких», красные ринулись вперед.

Сады и огороды Политровки снова затрещали выстрелами.

Кондрат на своем Дрозде оказался в порядках соседнего 129-го Курского полка. Он сразу заметил впереди цепи немного долговязую фигуру Виктора Яковлевича Попова. Комиссар с наганом в руке бежал к слепленной из глины и бесформенных камней баньке. Он и устремившиеся вслед бойцы не могли видеть трех деникинцев по другую сторону бани. Повинуясь офицеру, который потрясал наганом, два солдата катили к углу строения пулемет.

Но это видел мчавшийся сбоку Кондрат. Он пришпорил Дрозда и рванул из ножен шашку.

Обернувшийся на топот офицер вскинул револьвер, но быстрый клинок уже опустился. Надвинутый чуть ли не на глаза офицера козырек фуражки разлетелся на две части. Пулеметчики тут же вскочили и подняли трясущиеся руки вверх.

Эту картину и застал вынырнувший из-за угла Попов. Он сразу же узнал серого Дрозда. Окинул взглядом пулемет с заправленной уже лентой, сдающихся деникинцев и все понял.

— Спасибо, разведчик! — крикнул комиссар.

Подбежавшие красноармейцы наспех обыскивали пленных, хлопотали у пулемета. Один из них обернулся, подавая Попову найденные у деникинских солдат документы, и только сейчас увидел Удалых.

— Так это ты, тезка, накрыл их? — закричал он. — По-нашенски. За нами не пропадет. Курские в долгу не останутся!

Кондрат узнал взводного Кондрата Мокшина.

Дальше двигались вместе. Белые уже без сопротивления покидали Политровку.

На кривой улочке расстались: Кондрат спешил разыскать командира 1-й бригады.

— Заходи как-нибудь к нам в полк, — Попов крепко пожал разведчику руку. — Всегда будешь дорогим гостем.

— И коняке твоему, так и быть, доброго овсеца раздобуду, чтоб не скучал, —добавил Мокшин.

Андрей Григорьевич Рева держал в руке еще хранившую тепло генеральской ладони трубку телефона, к которому инзенские связисты уже присоединили свои провода, и докладывал:

— Товарищ начдив, Политровка взята. Идем дальше.

Затем он проговорил в трубку:

— Обязательно передам вашу благодарность всем бойцам бригады.

А ведь обороняли Политровку четыре вражеских пехотных полка и присоединившиеся к ним потом два полка Дикой дивизии. Генерал Коновалов и мысли не допускал, что красные, которых на этом участке было вдвое меньше, чем белых, отважатся пойти в наступление. Революционный энтузиазм красноармейцев генерал в расчет не взял. И крепко просчитался.

Но радость успехов наших бойцов была омрачена печальным известием. В бурной контратаке погиб комиссар дивизии Генрих Петрович Звейнек. Очередь из белогвардейского пулемета изрешетила ему грудь.

«12 апреля, — говорилось в приказе начдива, — в 18 часов 25 минут у высоты Могила Острая пал смертью храбрых наш общий товарищ — один из основателей славной Инзенской революционной дивизии, политический комиссар Генрих Звейнек.

Во все счастливые и трудные дни дивизии он всегда был на славном посту, честно и мужественно исполнял свой долг гражданина — бойца за всемирную революцию и братство трудящихся.

Товарищи красноармейцы, пусть эта свежая жертва будет ярким пламенем гореть в наших сердцах.

Сомкнем теснее ряды в борьбе за торжество труда и социализма над черными бандами!

Вечная память и слава честно павшим в бою!» *

На Дону тучи сгущались. Деникин, придав в помощь Коновалову конницу генерала Шкуро, ряд других частей, приказал во что бы то ни стало овладеть Луганском.

В тылу у советских войск — в станице Вешенской — возник и разрастался белогвардейский казачий мятеж.

Красная 8-я армия и в ее составе 15-я Инзенская дивизия вынуждены были перейти к активной обороне.

В Луганске на рассвете 22 апреля тревожно загудели все заводы. Белогвардейцы, перейдя в контрнаступление, смяли 3-ю бригаду инзенцев, захватили высоту Могила Острая и подошли к городу вплотную...

Измученные, оборванные, черные от грязи и истощения бойцы едва держались на ногах. Комбриг Ле-

---

* ЦГАСА, ф. 1250, оп. 1, дело 16, стр. 67.

ний стоял у только что покинутой нашими артиллеристами позиции и, горестно сжав губы, глядел на отступавших бойцов.

За спиной раздался конский топот. Лепин обернулся. Из кривой улочки вымахнули два всадника и приближались к ним. Один был красноармеец, а другой — молодой крепыш-рабочий в облезлой кожанке.

Рабочий неумело слез с лошади и отрапортовал:

— Первый Луганский рабочий полк прибыл в ваше распоряжение! Командир полка Палкин.

У Лепина широко раскрылись глаза.

— Какой полк? Где полк? — недоуменно спросил он.

— А вон сейчас покажется из-за угла.

Комбриг так и впился взглядом в улицу. Из-за угла крайнего домика действительно показались вооруженные люди. В черных и синих запачканных копотью и маслом фуфайках и спецовках, они шли по четыре в ряд.

Не зря гудели луганские заводы!

Лепин порывисто рванулся к командиру рабочего полка.

— Родной вы мой! — он обнял его и поцеловал. — Как вовремя! А теперь смотрите и слушайте. Видите курган? Оттуда нас только что выдавили. Видите на склонах цепи? Их и надо атаковать. Возьмем курган — удержим город.

— Понятно, товарищ комбриг!

Рабочие роты развернулись и, не пригибаясь, не останавливаясь, с пением «Интернационала» пошли навстречу шрапнели и граду пуль.

Ожили, приободрились красноармейцы. Едва передвигавшие ноги от усталости, они теперь заторопились навстречу деникинцам.

«Это есть наш последний
И решительный бой!»

Белые растерянно затоптались на месте. Ведь они подошли к городу в полной уверенности, что красные оставляют его.

— Ура!

— Ур-ра-а-а!..

От одного этого громового клича цепи деникинцев дрогнули. А когда красные ринулись вперед, белогвардейцы в беспорядке побежали обратно. До штыковой схватки дело не дошло.

Высота Могила Острая снова оказалась в руках инзенцев.

Но тяжелое поражение потерпел левый сосед инзенцев, 9-я армия, и Деникину представилась возможность усилить нажим на Луганск. Он бросил на инзенцев Луганский офицерский полк, казачий полк станицы Луганской, части конного корпуса генерала Мамонтова, шкуровцев, бронепоезда и бронеавтомобили.

И опять удар пришелся по 3-й бригаде. Но белоказаки, почти полностью уничтожившие 3-ю бригаду, сами потеряли здесь столько, что наступать уже не могли.

Позиции 127-го Мценского полка 1-й бригады штурмовали офицеры. Броневики, поддерживавшие наступление Луганского офицерского полка, не давали инзенцам поднять голов. На правом фланге уже завязались рукопашные схватки, но на левом офицерские цепи залегли. Лишь только белогвардейцы вставали, с небольшого кургa-

на, находившегося левее позиций полка, начинал строчить пулемет. Оставляя трупы, цепи откатывались.

Но вот на кургане взметнулась земля. Начали рваться снаряды. Белогвардейские цепи поднялись. Перепрыгивая через тела, офицеры ломились вперед. Вот один уже спрыгнул в окоп, с другой стороны — сразу трое. В окопе глухо ухнул взрыв гранаты...

Когда броневики белых двинулись вдоль окопов, обрушивая на оставшихся красноармейцев ливни пуль, и в воздухе показалось три английских аэроплана, командир полка приказал отходить.

Инзенцам становилось все тяжелее.

В штаб Кондрат вернулся уже в темноте. Грохнулся на лавку и моментально уснул. Очнулся от тумака в бок. И сейчас же услышал голос помощника начальника дивизии Максимова.

— Вставай, чертушка! Вот спать здоров, парень! Вставай... Белые в городе!

Удалых схватил винтовку, вскочил.

— За мной! — скомандовал Максимов и выбежал во двор.

Там уже стояло несколько десятков штабных.

Расположились вдоль улицы за оградами, воротами, в канавах.

— Шкуровская конница... Большой отряд прорвался... Сюда вызваны рабочие дружины... — слышалось в темноте.

С грохотом и бешеным гиком вынеслась из-за угла темная масса и растеклась по улице.

— Эх-х! Пулеметишко бы сюда, хоть плохонький! — заерзал по земле сосед Удалых слева.

Кондрат молчал. Пулеметы все до одного были там, у Могилы Острой. Да и то их, видать, не хватало.

— Рота! — раздался голос Максимова. — Залпом — огонь!

Залп получился дружным.

— Огонь!

После второго залпа грохот копыт замолк.

Всадники жались к стенам, спешивались. Засверкали огоньки выстрелов. Охнул и умолк левый сосед Кондрата. Только звонко стукнулась о камень выпавшая из его рук винтовка...

Больше часа шла перестрелка. Но вот с другого конца улицы бойко затараторил пулемет. Подоспела рабочая дружина. Отряд белых заметался. Казаки кинулись во дворы. Но и там их находили пули.

Минут через десять рабочие привели к штабу последнего, захваченного живым шкуровца-офицера. Белогвардеец плевался и осыпал всех бранью.

— Рвань вшивая! — орал шкуровец. — Все равно мы возьмем Луганск! Мы вам устроим маевку. Мы украсим вашими трупами все фонарные столбы!

Его расстреляли тут же, во дворе штаба.

Утром стало известно, что деникинцы почти полностью окружили город. Лишь узкая полоска территории в районе Веселой горы соединяла инзенцев с армейскими тылами.

Днем деникинцы вновь двинулись на штурм. К центру города по балке от села Малые Вергунки про-

рвалась вражеская конница и бро-силась оттуда к Гусиновке — рабо-чей окраине.

И вновь загудели луганские за-воды. На улицы, за город, к бое-вым позициям вышли старики, жен-щины и даже дети. Все требовали оружия. На помощь защитникам Луганска одна за другой подходи-ли боевые дружины шахтеров из соседних поселков, рабочие Алчев-ска, крестьяне-бедняки из ближай-ших сел.

По приказанию Лациса Кондрат разыскивал начальника артиллерии дивизии Зубкова. Нашел его в Бо-рисовой балке. А выбраться оттуда сумел не сразу.

На этом участке сильно досаж-дал белым бронепоезд «Углекоп». Едва деникинцы поднимались в атаку, он прегражда л им путь шрапнелью. Тогда белые подтянули три своих бронепоезда и две ар-тиллерийские батареи. После ко-роткой перестрелки «Углекоп» был разбит. Белые сразу же ринулись к городу. Но тут заговорила бата-рея, замаскированная начальником артиллерии дивизии Зубковым в Борисовой балке. Деникинские бро-непоезда в ответ буквально засы-пали балку снарядами. Батарея от-бивалась. Был убит командир. Его заменил сам Зубков. И тут кончи-лись боеприпасы...

Зубков оглядел артиллеристов. Снаряды находились недалеко, на станции, но послать за ними было некого, каждый человек на счету. Он наклонился к Конд-рату:

— Давай, придумай что-нибудь, пока белые очухаются!

Удалых вымахнул из балки. На-встречу ему попался старик, кото-рый нес к окопам цинковый ящи-чек с патронами. Видимо, кому-то из своих, заводских.

— Батя, снаряды нужно доста-вить со станции. Лошадей мы тут нигде не раздобудем? — обратился к нему Кондрат.

— Лошадей, сынку, нема, — про-тяжно ответил дед. — Но мы зараз щось придумаем.

И он быстро засеменил к стан-ции, не кланяясь вражеским снаря-дам, которые рвались совсем непо-далеку.

Кондрат поехал за ним. Пока он открывал вагон со снарядами, ста-рик привел толпу местных жителей. Седобородые деды, смуглые жен-щины, подростки растянулись це-почкой и образовали живой конвей-ер, по которому потекли к Борисо-вой балке снаряды.

Батарея вновь открыла огонь...

Рабочие, шахтеры везде были ря-дом с красноармейцами.

Комиссар 1-го батальона и сек-ретарь партийного комитета 129-го Курского полка Виктор Яковлевич Попов сам вел огонь из пулемета. Белых было так много, что Попов уже не имел возможности отбивать-ся. Он собирался перейти на запас-ную позицию, когда услышал сза-ди бодрый голос:

— Держись, браток! Бей их!

И рядом сейчас же заговорил «максим». Это подоспел с только что отремонтированным пулеметом молодой луганский рабочий Тихон Сорокин.

Коммунист Сергей Ковалев при-шел в окопы вместе с женой и ее сестрой. Когда Ковалева тяжело ранило, жена и ее сестра уложили Сергея на носилки и понесли на пе-ревязочный пункт. В нескольких

шагах от них разорвался снаряд. Все трое погибли...

Упал, сраженный пулей во время контратаки, железнодорожник коммунист Василий Иванов. К нему подбежала его десятилетняя дочь и начала делать перевязку. Вихрем налетела стая шкуровцев. Девочку зарубили.

Более сорока тысяч жителей Луганска и близлежащих поселков грудью стали на защиту пролетарского города.

На рассвете 30 апреля белогвардейцы заметно выдохлись. Они лениво постреливали из окопов. И тогда с восходом солнца инзенцы двинулись в наступление.

У Могилы Острой деникинцы создали несколько огневых поясов и удерживали этот участок с отчаянием обреченных. Штурмовал Могилу Острую рабочий полк. В первой же атаке погиб его командир Е. И. Палкин, было убито и немало самых храбрых луганцев.

И тогда Лацис, отлично понимавший ключевое значение Могилы Острой, усилил рабочий полк двумя броневиками и перенес на эту высоту огонь всей артиллерии дивизии.

Но едва полк поднимался в атаку, вражеские окопы вновь оживали.

Красные приблизились почти вплотную к белогвардейцам и залегли. Слишком губителен был огонь белых. И вдруг разнесся отчетливо слышный в гуле боя звонкий, требовательный женский голос:

— Вперед, товарищи! За мной!

Это подала команду работница Алчевского завода коммунистка Клер, новый командир Луганского рабочего полка. Одновременно во фланг деникинцам ударил посланный Лацисом резервный кавалерийский эскадрон.

Белые отошли. Высоту Могила Острая вновь заняли красные.

К вечеру 30 апреля деникинцы повсеместно были отброшены от Луганска на 30—40 километров.

1 мая 1919 года трудящиеся города вышли на улицу. И хоть вместо бравурных маршей звучали траурные мелодии над братскими могилами павших инзенцев и рабочих, первомайская демонстрация пролетарской солидарности в Луганске состоялась...

4 мая 15-я Инзенская дивизия, измотанная в жестоких боях, лишенная тыла и снабжения, была вынуждена все же оставить Луганск.

И сразу же представителю ЦК партии на Украине пришла телеграмма от В. И. Ленина:

«Абсолютно необходимо, чтобы Вы лично... не только проверили и ускорили, но и сами довели подкрепление к Луганску и вообще в Донбасс, ибо иначе нет сомнений, что катастрофа будет громадная и едва ли поправимая...». *

Тем временем 8-я армия пополнилась резервами. Влились новые бойцы и в Инзенскую дивизию. Армия перешла в наступление. Стремительно продвигались вперед инзенцы.

14 мая, через десять дней после того, как Луганск был оставлен, Инзенская дивизия вновь освободила город.

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 50, стр. 307.

Реввоенсовет 8-й армии направил Лашису телеграмму:

«Реввоенсовет армии, ознакомившись с донесением № 23-с о занятии частями Вашей дивизии города Луганска, приносит Вам благодарность за искусное ведение операции и приносит искреннюю благодарность славным полкам Инзенской дивизии, участвовавшим в овладении городом Луганском».

Однако общее положение на фронте не улучшилось. Слишком неравными были противоборствующие силы. Деникин бросил в наступление лучшие свои формирования.

Судьба Донбасса внушала Владимиру Ильичу Ленину огромную тревогу. 26 мая он телеграфировал Совнаркому Украины:

«26.V.1919 г.

Повторяю свою просьбу дважды в неделю телеграфировать мне о фактической помощи Донбассу... Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе... Сосредоточьте все силы на этой задаче, не ослабляйте энергии, мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите эту телеграмму всем видным большевикам.

Ленин». *

А два дня спустя замнаркомвоен Украины лично получил от Владимира Ильича телеграфное распоряжение:

«28 мая 1919

Совет Обороны двадцать шестого сего мая постановил немедленно двинуть из *Харькова* поголовно всех рабочих на защиту Луганска. Исполнение этого постановления выполнить Вам в кратчайший срок...

Председатель Совета Обороны

Ленин». **

Героически обороняли Луганск полки Инзенской дивизии. Вот один из приказов начдива тех дней:

«Дважды грудью своей отстояли вы, дорогие стрелки, ценою крупных потерь, город Луганск от натиска белогвардейцев. Знаю я и высший командный состав армии и фронта, что полки малочисленны и измучены; что терпят большие лишения, находясь без смены в окопах. Но обстановка требует упорного труда. Вся мировая буржуазия ведет сейчас борьбу с нами, стараясь задушить молодую Советскую республику. Но мир Революции, мир Интернационала не может погибнуть. Имена ваши благодарная память запишет на скрижалях истории и страшным позором заклеймит имена трусов и малодушных. Высоко вас ценя за труды и лишения, глубоко благодарю вас за вашу работу и вновь зову вас на решительный бой — веря, что скоробелый враг будет разбит и мы восторжествуем».

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили славный боевой подвиг луганского пролетариата, героически боровшегося вместе с воинами Красной Армии против нашествия интервентов и белогвардейцев. В ознаменование этого подвига город Луганск был награжден в 1924 году орденом Красного Знамени.

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 50, стр. 324.

** В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 134.

Направление ударов

«...Абсолютно неизбежна гибель всей революции без быстрой победы в Донбассе, для чего необходимо бросить рутину на Украине, работать революционно, поднять все и вся, следить лично за каждой воинской частью, за каждым шагом работы, все, все отложить в сторону, кроме Донбасса...» *

Так писал В. И. Ленин, настаивая на немедленной и эффективной помощи Южному фронту и возмущаясь поведением командующего Юго-Восточным фронтом В. И. Шорина, который срывал выполнение приказа о переброске конного корпуса С. М. Буденного для борьбы с конницей генерала Мамонтова.

Владимир Ильич написал для передачи по прямому проводу члену Реввоенсовета Юго-Восточного фронта резкую записку, требуя выполнения приказа.

---

* В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 137.

Враг по-прежнему рвался к Москве. 8-я армия держала оборону к востоку от Воронежа, захваченного конницей генералов Шкуро и Мамонтова. Эти белогвардейские соединения прорвались по правому берегу Дона на участке 13-й армии.

15-я Низенская дивизия окопалась в районе селений Студеное и Коршево. В ее тылу находились знакомые по первым боям с красновцами места — станции Анна и Абрамовка. Здесь перед белыми стоял надежный заслон.

Гораздо хуже было на других участках фронта. Деникинцы успешно продвигались на Курско-Орловском направлении. В. И. Ленин писал в связи с этим:

«Взятие Курска и движение врага на Орел ставят перед нами задачу: дать добавочные силы, чтобы отразить здесь неприятеля... Чтобы отразить наступление на Орел, чтобы перейти в наступление на Курск и Харьков, надо, сверх то-

Михаил Петрович Янышев

го, чем мы располагаем, мобилизовать лучших работников из пролетариата. Серьезна опасность, созданная падением Курска. Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Но для отражения этой опасности, в добавление к прежним силам войска, мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях». *

Центральный Комитет Российской Коммунистической партии обратился ко всем партийным организациям со специальным письмом — «Все на борьбу с Деникиным!»

Для работы на Южном фронте Центральный Комитет партии послал С. А. Анучина, Г. К. Орджоникидзе, В. П. Потемкина, И. В. Сталина, М. П. Янышева и ряд других крупных военно-политических работников.

Михаила Петровича Янышева назначили политическим комиссаром 15-й Инзенской стрелковой дивизии.

К середине октября было решено, не ожидая полной готовности войск Южного фронта к наступлению, нанести контрудары по основной группировке противника. Эти операции поручались на Орловском направлении 13-й армии, на Воронежском — корпусу Буденного и 8-й армии, в составе которой действовала Инзенская дивизия. Справа от инзенцев действовала 6-я кавалерийская дивизия Тимошенко.

17 октября Инзенская дивизия форсировала реку Икорец и завя-

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 39, стр. 207.

зала бой за станцию Давыдовку, стремясь перерезать железную дорогу Отрожка—Лиски.

В коротких промежутках между схватками комиссары, коммунисты читали бойцам опубликованное в газетах обращение Владимира Ильича Ленина:

«К товарищам красноармейцам

Товарищи красноармейцы! Царские генералы — Юденич на севере, Деникин на юге — еще раз напрягают силы, чтобы победить Советскую власть, чтобы восстановить власть царя, помещиков и капиталистов.

Мы знаем, как кончилась подобная же попытка Колчака. Не надолго обманул он уральских рабочих и сибирских крестьян. Увидав обман, испытав бесконечные насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов, уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной Армии побить Колчака...

Вот почему мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным...

Вперед! товарищи красноармейцы. На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов! Победа будет за нами!

19.X.1919.

Н. Ленин». *

Обращение это вызвало у воинов-инзенцев огромный революционный подъем. Они рвались в бой.

Михаил Петрович Янышев, щурясь от яркого октябрьского солнца, выплывавшего из голубой утренней дымки, повторил:

— И все-таки, товарищ Лацис, я поеду в Тульский полк! Тошно им сейчас...

Из 131-го Тульского и 127-го Мценского полков доложили, что с рассветом белые нанесли сильный удар в стык между наступавшими 1-й и 2-й бригадами. Первая контратака отбита с большим трудом. Но противник готовил новые. На железнодорожной линии Отрожка—Лиски курсировали три бронепоезда, совершая мощные огневые налеты на позиции Тульского полка. У белых появились танки.

Комиссар дивизии сразу же решил отправиться туда, но Лацис мягко возразил:

— Товарищ Янышев, я понимаю вас... Но комиссар вы у меня один, а тяжело приходится не только тулякам.

Янышев с улыбкой вслушался в приятный латышский акцент начдива. Он понимал, что Лацис просто старается уберечь его от излишнего риска. Но канонада в стороне речки Хворостани усиливалась.

— И все-таки, товарищ Лацис, я поеду! — еще раз твердо повторил комиссар.

Начдив пожал плечами. И его густые черные брови сошлись над переносицей.

— Я бы не сказал, что это очень нужно... Однако, если вы настаиваете... Возьмите хоть несколько бойцов с собой.

Через несколько минут комиссар уже мчался на коне по звонкому от легкого морозца проселку. За ним едва поспевали пять разведчиков.

Контуженный командир 131-го Тульского полка Станислав Котов-

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 39, стр. 232.

ский устало и не очень связно доложил, что полк был атакован конницей и пехотой одновременно, что его наступавшие цепи подверглись ураганному артиллерийскому обстрелу. Сейчас полк окопался.

Перед позициями виднелось много вражеских трупов в новых серых шинелях. В степи бродили лошади.

Янышев крепко пожал командиру полка руку.

— Молодцы!

А сам подумал:

«Почему это Деникин атакует нас такими большими силами? Ведь главным для себя противником он должен был бы считать Буденного... Неужели у генерала так много войска?»

Комиссар взялся за бинокль. В окулярах промелькнули бурые крыши станционных построек Давыдовки, потом кирпичные стены.

Янышев опустил бинокль.

— Идут, — облизнул Котовский сухие губы.

Оставив коня в ложбине, Янышев шел вдоль цепи, переходил от бойца к бойцу, обменивался почти с каждым двумя-тремя словами. Когда цепь белых приблизилась, он взял винтовку у сраженного бойца и залег.

Треск винтовочных выстрелов участился, зашлись в скороговорке пулеметы.

От Давыдовки тучей неслась белоказачья лава, сверкая голубыми молниями клинков.

Умолкнувшие было пулеметы вновь затараторили. Рванули ядреный осенний воздух винтовочные залпы. Выдавшийся вперед острый и монолитный клин лавы порядоч-

растрепался. Крошась на отдельные фигуры, он расплылся, оставляя на блеклом фоне степи казачьи и конские тела. Белые заворачивали коней. Свинцовый ливень из пулеметов и винтовок преградил им путь. Но вновь поднялись цепи пришедших в себя белых пехотинцев.

Начиналась четвертая атака...

Только к вечеру противник, понеся огромные потери, угомонился.

Янышев возвратился в штаб дивизии в сумерках.

Еще по дороге комиссар узнал, что белые повсюду яростно атаковали дивизию.

— Что бы это значило? Почему Деникин навалился на участок нашей дивизии? — спросил Михаил Петрович Лацис.

Начдив молча протянул ему телеграмму.

Это был открыто переданный по телеграфу приказ Буденного полкам конного корпуса. В нем говорилось, что корпус начнет наступление на Воронеж с юго-востока.

— То есть с нашего направления? — переспросил начавший догадываться Янышев.

— Да, — ответил Лацис. — Это ложный приказ. Он рассчитан на врага. И генерал Шкуро попался на удочку! Все сегодняшние его действия — это попытки предупредить удар Буденного...

— Значит, мы, выходит, в роли невинно пострадавших? Тульский и Курский полки отбили по десять атак...

— Не совсем уж невинно... — ответил Лацис. — Мы обескровили противника. А конный корпус свеж и рвется в бой.

Семен Михайлович Буденный, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что момент для решающего сокрушительного удара наступил. На рассвете 19 октября конный корпус внезапно атаковал белых в районе села Хреновое. 20 октября 13-я армия освободила Орел, а 24 октября конники Буденного ворвались в Воронеж.

Выдержав жесточайший натиск шкуровцев и мамонтовцев, Инзенская дивизия также перешла в решительное наступление. С ходу была взята Давыдовка и перерезана железная дорога. В бою за Давыдовку своими лихими фланговыми атаками особую доблесть проявил кавэскадрон под командованием Сельдякова. За эти подвиги Сельдяков был награжден высшей наградой того времени — орденом Красного Знамени.

Продолжая нажим на растрепанные полки Мамонтова, Инзенская дивизия вышла на Дон.

Освобождение советскими войсками Орла и Воронежа, выход 8-й армии на Дон стали крутым поворотом в борьбе на Южном фронте.

Поход Деникина на Москву был сорван.

24 октября В. И. Ленин, внимательно следивший за действиями Южного фронта, говорил:

«...Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается, показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил. Но нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в мас-

сокое, огромное, доводящее победу до конца». *

В ноябре Инзенская дивизия остановилась на короткий отдых в шахтерском городке Лиски. Перед вечером был устроен совместный с жителями митинг.

Янышев возвратился с митинга возбужденный, раскрасневшийся от ноябрьского морозца и волнения. Сел, расстегнул кожанку.

— Четыреста пятьдесят добровольцев! — сказал он. — Славный народ — шахтеры. Умная голова решила вести наступление через Донбасс... Тут у белых союзников нет!

— Вот, Михаил Петрович, получена телеграмма.

Янышев прочитал, и оживление исчезло с его лица.

— Вы что же, сами об этом просили?

— Для меня новое назначение — полная неожиданность, — необычно тихо произнес Лацис.

— Но чем же, в таком случае, объяснить?..

Телеграмма содержала приказ Реввоенсовета республики о назначении Лациса начальником тыла 12-й армии.

— Я не знаю, — коротко ответил начдив.

Перевод с боевой работы на тыловую показался сперва обидным. Лацис с трудом представлял свое существование без родной дивизии. Слава об инзенцах гремела по всем фронтам, где бы они ни воевали. За полтора года почти беспрерывных боев дивизия стала несокрушимым военным организмом, закаленным, истинно пролетарским соединением. Слишком много вложил в дивизию Лацис, чтобы уйти с легким сердцем...

— И зачем, в самом деле, понадобилась эта перестановка? — возмущался Янышев. — Идет хорошее наступление, командный состав сплочен, люди понимают друг друга... Я буду протестовать!

— А я солдат и буду выполнять приказ, — едва слышно отозвался Ян Янович.

Утром части дивизии были выстроены на пустыре у окраины Лисок. Лошадиные ноздри выдыхали белые струйки теплого воздуха. У передних шеренг переливались кумачом полковые знамена.

Помощник начальника дивизии Владимир Александрович Максимов, придирчиво оглядев колонны, развернул коня к правому флангу, — там показался начдив.

— Дивизия — ра-а-вня-яйсь!

Колыхнулись и замерли красноармейцы.

— Смир-рно!

И Максимов тронул коня навстречу Лацису. Не доезжая нескольких метров друг до друга, всадники остановились.

— Товарищ начдив! — голос Максимова чуть дрогнул. — Пятнадцатая Инзенская стрелковая дивизия построена.

— Вольно.

— Во-ольно!

Лацис выехал в центр полукруга и остановился. Он был бледен. Максимов впервые увидел синеватые тени под глазами начдива.

— Товарищи инзенцы! Товарищи революционные бойцы и командиры!

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 39, стр. 245.

Четко звучали в морозном воздухе раздельно произносимые слова.

— Нашей родной дивизии нет еще и полутора лет, но ее боевая слава проживет много больше. Эту славу своими боевыми делами, своим высоким революционным духом, своей пролетарской кровью завоевали вы, друзья мои...

Начдив замолк, и над колоннами словно зазвенела хрустальная тишина.

— Вы беспощадно громили белочехов и освободили родные места вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина... Вы без стонов умирали под Луганском, сражаясь один против десятерых, десятеро против сотни озверевших беляков, но не сдавались и не отступали без приказа... Сейчас мы вновь гоним наемников Антанты с территории нашей первой в мире Республики Советов... Спасибо вам, славные революционные бойцы! За преданность делу революции! За презрение к смерти! За умение бить врагов Советской власти!

Лацис снял свою островерхую серого сукна шапку и поклонился.

— Я ухожу от вас в радостные дни наступления, — продолжал Лацис. — Уверен, что герои-инзенцы с прежней пролетарской хваткой будут громить контрреволюционную нечисть и гнать ее прочь до полной победы. Нашей славной пятнадцатой Инзенской дивизии — ура, товарищи!

— Ур-а-а-а... Ур-ра-аа! — понеслось над колоннами.

Начдив, а следом и Максимов спешились. Лацис крепко обнял и поцеловал своего помощника. Затем они направились к правому флангу 43-й бригады.

Медленно обходил полки 22-летний начдив. Одним жал руку, других обнимал и целовал. Надеждин, Балашов, Сельдяков, Головнев, Мишин, Попов, Мокшин... Потом Лацис еще раз обнял за плечи Максимова и повернулся к Янышеву.

— Счастливо оставаться, Михаил Петрович!

Крепкий бородатый комиссар схватил начдива в свои объятия.

— Успехов вам, Ян Янович!

А над колоннами все перекатывалось красноармейское «ура»...

Дивизию принял Сангурский, один из близких соратников уже тогда прославленного В. К. Блюхера, под командованием которого Южно-Уральская партизанская армия летом 1918 года совершила героический 40-дневный рейд из белоказацкого окружения и соединилась с Красной Армией.

Инзенцы продолжали наступление, преследуя корпус генерала Мамонтова. В декабре они третий раз освободили Луганск.

Комиссар Попов сидел в жарко натопленной хате, одетый в валенки и полушубок, и пил из жестяной кружки кипяток, заваренный сушеной малиной.

Хлопнула дверь, и в хату вошел посыльный.

— Пакет. От комбрига, — доложил он.

Попов надорвал серый грубый конверт и чуть пошатнулся.

— Вот черт, некстати допекает меня лихоманка, — как бы оправдываясь, объяснил он. — Прямо в бред от жара кидает, а от холода — в дрожь... Комполка совсем слег, в лазарет увезли. Сазыкин, давай сю-

та комбатов, — приказал он' во-
лодшему ординарцу.

И комиссар углубился в чтение.

Когда Попов оторвал взгляд от приказа, в глазах его уже не было прежней квелости.

— Будет выполнено, — твердо сказал комиссар посыльному. — Но комбриг знает, что в полку и двух сотен здоровых не наберется?

В ответ посыльный пожал плечами. Когда он ушел, Попов сбросил полушубок и полез в сумку за картой.

Приказ комбрига гласил: Орловскому полку с наступлением ночи атаковать хутор Ивановский и выбить оттуда белых.

Пришли комбаты. Георгий Головнев, комбат-2, так и засиял, узнав о предстоящем. Перспектива, как он выразился, «пощупать белым печенки» его устраивает всегда — и днем, и ночью.

— Вот ты и возьмешься. Переправишься через речку Должик. Только аккуратнее. Речушка в аршин, а бурливая. Лед ненадежен. Беречь людей надо... И без этого все простужены... Потом, значит, ударишь по хутору с тыла. Без промедлений. Первый батальон подожмет отсюда...

Большой и богатый казачий хутор Ивановский курился дымками. Это было последнее прибежище белых в Донбассе. Для расположившихся на ночлег мамонтовцев готовился ужин. Заливистым ржаньем перекликались лошади, над хутором плыл неумолчный лай множества собак, доносились то женский визг, то мужской хохот, то детский плач.

— Похоже, дьявол ее возьми, целая дивизия засела в хуторе, — пробормотал Головнев, когда батальон достиг дальних огородов. — Уж больно бреху собачьего много.

Он повернулся к замершей в молчании горстке бойцов.

— Подойдем поближе. Без команды в хутор не соваться. Но после первого залпа кричать «ура». Орать во всю глотку! Чтоб беляков до печенок проняло... В цепь!

Бойцы почти бесшумно перемещались по рыхлому снегу. Уже можно было различить взмахи лошадиных хвостов в шевелившейся массе коней на улице, когда Головнев приглушенно скомандовал:

— Стой! С колена... По окнам и повозкам... Огонь!

Хлестко ударил первый залп. Будто переломилось одновременно несколько деревьев. Сотни пуль обрушились на хутор Ивановский. А вслед за ними покатилось красноармейское «ура», сопровождаемое уже менее стройными, но частыми залпами.

Засверкали огоньки ответных выстрелов. Их было множество, но вспыхивали они в хаотическом беспорядке.

1-й батальон и штаб полка перевалили тем временем за большой холм, со склона которого отлично просматривался хутор. Виктор Попов мгновенно оценил выгоды местности. По его распоряжению были выдвинуты вперед и установлены все наличные пулеметы. Когда раздалась стрельба в тылу у мамонтовцев, пулеметы одновременно открыли огонь.

Это получилось так внушительно, что бойцы 1-го батальона в едином порыве ринулись с громовым «ура» в атаку.

Начавшаяся с фронта атака подхлестнула бойцов 2-го батальона. Красноармейцы перепрыгивали через ограды, заборы и брали на мушки несшихся по улице всадников и пеших.

Комбат Головнев рвался в самые опасные места. Он был одновременно и бойцом и командиром.

— За мной! Быстрей! — закричал комбат и кинулся через улицу к большому с массивным резным крыльцом дому.

У крыльца гарцевал всадник, держа в поводу оседланную лошадь. Около лошади прыгал на одной ноге рослый и грузный человек в шубе, без головного убора. До них было шагов сто с лишним.

Головнев вскинул наган и выстрелил несколько раз подряд. Не попал. Человеку в шубе удалось вскочить на лошадь. Оба всадника поскакали вдоль улицы.

— Догнать! — приказал комбат подоспевшим красноармейцам, а сам направился к крыльцу.

Два дальних от входа окна светились. Головнев остановился у распахнутой внутри двери.

— Кто там есть? Выходи!

В сенях зашуршало сено. В дверном проеме показался дюжий бородатый мужик с поднятыми вверх руками.

Подбежали красноармейцы, погнавшиеся за человеком в шубе.

— Ушел!

Головнев шагнул к хуторянину.

— Кто это был?

— Енерал ихний... — нехотя пробурчал хозяин дома.

— Генерал?.. Какой генерал?

— Заглавный ихний... Мамонтов...

Головнев чуть не поперхнулся от досады и вдруг заорал на хозяина:

— Да опусти ты свои грабли, бирюк! Никто в тебя стрелять не собирается!

И, гремя сапогами, вошел в дом.

В просторной горнице горела керосиновая лампа. На полу в беспорядке валялись рубашки, кальсоны, носки, махровые полотенца и раскрытый чемодан. Стол был уставлен едой и бутылками.

— Гляди! — комбат показал револьвером на отливавшие жарким блеском сапоги со шпорами. — Без задних ног пришлось удирать его превосходительству!

В прихожей висело несколько шинелей. Одна с генеральскими погонами, другая — с полковничьими. Боковой карман полковничьей шинели оказался битком набит бумагами.

— «Сек-рет-но», — прочитал вслух Головнев. — Смотрите, секретные! Да это же оперативные приказы, подписанные Мамонтовым и его начальником штаба Петровым! — вскричал комбат.

Когда они вышли из дома, бой в хуторе Ивановском прекратился. На широкой улице лишь метались лошади без всадников да сновали красноармейцы. Кто вел коня или гнал пленного, кто тащил трофейный пулемет.

В плен на хуторе Ивановском было захвачено немало мамонтовцев. В том числе целиком пулеметная команда, прибывшая из школы в Новочеркасске. Среди трофеев — повозки с фуражом, патронами, телефонным имуществом.

Но самым ценным трофеем оказалась шинель полковника Петрова. Вернее — содержимое ее бокового кармана. Оперативные приказы

расписывали частям корпуса ни много, ни мало, как пробиться через линию фронта и, совершив рейд по нашим тылам, принудить 8-ю армию отказаться от наступления на Ростов.

Сведения, взятые из захваченных приказов, помогли советскому командованию впоследствии обеспечить освобождение Ростова и Новочеркасска.

За успешный налет на хутор Ивановский командир 2-го батальона Орловского полка Георгий Леонтьевич Головнев был награжден орденом Красного Знамени.

Донбасс стал полностью свободным от белогвардейцев. Страна Советов получила донецкий уголь, крайне необходимый для восстановления хозяйства и для победы над врагом. Главные силы Деникина отошли под Ростов-на-Дону и Новочеркасск.

Кондрат Удалых разыскал хату, где остановился земляк, Василий Морозов, взводный 1-го батальона 127-го Мценского полка, и просидел у него часа два. Василий, также из деповских рабочих, бывалый фронтовик лет под сорок, время от времени получал письма от старшей дочки, и разведчика интересовало все, что писала она об Инзе и ближних к ней хуторах.

Кондрат собрался уже уходить, когда в хату вошел командир батальона Прохор Мишин. Он стащил с себя нагольный полушубок с заиндевевшим воротником, бросил на широкую лавку папаху, и только тогда его скуластое лицо расплылось в улыбке.

— Добрый вечер! Вот он где, оказывается, разведчик! А я тебя ищу, с ног сбился.

И Прохор сообщил о приказе начдива Сангурского — разведать силы противника на хуторе Щедрин и захватить «языка».

— Едем со мной! — хлопнул Кондрата по плечу Мишин. — С Надеждиным я договорился.

— Люблю это дело! — улыбнулся Кондрат. — А, может, нам... того... в православных на время обратиться? «За веру, царя и отечество...» На рождество-то можно!

И он достал из кармана полковничьи погоны. Всевозможных белогвардейских знаков отличия у разведчиков было всегда полным-полно.

Мысль Кондрата привела Прохора в восторг. Он сейчас же надел полушубок и приспособил погоны, просунув их под воротник. Потом важно прошелся несколько раз перед хозяйским зеркалом.

Василий Морозов так и прыснул со смеху.

...Хутор спал. Облепленные снегом красноармейцы, казалось, двигались в гудящей метели бесшумно, как призраки. Мишин приказал своему немногочисленному батальону укрыться между сенными стожками, а сам, позвав Кондрата, подошел к крайней хате.

На стук раздался кашель и отозвался стариковский голос.

— Открывай! Офицер на постой! — довольно громко приказал Кондрат.

Немного погодя дверь открылась и послышались удаляющиеся шаги.

Прохор и Кондрат ощупью нашли в сенях обитую рваной рогожей дверь, открыли ее.

— Посветить не можешь офицеру!.. — зашипел Мишин, входя первым.

Кондрат остался обследовать сени.

Громыхнула печная заслонка, послышалось хриплое дыхание. Потом красноватый свет озарил загнеток. У печки стоял старик с горящей лучиной в руке и безучастно смотрел на пришельцев. Прохор окинул быстрым взглядом тряпье на лежанке, совершенно голые бревенчатые стены, пол, лавки, стол.

— Кто стоит в хуторе? — спросил комбат.

Лучина в руках старика дрогнула.

— А тут казаки... С офицером... Застава ихняя.

В пять минут Прохор выяснил, что уже второй день в хуторе пьянствуют и бесчинствуют три десятка белогвардейцев с поручиком во главе.

Старик повел показать хаты, где расположились казаки.

— А сам-то господин офицер у старосты...

К старосте пошли тогда, когда взвод Морозова предварительно оцепил занятые белыми хаты.

Громыхнули засовы. Прохор саданул плечом чуть открывшуюся дверь и первым ворвался в прихожую, а затем в горницу. И там и тут перед иконами горели лампады. В прихожей с лавок поднялись две взлохмаченные головы с хмельными глазами.

— А ну, православные, руки вверх! — тихо скомандовал Прохор.

Белые, еле держась на ногах, обалдело глядели на дула винтовок. У кровати в одной нижней рубашке стоял навытяжку мужчина с волосатыми ногами.

— По-позвольте о-одеться, господин полковник... — лепетал мужчина.

Вбежавший в горницу Кондрат чуть не расхохотался, увидев эту сцену.

— Одевайтесь! — приказал Мишин.

И комбат кинул мужчине брюки и гимнастерку с погонами поручика, предварительно ощупав все это.

Смертельно побледневший офицер начал торопливо одеваться.

Мишин, выдержав небольшую паузу, сказал уже другим тоном:

— Так вот, мы не белые, а красные, — Мишин снял с себя погоны. — Сейчас вы прикажете своим казакам сдать оружие. Жизнь я вам гарантирую.

— Слушаюсь! — поручик немного пришел в себя.

Офицера и 33 пленных казака Прохор Мишин сдал в штаб полка. Из допроса начдив Сангурский установил, что в районе Родионово-Несветайская—Марьевка сосредоточены конные корпуса Мамонтова и Топоркова, насчитывающие до 12-ти тысяч сабель, и доложил об этом в штаб армии. Было решено немедленно атаковать врага силами 15-й, 16-й стрелковых и 4-й кавалерийской дивизий.

На рассвете 8 января части 15-й Инзенской дивизии с боем овладели Родионово-Несветайской. А к вечеру конница Буденного вошла в Ростов.

20 января 1920 года Южный фронт разделился. Направление на Крым и Одессу стало именоваться Юго-Западным фронтом, а войска, нацеленные на Кавказ, — 8-я, 9-я, 10-я и 1-я Конная армии — вошли в состав Кавказского фронта.

Инзенская дивизия пополнилась за счет частей 31-й стрелковой дивизии. Были полностью доукомплектованы 1-я и 3-я бригады.

2-ю бригаду из-за нехватки людей временно преобразовали в запасной полк.

Кавказский фронт, которым командовал Шорин, застрял под Батайском. Лобовые атаки 1-й Конной и 8-й армий неизменно заканчивались отходом с большими потерями.

В середине февраля белые крупными силами прорвались в районе станицы Гниловской, захватили Ростов и кинулись к станице Аксайской, где располагался штаб Инзенской дивизии.

Помощник начальника дивизии Владимир Александрович Максимов возвратился из расположения 1-й бригады в Аксайскую мрачным. Очередная атака с переправой через Дон не увенчалась успехом. Немало бойцов осталось лежать на той стороне.

Максимов уже несколько дней сам командовал дивизией, так как начдива Сангурского вызвали в штаб фронта. И очередная неудача удручала тем более.

«Зря людей губим, — размышлял он. — Ведь перед нами отборные войска! Двенадцать тысяч сабель, одиннадцать тысяч штыков, четыреста пятьдесят пулеметов, сто двадцать орудий, шесть бронепоездов на таком узком участке фронта...»

Максимов знал, что Семен Михайлович Буденный уже предлагал

командующему Кавказским фронтом Шорину взять Батайск глубоким обходным маневром, но тот не стал никого слушать и приказал атаковать город в лоб.

Помначдив лежал на лавке, укрывшись шинелью, и долго не мог заснуть. Забылся тревожным сном только перед рассветом.

...Разбудил его глухой шум с улицы. Словно в станицу вступали войска. Максимов приподнялся, прислушался. Несомненно, по станичной улице двигалась конница.

«Может, подкрепление?» — подумал он и вскочил с лавки.

В предрассветной мгле темнела длинная кавалерийская колонна. Голова ее уже скрывалась за поворотом справа, а хвоста и не было видно.

— Русляков! — позвал Максимов часового.

Ответа не было. Сзади раздался шорох. Максимов обернулся, но сильный удар оглушил его...

Очнулся он от холода. Горело, словно обожженное, лицо. В глаза ударил ослепительный свет. Перед самым своим носом увидел на снегу воняющие дегтем сапоги и деревянное ведро. Понял: его облили водой. Дернулся, но руки оказались связанными за спиной.

Его привели в дом бывшего станичного атамана. Втолкнули в большую комнату. За столом сидел полковник, здесь же были офицеры пониже чином. Один из них сразу встал и подошел, вглядываясь в Максимова. Красивое, чисто выбритое лицо его окаменело в изумлении:

— Боже!..— прошептал офицер.— Владимир Александрович!

Максимов усмехнулся.

— Да, ты не ошибаешься, Сиренев. Это я!

— Господин полковник! — повернулся к столу офицер. — Подумать только! Это же поручик Максимов!

Полковник медленно поднялся и вышел на середину комнаты.

— Ну, что ж, тем хуже для этого поручика. За измену долгу и присяге офицер подлежит только одному наказанию — смертной казни.

— Господин полковник! Мы с Максимовым дружили еще юнкерами... Я уверен, что это недоразумение. Не так ли, Владимир Александрович?

Максимов разжал окровавленные губы:

— Ошибаетесь... Не так!

Сиренев отшатнулся:

— Зря стараетесь, капитан,— сказал полковник. — Это же законченный большевик! Если раскается, могу принять его рядовым в свой полк. Искупит вину — получит прежний чин.

— Ты слышишь, Владимир? — зашептал Сиренев. — Соглашайся! Ну, что ты нашел в этих большевиках? Им скоро конец. Ростов уже наш!..

— Это ложь, что Ростов ваш!.. Не бывать этому! — твердо произнес Максимов.

— А откуда мы, по-твоему, взялись в Аксайской? — возмутился Сиренев. — С неба свалились? Ростов взяли сегодня ночью. Я говорю правду!

— Сиренев, прекратите этот разговор. Пора! — повысил голос полковник.

— Владимир!..

— Нет, Сиренев! — Максимов выпрямился. — Я командир Крас-

Михаил Николаевич Тухачевский
и Георгий Константинович Орджоникидзе

ной Армии! Новой армии, народной! И к старому возврата нет...

Замолк, но, поборов слабость, продолжал:

— Я не большевик, но я знаю, что будущее — не за вами. Кстати, о чести офицера... Его призвание — служить народу. И я с теми, кто это делает. Армия, предводимая такими офицерами, будет непобедима. И такой армией является наша Красная Армия. Последние две фразы, господа, принадлежат Ленину. И вы уже не раз могли убедиться, что его слова не расходятся с делами! Будущее — за нами!

— К стенке! — побагровел в крике полковник.

— Ну, прощай... — глухо пробормотал Сиренев и, отвернувшись, отошел к окну.

Конвоиры направились к Максимову, но он опередил их и сам толкнул плечом дверь...

Несколько минут спустя в стороне огородов рассек повисшую тишину винтовочный залп...

А через полчаса в станицу ворвался сильный отряд под командованием комиссара дивизии М. П. Янышева. Комиссар сразу же поспешил на выручку штабу, когда узнал, что деникинцы захватили Аксайскую. Но спасти Максимова не успели...

С воинскими почестями похоронили инженцы своего командира.

А позже, три года спустя, боевые

друзья так писали о нем в книге, посвященной дивизии:

«Владимир Александрович Максимов был одним из создателей дивизии, пробыв в ней с июля 1918 года до февраля 1920 года.

Все старики-инзенцы помнят то время, когда на глухой железнодорожной станции Инза буквально «почти из ничего» создавалась дивизия.

Товарищ Максимов, не будучи коммунистом, всей своей полуторагодичной напряженной, на совесть работой доказал верность честного гражданина-офицера идее Советской власти, и, наконец, запечатлел это своей смертью».

Вскоре в дела Кавказского фронта вмешался Центральный Комитет партии.

Командующим фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, членом Реввоенсовета фронта партия послала Г. К. Орджоникидзе.

На должность начальника 15-й Инзенской дивизии прибыл Александр Игнатьевич Седякин, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции.

1-я Конная армия пошла в глубокий обход вражеской группировки — на Платовскую, Белую Глину, Тихорецкую.

8-я армия начала наступление с фронта.

И фронт белых развалился.

Инзенская дивизия включилась в стремительный кубанский поход.

1 марта инзенцы вступили в Азов, 6 марта вошли в Старомининскую, 14 марта заняли Тимашевскую, 16 марта вступили в Старовеличковскую.

Наступление войск Кавказского фронта успешно развивалось.

Припекало солнце. Со склонов гор в долину бежали мутные ручьи. Командир 135-го полка Калабанов, расстегнув толстый суконный френч, сидел на пустом ящике из-под снарядов и думал.

А задуматься было над чем. До Новороссийска рукой подать — всего один переход, но дорогу преграждают белые. Склоны гор оседланы 2-й Донской дивизией, частями Корниловской дивизии. Не дает покоя и вражеский бронепоезд.

Вчера под покровом темноты батальоны подошли близко к станции. Но ориентироваться ночью в горной местности было трудно, к тому же белые держались начеку, и во избежание больших потерь Калабанов отвел полк на прежние позиции.

«Придется станцию брать днем,— размышлял Калабанов. — Но как выкурить белых хотя бы с небольшого участка?»

Командир приданной полку батареи трехдюймовок Мороз спокойно ждал дальнейших распоряжений. Пять минут назад на горький упрек Калабанова: «Ну, что, Мороз, не можешь ты хорошенько шугануть их?» — он только развел руками: больно уж выгодно расположились белые.

Рядом с Морозом перед Калабановым стоял здоровенный моряк-батареец. Сквозь дыры в его разорванной гимнастерке голубели полосы матросской тельняшки.

— Разрешите сказать пару слов, товарищ комполка?

— Ну, говори.

— Если бы вот туда, — батареец показал на склон горы, где пряталась в кустарнике почти невидимая снизу площадка, — отбуксировать одну трехдюймовку, а лучше — пару.

— У тебя что — особый аэроплан на этот случай припрятан? — сощурился Калабанов.

— Не надо шуток, товарищ комполка. На тросах отбуксируем!

...Захлестнутое веревочными петлями орудие продвигалось наверх по сантиметрам, но продвигалось. Инзенцы карабкались по склону, укреплялись, затем подтягивали орудие. Пока один держали веревки, другие карабкались выше.

Наконец, трехдюймовка грузно вкатилась на площадку. По цепилестнице на 200-метровую высоту начали передавать снаряды.

— Вот теперь — другое дело! — воскликнул батареец. — Прямо как из боевой рубки. Заряжай!

С площадки хорошо просматривались окопы и пулеметные гнезда белых.

Первый же снаряд угодил в брустверк. Второй разворотил пулеметное гнездо. Третий поднял в воздух кучу ящиков и досок, которые тотчас же запылали.

Белые начали выскакивать из окопов.

Тем временем оставшиеся внизу орудия «угостили» несколькими снарядами бронепоезд, и он поторопился укатить к повороту за гору.

Так появился участок, который можно было штурмовать.

Командир полка скомандовал общую атаку.

В замкнутой со всех сторон долине грянуло такое мощное «ура», что противник дрогнул. Дончаки и корниловцы в панике бежали.

Калабанов сначала не поверил этому. Уж не ловушку ли приготовил враг? Но бригадная конная разведка подтвердила: станица Тонельная оставлена белыми.

На рассвете 27 марта 1920 года перед инзенцами открылся внизу белый город с голубой бухтой. Это был Новороссийск.

Город напоминал муравейник. На улицах, особенно в порту, кишели толпы людей, табунами бродили беспризорные лошади.

— За мной! — крикнул Калабанов и дал коню шпоры.

Следом за ним понеслась на тачанках пулеметная команда: Трофим Костенко, Максим Максимов, Алексей Палехин, Захар Сага.

Быстро миновали село Мефодиевку и ворвались в Штандарт — северо-восточную часть города.

Тут на улице вывернулась из-за угла конная группа. Калабанов не стал сдерживать коня.

— Клади оружие! — закричал он, размахивая наганом.

Но сверкнуло несколько шашек, и командир 135-го полка упал на мостовую...

Вскрикнул Трофим Костенко, мигом разворачивая пулемет... Длинная очередь оставила на улице несколько неподвижных тел белогвардейцев.

Тачанки вынеслись на площадь возле цементного завода. Отсюда хорошо просматривался причал. Вереницы офицеров торопились по сходням на суда.

Во всю мощь заговорили пулеметы инзенцев. Людские толпы отхлы-

нули к стенам домов и пакгаузов. Полетели в воду обрубленные швартовые...

А в город вслед за 3-й бригадой Инзенской дивизии лавинами катились красные войска — части 16-й дивизии и кавалерийская группа из 9-й армии.

Новороссийский порт — первый из черноморских портов — навсегда стал советским.

За героические бои на Кубани и взятие Новороссийска 135-й полк Инзенской дивизии 27 марта 1920 года был награжден орденом Красного Знамени.

Той весной было покончено с Деникиным, со вторым походом Антанты против молодого Советского государства.

В конце марта 1920 года В. И. Ленин говорил: «Почему мы победили Юденича, Колчака и Деникина, хотя им помогали капиталисты всего мира?..

Мы победили помещиков и капиталистов потому, что красноармейцы, рабочие и крестьяне знали, что они борются за свое кровное дело.

Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса, всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой, изгоняли беспощадно шкурников и трусов.

А когда миллионы трудящихся объединяются, как один человек, идя за лучшими людьми своего класса, — тогда победа обеспечена...». *

---

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 40, стр. 232.

Красные войска Кавказского фронта еще гнали деникинцев, а на западе уже разгорался новый очаг интервенции. Оснащенная Антантой 370-тысячная армия польского гетмана Пилсудского сосредоточивалась на границе Советской Украины. Кроме того, не были добиты и остатки белой Добровольческой армии на Юго-Западном фронте.

Конечно, разгром деникинцев на Кубани был полный, и это, естественно, породило у некоторых руководителей планы перевода советских войск на мирные рельсы. Но их отрезвила телеграмма Ленина: «11.III.1920 г.

РВС Кавфронта
Смилге
и Орджоникидзе
Копия РВС Юго-Западного
Сталину

Поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия...

Ленин». *

Белопольские войска вторглись на Украину.

Вслед за 1-й Конной Буденного на польский фронт двинулась с Северного Кавказа и 15-я Инзенская дивизия.

В Новороссийске дивизия значительно пополнилась людьми, оружием, лошадьми, амуницией. Целиком восстановлена была 2-я бригада. Во главе ее стал Федор Михайлович Балашов, который после А. Г. Ревы командовал 127-м Мценским полком. Теперь дивизия, как и прежде, имела полный состав. Кроме 1-й, 2-й и 3-й бригад, которые уже на марше получили новые номера — 43-й, 44-й и 45-й, создали кавалерийскую бригаду, названную 4-й.

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 51, стр. 159.

По пути инзенцам пришлось разгромить несколько белогвардейских банд. Особенно упорными были бои под станицей Уманской.

Маршрут дивизии пролегал вдоль побережья Азовского моря, через Мелитополь, Каховку, Берислав, Никополь, Екатеринослав.

6 июня на пути из Мелитополя на Каховку инзенцы услышали со стороны Азовского моря грохот артиллерийской канонады. Это под Мелитополем и в районе села Кирилловка высаживались первые врангелевские десанты.

Началось вторжение войск Врангеля в Северную Таврию, войск, о которых В. И. Ленин писал:

«...В Крыму Врангель собирал все больше и больше своих сил, у него войска состояли почти сплошь из офицеров, это делалось в надежде на то, что при первом же благоприятном моменте удастся развернуть эти силы, лишь бы только за ним пошли крестьяне.

Врангелевские войска снабжены пушками, танками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, боровшиеся в России...» *

Заслоны красной 13-й армии, которой командовал Роберт Петрович Эйдеман, не смогли сдержать нашествие и понесли большие потери.

8 июня Инзенская дивизия, продолжавшая свой маршрут уже по правому берегу Днепра, в селе Качаровке получила приказ немедленно повернуть назад, на Врангеля.

9 июня полки инзенцев вновь переправились на левый берег Днепра, достигли окраин Большой Каховки и соседнего с ней села Любимовки.

А с юга к этим местам подходили прорвавшиеся через Перекоп белые — 1-й армейский корпус генерала Кутепова в составе Марковской, Корниловской и Дроздовской дивизий.

Над Любимовкой вставало солнце — яркое и жаркое таврическое солнце.

Единственную улицу села запрудили красноармейские повозки. Ржали кони, покрикивали ездовые. 131-й Тульский полк 44-й бригады Инзенской дивизии готовился к выступлению.

Вслед покидавшим дома красноармейцам и командирам выходили хозяева с крынками молока, пучками румяной редиски. Из-за низких глиняных тынов выглядывали девчата.

— Ох, и наплясался вчера, до сих пор ноги ноют! — пожаловался, плюхаясь на подводу, красноармеец Подбельцов.

— Да, весело было, — согласился ездовой.

— А чего ж ты такой невеселый, Макар? — Подбельцов сморщил веснушчатую переносицу и задорно тряхнул желтым чубом. — Аль задела какая любимовская зазноба?

Ездовой мельком глянул на балагура и отвернулся.

Накануне вечером в Любимовке и в самом деле было как на празднике. Сначала провели митинг. А потом у тех хат, где расквартировались самые заядлые гармонисты, балалаечники и плясуны, до поздней ночи кружились хороводы и тихая июньская теплынь то и де-

* В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 41, стр. 358.

Переправа через Днепр

ло взрывалась смехом, полнилась песнями и частушками.

— Макар, чего молчишь? — не унимался Подбельцов.

— Муторно мне чего-то, — не сразу ответил ездовой. — Вроде перед бедой... Не к добру вчера так разгулялись. У тебя ноги ноют, а вот у меня — внутри...

К голове колонны быстро прошел комбат Стуканов.

— Батальон, трогай! — крикнул он на ходу.

Заскрипело по всему селу, зашагали, мотая головами, лошади. Батальонные колонны одна за другой вытянулись в серую открытую степь, лишь местами окрашенную зеленью посевов.

— Ты нюни-то не распускай, — наконец снова заговорил Подбельцов. — Я, к примеру, никакой смерти не боюсь. Только, чтоб в бою было. Чтоб и я мог белякам потроха штыком пощупать...

Однако на запальчивую речь Подбельцова никто не отозвался. Тягостное предчувствие томило, видимо, не только Макара...

От далекого пушечного выстрела все вздрогнули. Громыхнул второй, третий... Проскрежетал в воздухе

снаряд, и пышный песчаный куст вздыбился рядом с дорогой.

— Слеза-ай! Батальоны — в цепь! — понеслось по колонне.

А воздух уже грохотал непрерывной канонадой. Где-то впереди взрыв поднял вместе с клубами пыли обломки подвод. Пронзительно заржали лошади.

Подбельцов бежал по землистопесчаным сухим россыпям. Подводы остались слева — они разворачивались обратно. А впереди маячили цепи врангелевцев, в новеньком, защитного цвета обмундировании — это было заметно даже издали.

В боевых порядках белых четким контуром виднелись три броневика.

— По белой контре! — закричал комбат Стуканов, подняв наган. — Залпом. Огонь!

Протрещал залп, торопливо пролязгали затворы.

— Огонь! Огонь!

Цепь белых залегла. Но броневики продолжали двигаться, и несколько минут спустя у башен засверкали злобные огоньки.

Комбат схватился за голову, покачнулся, но преодолел слабость, отер рукавом кровь со лба и щеки, сбросил фуражку. Эта, четвертая за гражданскую войну рана, оказалась легкой...

Белые в цепях вели огонь издалека, а броневики приближались.

131-й полк нес огромные потери.

И тут вновь зашевелились белые цепи, двинулись в атаку.

Командир 44-й бригады Федор Михайлович Балашов приказал ординарцу:

— Гони в сто тридцатый полк. Скажи Кутлянцеву, пусть атакует белых на участке сто тридцать первого!

И снова прилип к биноклю.

— Федор, лучше туда пойду я. Видишь, что делается! — предложил заместитель комиссара бригады Подзолков.

— Иди! Правильно!

...Цепи 130-го полка подошли к месту боя быстро и, наверно, всего за несколько минут до катастрофы.

Возле Подбельцова, рот которого выглядел белой полоской от выступившей на губах соли, установил свой «максим» пулеметчик Зайцев.

— Друг, дай воды, хоть глоток... — попросил Подбельцов.

— Держи! — кинул ему флягу Зайцев. — И ложись к пулемету. Ленту подавать будешь.

Но второй номер подоспел раньше, чем Подбельцов успел глотнуть из фляги.

Подходившие цепи белых встретил дружный огонь. Пулемет Зайцева выкашивал врангелевцев десятками.

— Так их! Так! Так! — кричал Подбельцов, хотя в грохоте и треске Зайцев вряд ли его слышал.

И тогда поднялся командир роты 18-летний Ваня Данилов. Он заметил опустошения, которые произвел в рядах белых пулеметчик Зайцев.

— Инзенцы! — прокричал юноша. — Враг бежит! В атаку!

За ротой Данилова поднялись оба полка. Погнал врангелевцев у хутора Сергеевка и 132-й полк. Натиск белых был отражен.

Но — всего лишь на два-три часа...

Ослепительный шар солнца, казалось, висел над головой у каждого бойца. Жгучий зной шел от раскаленного песка.

Защитники Каховского плацдарма

— Воды!— неслось с левого фланга.

— Воды! — тут же катилось с правого.

Воды не было. И взять ее негде. Она плескалась лишь в кожухах пулеметов, вызывая приступы еще более мучительной жажды у лежавших рядом красноармейцев.

А солнце в синем пустынном небе как будто задалось целью выжечь все живое здесь, в полуденной таврической степи.

Скрипел зубами от боли раненный в голову комбат Стуканов. На белой марлевой повязке запеклось большое кровавое пятно. Диковато водил помутневшими глазами красноармеец Подбельцов. Разудалый плясун был на грани солнечного удара.

К пулеметчику Зайцеву подоспел новый второй номер. Он принес несколько коробок со снаряженными лентами.

От бойца к бойцу переходил Ваня Данилов.

— Надо держаться, товарищи! За нами нет никаких резервов. А воду должны сейчас привезти, — говорил он, облизывая шершавым языком потрескавшиеся губы. — Командир полка приказал — ни шагу назад!

Вдруг все подняли головы. В небе появились огромные рокочущие птицы. Голая степь, ни кустика, чтобы спрятаться, а грозные машины неотвратимо приближались.

— Лежать! Ни с места! — приказ командира 130-го полка Кутлянцева волной прокатился по цепи.

Рыча моторами, аэропланы развернулись и гуськом полетели вдоль боевых порядков инзенцев. От них оторвались черные бомбы и устремились вниз...

Взметывала взрывчатка облака пыли, рвала на части людей, но

никто не пополз и не побежал назад.

Улетели аэропланы, улеглась пыль. Рев моторов теперь раздался на земле. На боевые порядки красных поползли зеленые чудовища — танки.

На горизонте показалась конница...

— Приказ — отходить, приказ — отходить! — пошло по цепям.

Инзенцы поднимались и, отстреливаясь, шли на северо-восток, параллельно берегу недосягаемого теперь Днепра. Они старались сохранить свои боевые порядки. Но бойцов становилось все меньше.

Налетела казачья лава — и полегли остатки второго батальона 131-го полка... Иных настигали пули из броневиков и танков. Иные падали и умирали от солнечного удара.

А солнце палило. Зашатался и присел боец из роты Данилова. Ваня — к нему:

— Встань, сейчас же встань!

— Нет мóчи, — прошептал красноармеец.

— Надо идти, нельзя здесь оставаться, ведь убьют беляки!

— Пусть...

А рядом упал без сознания другой красноармеец...

К 17 часам 11 июня показались сады хутора Каиры Западные. Первым делом набросились на колодцы.

Потом двинулись дальше, теперь уже восточнее — к Рубановке. Враг наскакивал, производил опустошения в рядах инзенцев и отходил, чтобы подготовиться к новой атаке.

Утро 12 июня застало обессиленных бойцов 44-й бригады снова в голой песчаной степи. И снова ярилось солнце в безоблачном небе. Снова падали и умирали от ударов его безжалостных лучей полуголые, измученные жаждой красноармейцы.

И снова налетали аэропланы, бросали бомбы.

Терзала бригаду свежая врангелевская конница. Но инзенцы заставляли белых дорого платить за набеги. Валились с коней сытые конники генерала Барбовича. 132-й полк вел даже 300 пленных вместе с пятью пулеметами, захваченными у Сергеевки.

Ожил после «водопоя» в Каирах Подбельцов. Повторно водяной голод он переносил уже более стойко. А повозку своего взвода Подбельцов так и не нашел. И ее, и коня, и ездового накрыла беляцкая бомба.

Комбриг-44 Федор Балашов кончил говорить, бросил карандаш и полез за кисетом. Сейчас же зашевелились и другие курильщики. Свертывая самокрутки, чиркали зажигалками в полном молчании. Потом начали расходиться.

— Ну, бывайте!

— До свидания, товарищи.

— Счастливо оставаться!

Командиры полков и комиссары выходили по двое, как и приехали сюда, на совещание в Большую Белозерку. Балашов провожал взглядом каждого. Когда глаза остановились на командире 132-го полка Косулине и комиссаре Николаеве, в сердце комбрига вдруг словно бы что-то дрогнуло.

— Косулин! — тихо окликнул он.

Командир и комиссар вернулись к столу, где была разостлана карта.

— В случае чего, товарищи, — сказал комбриг, — обоз с ранеными возьмет под свою защиту ваш полк. Это — на предмет крайних осложнений.

Косулин и Николаев ответили кратко. Один, бывший поручик, сказал «Слушаюсь!», другой, вчерашний рабочий, «Ясно!»

И оба молча вышли.

Ехали в ночной тьме два друга, два члена Российской Коммунистической партии и лишь изредка перебрасывались скупыми фразами. Но и этих фраз хватало Косулину и Николаеву, чтобы понять друг друга.

— Как думаешь, долго провозимся с этим Врангелем?

— Боюсь, что долго, — вздохнул командир полка. — Набрал он штыков и сабель порядочно. Танки, броневики, аэропланы...

— Да-а, немало крови прольется, пока с ним разделаемся...

Позади глухо и деловито топотали копытами кони ординарцев...

Выстрелы загремели с первым просветом ранней июньской зари. Полки бригады, выступавшие на заранее намеченные позиции в сторону села Паскошино, столкнулись с конницей противника. А когда совсем рассвело, бойцы увидели перед собой массы врангелевской пехоты и кавалерии.

И закипели схватки, каких за всю историю 44-й бригады было немного.

Небо испятналось шрапнельными разрывами. Врангелевская артиллерия повела ураганный огонь. А над самой землей понеслись потоки пуль.

Федор Балашов ждал, когда вражеские цепи подойдут ближе, чтобы открыть прицельный огонь, разить белых наверняка. Но он уже понял — бригаде будет нанесен огромный урон еще до того, как это произойдет. Где выход? Отступать? Бесполезно. Казаки вырубят отходящих. Оставаться на месте нельзя. Наступать? Риск, смертельный риск! Но это, наверно, лучший выход. Больших потерь ведь все равно не избежать. Надо атаковать всей бригадой. Ошеломить врага дерзостью. И Балашов скомандовал:

— Бригаде приготовиться к атаке!

Команда понеслась по цепям.

— Вперед, инзенцы!

Все три полка рванулись навстречу врагу в едином порыве. В тылу осталась лишь бригадная школа младших командиров.

— Даешь! Ур-ра-а! Ра-а-а-а!.. — неслось над залитой первыми лучами солнца степью.

Сплошные стены пыли поднялись над боевыми порядками инзенцев — так была иссушена земля. Но атакующие с победными криками катились вперед.

Смешались зеленые ряды врангелевцев, падали убитые, опускались на землю раненые. Даже команды броневиков не выдержали. Неуклюжие, причудливой формы коробки на колесах, исторгающие пулеметный огонь, начали поворачивать назад. Полетели в них гранаты. Один броневик завихлял, скособочился и стал, ткнувшись стальным углом носа в землю...

И тут будто споткнулся — и упал лицом вперед, распластавшись всем телом, командир роты 130-го полка Ваня Даннлов. Его пронзило сразу несколько пуль...

Винтовочно-пулеметный огонь белых ослаб. Врангелевцы побежали. Но в это время на инзенцев налетела белая кавалерия. Не удалось отогнать ее залповым огнем. Схватились врукопашную. А когда казаки повернули вспять, продолжать наступление красные уже не могли — половина порубленных, пораженных пулями и осколками бойцов бригады лежала на земле...

Но Врангель должен быть остановлен! Таков приказ, который отдан 15-й Инзенской дивизии, а значит, и ее 44-й бригаде.

Федор Балашов обернулся к лежавшим сзади курсантам — последнему своему резерву в сто с небольшим человек — и вынул револьвер.

— За мной, будущие краскомы! Умрем за революцию!

Бригада вновь покатилась вслед белым. Но уже переменили прицел врангелевские артиллеристы. Снова засвистела шрапнель над головами инзенцев. Схватившись за плечо, повалился с ног комбриг...

И опять налетела кавалерия.

— Стоять на месте! Огонь по казакам! Огонь! — скомандовал своему 130-му полку Кутлянцев.

Грянул один залп, второй... Снова откатились казаки, но на этот раз недвижно остался лежать на поле боя командир 130-го полка Кутлянцев...

Один за другим гибли командиры. И остатки полков дрогнули, попятились.

— Собирай бригаду, чего ждешь? — крикнул Косулину Николаев. — Видишь, что делается! Комбриг Балашов тяжело ранен.

Косулин и сам только что принял такое решение.

— Товарищи! Слушай мою команду! — Косулин вскочил на коня. — Вперед!

Вновь ощетинились штыками расстроенные было ряды бойцов. Полки сжимались, образуя одно целое, и шли на врага. Но казачья лава обошла бригаду с тыла. 132-й полк оказался отрезанным. Со всех сторон на него надвигались конные и пешие отряды врангелевцев.

— В штыки, товарищи!

Командир и комиссар слезли с коней, взяли винтовки наперевес и двинулись в контратаку. Обгоняя их, пошли вперед красноармейцы.

Вздрогнул Косулин и, мертвый, повис на руках подбежавшего красноармейца...

Полк рассеял казачий заслон и прорвался в небольшой ложок, на время скрывший его от белых...

...Они расположились кругом, человек тридцать-тридцать пять — все, что осталось от 132-го полка 44-й бригады. Израненные, обессиленные, почти без патронов. Кто опустился на одно колено, чтобы удобнее было стрелять, кто стоял с винтовкой наперевес.

— Сдавайтесь, красные сволочи! — кружа на почтительном расстоянии, кричали казаки.

А когда кто-либо из них пытался приблизиться, звучал выстрел, и казак скатывался с седла на землю мертвым. Инзенцы стреляли только наверняка.

У комиссара Николаева кончились винтовочные патроны. Он вытащил из кобуры наган.

Один за другим никли к земле сраженные инзенцы.

Николаев глянул на барабан. Там оставался последний патрон.

Части Красной Армии на Врангелевском фронте

— Прощайте, товарищи! — крикнул комиссар. — Живым эти гады меня не получат!..

Раздался выстрел — это был последний выстрел в 132-м полку...

Смеркалось, когда взятых в плен шестнадцать инзенцев пригнали в Большую Белозерку к бывшему барскому дому. На крыльцо вышел врангелевский полковник Иванов.

— Это что еще за новости? — заорал он на казачьего офицера. — Вы с кем воюете, господин хорунжий? С цивилизованной армией, может быть? Мы уничтожаем взбунтовавшийся скот! Никаких пленных! Повесить! Всех! Сейчас же!

Быстро забегали бородатые казачины, раздобыли веревки, на сучьях осокорей барского парка укрепили жердины...

Утреннее солнце 14 июня осветило в парке шестнадцать повешенных. Они приняли смерть молча. Никто не просил пощады.

18 июня дивизию вывели в армейский резерв и пополнили людьми. Начдив А. И. Седякин был отозван в штаб армии. Командование дивизией временно принял комбриг-45 А. И. Лепин.

А через три дня 2-й армейский корпус белых под командованием генерала Слащева нанес удар со стороны Большого Токмача на Орехов и устремился к Екатеринославу. Навстречу ему была брошена Инзенская дивизия.

23 июня войска Слащева и инзенцы встретились в районе немецких колоний.

Михаил Петрович Янышев и Александр Иванович Лепин присели на повозку и развернули карту. Долго изучали ее. Потом комиссар сказал:

— По-моему, наша задача не в оперативном маневре. Слишком мало нас против Слащева. Главное, ошеломить его напором, стойкостью, главное — выиграть время.

Утром следующего дня 15-я дивизия короткой яростной атакой захватила немецкую колонию Гохгейм, выбив оттуда врангелевцев.

Опомнившись, Слащев бросил на Гохгейм вместе пехоту, конницу и броневики. На ряде участков бойцы недавнего пополнения дрогнули и начали отступать.

Но дорогу им преградил комиссар.

— Товарищи! — крикнул он. — Ни шагу назад! Только вперед! Вперед!..

Будто электрический заряд пробежал по ломким цепям, выравнивая их в упругие линии. Многие услышали и увидели комиссара дивизии, с винтовкой устремившегося на врага. Они видели его таким не в первом бою. И атаки, в которых Михаил Петрович Янышев принимал личное участие, неизменно увенчивались успехом.

— Вперед!

— Ур-р-ра-а!

Цепи загремели грозными выкриками. Справа лихо вынеслись вперед тачанки во главе с 23-летним ветераном дивизии командиром пулеметного взвода 127-го Мценского полка коммунистом Суховершиным.

Над полем вспыхнули шапки шрапнельных разрывов. Падали убитые и раненые. Но оставшихся и прятавшихся не было. Многие уже опередили комиссара и в ожесточении боя бежали навстречу врагу.

У подошвы кургана под Гохгеймом вновь загремело дружное «ура». Белые кое-где начали отходить, беспорядочно стреляя по наступавшим. Однако большая группа врангелевских офицеров продолжала сопротивляться. Она находилась как раз там, куда устремился Янышев.

— Сдавайтесь! — крикнул комиссар, приблизившись к врагам, но тут же упал, сраженный несколькими ударами.

Но атаку уже нельзя было остановить. Сопротивлявшиеся на кургане офицеры были уничтожены.

По дороге на перевязочный пункт Янышев очнулся и открыл глаза.

— Отстояли Гохгейм? — с трудом выговаривая слова, спросил он.

— Отстояли, товарищ комиссар, и еще захватили много пленных! — ответил ему один из красноармейцев.

Лицо Янышева озарилось спокойной улыбкой. И он снова закрыл глаза. Навсегда.

Гроб с телом Янышева отправили в Москву.

Столица встретила делегацию инзенцев траурными мелодиями. Ты-

сячи людей побывали в здании Московского Совета, где был установлен гроб с телом комиссара Инзенской дивизии.

13 июля 1920 года состоялись похороны. На Красной площади реяли красные знамена с траурными лентами. Комиссара 15-й Инзенской дивизии Михаила Петровича Янышева похоронили у древней Кремлевской стены.

На другой день газета «Правда» писала:

«Т. Янышев принадлежал к числу тех лучших рабочих вождей Красной Армии, которые на постах комиссаров и командиров — в батальонах, полках, дивизиях — заключают в себе тайну героических успехов и неодолимой силы армии пролетарской революции.

Пламенный, обаятельный оратор, неутомимый политический просветитель и «хозяйственник» — в моменты интервалов между боями. В бою — вместе с наступающей цепью в угрожаемом месте. После победы — искусный организатор Советской власти в очищенных от белогвардейцев местностях...

...По размаху политической мысли, по размеру ораторского таланта тов. Янышев принадлежал к числу наиболее замечательных выдвинутых пролетариатом революционных деятелей» *.

Читали, перечитывали эти пламенные слова инзенцы. И вновь и вновь клялись отомстить белогвардейцам за смерть любимого комиссара...

По-прежнему предпринимались все возможные меры для отпора Врангелю. Было принято решение о создании специального Южного фронта, в который вошли 6-я, 13-я и 2-я Конная армии. В связи с этим Ленин телеграфировал члену РВС фронта И. В. Сталину:

«Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем...

Ленин». **

В Инзенскую дивизию прибыло из Казани три полка пополнения. Их распределили по бригадам. Начальником дивизии вместо убывшего А. И. Седякина был назначен Петр Андрианович Солодухин.

Сын самарского крестьянина-бедняка Петр Солодухин подростком пришел в Петербург на заработки. Его приняли на Сестрорецкий оружейный завод. Работая, Солодухин начал учиться и вскоре поступил в Горный институт. Там он близко познакомился с революционно настроенными студентами, связал их с рабочими. Все симпатии Солодухина были на стороне большевиков. В лютые февральские дни 1918 года, когда кайзеровские войска двигались к Петрограду, Солодухин пришел в Комитет обороны к Н. И. Подвойскому и предложил свои услуги в деле строительства оборонительных сооружений. Н. И. Подвойский доверился честному, открытому взгляду гостя и поручил Петру Андриановичу сооружение оборонительного рубежа на ключевом участке защиты столицы — под Гатчиной.

* Газета «Правда» от 14 июля 1920 года.

** В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 51, стр. 247.

Петр Андрианович Солодухин

Инженер-доброволец проявил выдающиеся организаторские способности.

Летом 1918 года Солодухин вступил в партию большевиков. Командовал отрядом питерских рабочих на Северном фронте в районе Шенкурска. Его смелый обходной маневр принудил английских интервентов оставить город. За освобождение Шенкурска П. А. Солодухин одним из первых был награжден орденом Красного Знамени.

Затем в мае 1919 года, во время наступления Юденича на Петроград, Петра Андриановича назначили начальником 6-й дивизии. Он проявил высокое воинское мастерство и личную отвагу при организации разгрома белогвардейцев.

На Южном фронте полки, возглавляемые Солодухиным, первыми на плечах деникинцев ворвались в Орел, вместе с 1-й Конной громили офицерский корпус Кутепова и конницу Улагая, освобождали Курск, Ростов, Таганрог.

Вот каким был человек, которого назначили четвертым по счету начальником 15-й Инзенской дивизии.

Взвод Кондрата Удалых находился за околицей Екатеринослава на учении. Кондрат получил из штаба расписание занятий с бойцами — строевая подготовка, окапывание, рубка лозы, — и старался неукоснительно выполнять его.

— Мы не на лозе учились рубке,

а на живых беляках! — ворчали разведчики.

— Не рвите глотки понапрасну, — успокаивал их Кондрат. — Приказ есть приказ.

Вот согласно этому приказу Кондрат и вывел свой взвод в степь. Ему пришлось кое в чем учесть настроение разведчиков. Нажимать сильно он не стал. Занялся лишь с тремя молодыми бойцами из казанских татар. Остальные покуривали и балагурили на солнышке.

Из балочки выпорхнуло двое всадников. Разведчики узнали в одном начальника штаба дивизии Ярчевского, а второй — крепыш в новеньком защитном обмундировании — знаком не был.

Когда всадники приблизились, разведчики встали.

— Перекур, что ли? — осведомился незнакомый крепыш, ловко спешиваясь.

— Расписанию выдерживаем, — махнул рукой один.

Другой с усмешкой сказал:

— Говорят, эту расписанию мы теперь вместо шашек в ножнах носить будем. Вот Врангель-то испужается!

— А часового снять сможешь?

— Очень даже запросто! Для этого у меня вот что есть.

Разведчик вынул короткий нож.

— А ну, давай! — вдруг предложил крепыш.

— Чего — давай? — не понял балагур.

— Бей меня ножом!

— Ну, это ты ни к чему! — протянул посерьезневший разведчик. — Могу запросто поранить, а ты, может, начальник какой! Разве понарошку показать?

— Хорошо, давай понарошку!

Боец убрал нож, смерил соперника взглядом и вдруг резко метнулся к нему, молниеносно выбросив правую руку. И в ту же секунду грохнулся оземь. Короткое движение, которым была перехвачена его рука, и резкий рывок книзу заметил не каждый.

— Вот это да-а! — ахнуло несколько голосов.

Только сейчас подоспел Кондрат.

— Взводный Удалых! — представился он.

— Сам-то ты, может, и из удалых, — укоризненно заметил незнакомец. — А вот бойцы у тебя... я бы не сказал... Только и твердят «мы все умеем!» Учить надо людей, товарищ взводный!

— Промашка вышла, — оправдывался разведчик. — Эти приемы я враз изучу. Показать бы надо.

— Откуда родом?

— Самарский я. Тут нас много, самарских, и вообще тамошних.

— Земляки, значит! Рад, очень рад. Давайте знакомиться. Солодухин, ваш новый начдив.

25 июля Инзенская дивизия снова двинулась на фронт. А 7 августа три ее полка отчалили на плотах и лодках от колонии Львово и взяли курс через Днепр на Корсунский монастырь. Враг поздно обнаружил катившуюся по воде лавину красных войск и не смог остановить ее. Главные силы генерала Слащева находились в 15—20 километрах. Утром следующего дня инзенцы ударили в направлении Каховки и соединились с Латышской дивизией. Это был большой успех. Только что созданный Корсунский плацдарм соединился с Каховским.

Штаб инзенцев обосновался в Корсунском монастыре.

И еще одна радость ждала ветеранов-инзенцев при соединении с Латышской дивизией. Они встретили своего первого начдива. Оказалось, что Латышской дивизией командовал Ян Янович Лацис. Воспоминаниям, беседам не было конца. Лациса приняли у инзенцев как самого дорогого гостя.

I

Взвод Кондрата днем 8 августа отдыхал после ночного боя в расположении 43-й бригады.

Разведчики привыкли засыпать сразу и накрепко. Обычно их никто не тревожил. А тут Кондрат проснулся от резкого толчка в плечо. Перед ним стоял связной из штаба бригады.

— Прорвались белые! Вас приказано к штабу!

Удалых выскочил на улицу. В стороне Большой Маячки грохотали орудия. Разведчики кинулись к коновязям. Они без команды знали, что им делать.

Грохот послышался и в небе. Кондрат поднял голову и увидел заходящие на село аэропланы.

— Всем под яблони! Ложись! — крикнул он.

Разведчики, оставив коней, кинулись врассыпную.

Горячий воздух злобно рванул фуражку, в горле запершило от резкого удара в уши, сразу же разнесся противный запах гари. А воздух метнулся еще и еще раз. Дико заржали кони.

Несколько секунд Кондрат слышал лишь пронзительный звон, потом в уши ворвалось захлебывающееся ржанье. Удалых вскочил. Рядом горел плетень. За ним рвались с привязей кони.

— По коням! — скомандовал Кондрат, завидев ошалелого от страха, но невредимого Дрозда.

Двоим или троим «обезлошадевшим» взводный приказал отходить в плавни. Разведчики вынеслись на пригорок и поняли, что в штаб им уже не пробиться.

В низине, где находился стык между 43-й и 45-й бригадами, виднелось только сплошное облако шрапнельных разрывов. В тыл бригадам неслась лавина белой конницы. К селу ползло несколько броневиков. Позади них виднелись густые цепи врангелевской пехоты...

Красноармейцы, редкая цепочка которых оказалась на пути движения броневиков, лихорадочно отстреливались. Полки 43-й бригады, внезапно атакованные с фланга, вынуждены были отходить.

Взводу Кондрата оставался один путь — к Днепру...

За ночь, когда между бригадами была установлена связь, полки перегруппировались. И на рассвете 9 августа со всей яростью обрушились на белых.

Взвод Удалых вместе с частью красноармейцев повернул к Корсунскому монастырю.

Но было уже поздно...

Вот что произошло 8 августа у монастыря.

Начдиву Солодухину не успели донести о прорыве белых. Он сам увидел несшихся к штабу белогвардейских всадников с шашками наголо. Обороняться в монастыре против значительно превосходящих сил врага не было смысла. Оставалось одно — прорыв, дерзкая стремительная контратака.

Корсунский монастырь

— По коням! — разнесся голос Петра Андриановича.

За стенами монастыря торопливо садились в седла ординарцы, связные, специалисты штаба.

— За мной, в атаку!

И горстка красноармейцев ринулась на подходившего врага.

Белые кавалеристы сначала были ошеломлены нападением маленького красного отряда.

Но врангелевцы тут же, открыв огонь, взяли отряд в кольцо.

Солодухин потерял коня и был ранен в ногу. Тогда начальник артиллерии дивизии Сергей Васильевич Зубков поднял бойцов в атаку и снова ринулся на врага. И упал, сраженный тремя пулями... Был убит и находившийся в этой группе военный комиссар 43-й бригады Куксинский.

Пуля пронзила и руку начдива. Вскоре была перебита и вторая рука. Солодухин не мог уже ни двигаться, ни сражаться. Полулежа на земле, он держал винтовку с пустым патронником, прижимая ее локтем к боку.

К нему приближались спешенные офицеры, солдаты-врангелевцы. На груди начдива рубиновой эмалью горел орден Красного Знамени.

Иван Иванович Раудмец

— Руки вверх, сдавайся! — еще издали крикнул Солодухину один из офицеров.

Петр Андрианович молчал. Белые придвинулись ближе.

— Бросай винтовку! Сдавайся! — еще раз крикнул офицер.

— Мы, коммунисты, на милость белогвардейской сволочи не сдаемся! — крикнул Петр Андрианович и попытался подняться.

И тогда одновременно раздалось несколько револьверных выстрелов...

О последних минутах Петра Андриановича Солодухина рассказали низенцам пленные врангелевские солдаты.

...Кондрат сидел у истерзанного тела начдива и плакал.

Много смертей видел разведчик за два года беспрерывных боев. Сурова скорбь бойца по погибшему товарищу и командиру... Смерть любимого комиссара Михаила Петровича Янышева совсем недавно опалила душу, выжгла в ней все, оставив лишь ненависть к тем, кто ценой моря крови пытался вновь поставить освободившийся народ на колени.

Гибель начдива Петра Андриановича Солодухина наполнила душу разведчика невыносимой тяжестью. И нервы его не выдержали.

Чья-то рука осторожно легла на плечо Кондрата. Сквозь мутную пелену на глазах он увидел своего

старого друга комиссара 135-го Орловского полка Виктора Яковлевича Попова.

— Крепись, парень, — тихо сказал комиссар. — Народное счастье без жертв не завоюешь.

Удалых вытер рукавом гимнастерки глаза, но слезы по-прежнему скатывались по его лицу.

— Мы поставим нашим павшим героям самый величественный в истории человечества памятник!.. Мы построим государство всеобщего равенства и братства. Мы сметем с нашего пути всех врагов, несмотря ни на какие жертвы!..

Стихийно возник митинг. Инзенцы клялись отомстить за гибель своего начдива, за надругательство над его телом беспощадной местью — полным уничтожением врангелевского гнезда.

Тело Петра Андриановича Солодухина отправили в Петроград. Весь пролетарский Питер прощался с начдивом 15-й Инзенской, сделавшим так много для победы власти рабочих и крестьян.

Он был похоронен на Марсовом поле. Над могилой установили гранитную плиту с краткой надписью:

«Солодухин — краском, погиб в бою в 1920 году».

В начале сентября Инзенская дивизия заняла окопы в первой укрепленной линии Каховского плацдарма, на главном направлении — по обе стороны большой дороги Каховка — Перекоп. Ее новым начальником был назначен Иван Иванович Раудмец.

Белогвардейский «правитель» Врангель не без основания очень боялся Каховского плацдарма на левом берегу Днепра. Он потом писал: «Удержание противником Каховского плацдарма приковывало к этому участку значительную часть наших сил, создавая угрозу нашему левому флангу».

И, разумеется, барон не поскупился на силы, которые должны были атаковать плацдарм.

Но не дремали и красные.

Инзенцы на своем участке отлично выполнили указания дивизионного инженера И. Радзевича по укреплению позиций.

Работали не только саперы — и стрелки, и пулеметчики, и артиллеристы. Рыли глубокие окопы, натягивали в несколько рядов колючую проволоку. Огромную помощь оказывало местное население.

Особенно восхищали всех дед Явтух и тринадцатилетний подросток Иона Педь из приингулецкого села Мало-Александровка, что к северу от Берислава.

Однажды дед Явтух, привезший колья и мотки колючей проволоки, услышал, что участок, где все это нужно, простреливается, и колья с проволокой доставят туда на руках.

— Чего это — на руках? — недовольно спросил дед. — А ну-ка, Гнедок, но! Но!

Никто не успел опомниться, как Явтух развернул повозку, хлестнул Гнедка, а сам рысцой побежал рядом.

Когда повозка достигла опасной зоны, со стороны белых застрочил пулемет. Наши немедленно ответили двумя очередями. Повозка тут же нырнула в овраг и скрылась. Минут через десять Гнедок снова вынес ее на взгорок. Дед Явтух

сочил в телеге и молодецки размахивал концами веревочных вожжей.

— Ну и отчаянный же ты, дед!

— А у нас, казачок, все село такое! Да как же за Советскую власть жизню жалеть? На дьявола она нам тогда жизня, ежели не будет Советской власти! Ты вон глянь на мальчонку, — кивнул дед в сторону Ионы. — Им две лошади Советская власть дала, задаром. Отец ушел в Красную Армию, а мальчонка запряг этих самых лошадок, да и сюда, от Врангеля помогать обороняться. У нас, почитай, все село сейчас в Каховку переместилось по этой причине!

День за днем росли укрепления. Каховка готова была встретить любой удар. Плацдарм щетинился не только колючей проволокой, деревоземляными укреплениями, стволами орудий, пулеметов и винтовок. К решительной схватке со смертельным врагом были готовы все бойцы и командиры плацдарма, в том числе и инзенцы.

И все-таки Раудмец решил еще раз проверить намерения врангелевцев. Он приказал в момент предполагаемой атаки белых произвести разведку боем. Нечто вроде предупреждающего удара — чтобы ввести противника в заблуждение. Для этой операции был выделен батальон во главе с командиром 135-го полка Петром Митрофановичем Поповым и комиссаром Виктором Яковлевичем Поповым.

Дерзкая вылазка батальона наделала немало переполоха в стане уже двинувшихся вперед белых и подтвердила ранее полученные данные. Противник поднялся в наступление на всем фронте Каховского плацдарма, но главный удар рассчитывал нанести на участке Инзенской дивизии.

Бойцы быстро расположились в удобных окопах и приготовили оружие.

Вскоре загремели десятки тяжелых вражеских орудий, впереди началась яростная ружейно-пулеметная стрельба, послышался грохот танковых моторов и лязг гусениц.

— Гренадеры, приготовиться! — раздался зычный голос Николая Батищева.

Гренадерская группа, как назвали в дивизии гранатометную команду, была создана во главе с коммунистом Николаем Батищевым по личному распоряжению начдива Раудмеца специально для борьбы с танками. Бойцы этой группы были вооружены связками гранат.

— Таньки идут... Таньки идут... — понеслось по окопам.

Именно так — «Танькой» — называли красноармейцы бронированные страшилища.

Однако на окопы танки сразу не пошли. Они принялись утюжить проволочные заграждения. Со скрежетом рвалась проволока, трещали колья. Танки исковеркали все три ряда заграждений.

И позиции инзенцев на протяжении почти километра оказались обнаженными.

Тогда следом за танками хлынули полки Корниловской дивизии.

Вот тут и пришлось поработать прославленным пулеметчикам 134-го полка — Ефиму Пегаскину,

Врангелевский танк, захваченный в бою под Каховкой

Трофиму Косченко, Максиму и Захару Максимовым. Патронов они не жалели.

Пришло время действовать и гренадерам. Первым метнул гранаты Егор Салтыков. Да сгоряча промахнулся. Удачно угодил прямо в башню другой машины командир взвода Кашин, выскочивший под пули и снаряды. Танк замер. Раздались ликующие крики красноармейцев. Но радость оказалась преждевременной. Танк развернулся и пошел назад, открыв огонь из пулеметов. Остальные танки вместе с передовыми цепями корниловцев все же ворвались на позиции инзенцев. Машины утюжили окопы, поливая их пулями.

В этот критический момент к бойцам 134-го полка прибыл комиссар 45-й бригады Волков, старый инзенец. Он и командир полка коммунист Бодров повели подразделения в штыковую атаку. Инзенцы и корниловцы схватились врукопашную. Стрельба, истошные крики, лязг стали слились в невообразимую какофонию...

Несколько штыковых ран получил комполка Бодров. Но он до последнего вздоха продолжал руко-

водить боем. Вскоре были тяжело ранены комиссар бригады Волков и один из храбрейших батальонных командиров Сергей Шапошников.

Ряды красноармейцев таяли.

Начдив Раудмец стоял на командном пункте возле полевого телефона и не сводил глаз с поля боя. А картина была невиданная. Вся дуга плацдарма представляла собой в ночной темени сверкающую огнем сплошную линию. Никогда за шесть лет фронтовой жизни Раудмец не слыхал такого грохота орудий, оглушающего треска сотен пулеметов и тысяч винтовок.

— Из сорок пятой сообщают: корниловские полки заняли окопы нашего сто тридцать четвертого! — доложил адъютант.

— Передайте в сорок третью бригаду: атаковать корниловцев!

Это был резерв начдива. Врангелевцы встретили 43-ю бригаду ураганным огнем.

Начальник артиллерии дивизии Куликовский еще с вечера выделил для борьбы с танками 1-й легкий артдивизион и 2-ю батарею 2-го артдивизиона. В эту группу первой в Красной Армии противотанковой артиллерии сразу же прибыл комиссар артиллерии дивизии Апостолов.

Бойцы готовы были открыть огонь прямой наводкой, однако ночная темнота не позволяла вести прицельную стрельбу по танкам с заранее подготовленных позиций. И артиллеристы были вне себя от досады.

Пришлось подтянуть орудия.

— Мороз, Радченко, занимай позиции! — закричал Куликовский командирам батарей.

Упряжки на галопе развернулись, и сразу же установили пушки для стрельбы прямой наводкой.

Припали к прицелам орудийные наводчики Писарев, Коньшев и другие. Сноровисто работали орудийные номера Забойко, Лаврухин, Гладких, Новиков. Грянули выстрелы. Один из снарядов попал в бак с горючим, и бензин вспыхнул ярчайшим пламенем.

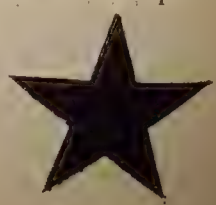
Осветился чуть ли не весь плацдарм. Горящий, как гигантский факел, врангелевский танк увидели все инзенцы. Эта картина вызвала у красноармейцев передовой линии огромное воодушевление. Полки в стремительном порыве ринулись на белых. Бойцы и командиры бежали во весь рост с громовым «ура».

Врангелевцы отступили...

Подвиг инзенцев в бою 5 сентября 1920 года на Каховском плацдарме велик и в историческом масштабе. Ведь белые бросили на Каховку даже танки, и все-таки они не прошли.

Инзенцы разбили лучшую дивизию Врангеля — Корниловскую.

У белогвардейцев надолго пропала охота к атакам. Пока белые приводили свои истерзанные полки в порядок, прошло более трех недель. За это время на Каховский плацдарм прибыли и обосновались там новые соединения. Начальник дивизии Иван Иванович Раудмец распорядился установить, как символ победы, на одной из площадей Большой Каховки танк «Сибиряк».



27 сентября 1920 года инзенцы, как и все воины Южного фронта, читали переданный по телеграфу приказ М. В. Фрунзе, в котором, в частности, говорилось:

«Товарищи, вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но по-прежнему крепкая духом, сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран... Но на пути к этому она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля... Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта»*.

М. В. Фрунзе разгадал, что цель главного удара Врангеля не Донбасс, как полагали некоторые советские военные специалисты. Барон стремился с выходом на правый берег Днепра расправиться с 6-й армией, ликвидировать Каховский плацдарм, после чего двинуться на соединение с белополяками.

Здесь, на Правобережном направлении, М. В. Фрунзе и нанес Врангелю 14 октября сокрушительный контрудар.

Успешно продвигались вперед части, находившиеся на Кавказском плацдарме. Полки 4-й бригады Инзенской дивизии отбросили группу белого генерала Черепова на линию сел Дмитриевка, Антоновка и Константиновка.

В результате контрудара противник потерял много личного состава, танков и бронемашин. Защитники плацдарма захватили 10 танков, 5 бронемашин, 70 пулеметов, много винтовок и другое военное имущество.

В своем обращении к войскам Южного фронта М. В. Фрунзе писал:

«В итоге боевых действий за это время мы добились определенного

* М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., Воениздат, 1941, стр. 341—342.

перелома в общем ходе борьбы. Инициатива у врага вырвана, ему нанесен крупный материальный ущерб, обеспечена возможность нанесения нашего ответного и решающего удара. Начало разгрома положено: теперь остается его завершить. Нет ни малейшего сомнения в том, что это будет нами сделано, и сделано в кратчайший срок.

Именем Республики объявляю войскам фронта благодарность за проявленное мужество и поздравляю с первыми крупными успехами.

Уверен, что в результате нашей дальнейшей работы участь Врангеля будет решена, и красные знамена взовьются на Крымских высотах, этом последнем убежище российской контрреволюции.

Смело и бодро вперед!

Нанесите последний решающий удар!

Вперед — настал час великой и славной победы!»*

О боевых успехах с 14 по 16 октября Фрунзе сообщил и В. И. Ленину.

В ответ командующий фронтом получил следующую телеграмму:

«РВС Южного, Фрунзе

Получив Гусева и Вашу восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма.

16/X.20 г. *Ленин».* **

3 ноября 1920 года войска Южного фронта вышли на северное побережье Сиваша от Геническа до Каркинитского залива Черного моря у порта Хорлы.

Врангель к этому времени успел плотно закрыть за собою все входы в Крым. В одном из выступлений в Севастополе он заявил: «Русская (т. е. белая) армия спокойно перезимует в Крыму, за зиму оправится и окрепнет, а весной перейдет в решительное наступление»***.

Укрепления Крыма были очень внушительными. Вот как оценивал их М. В. Фрунзе:

«Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями. «В сооружении их принимали участие как русские, так и французские военные инженеры». Бетонированные орудийные позиции, заграждения в несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи, все это в одной общей системе создало укрепленную полосу, неприступную, казалось бы, для атаки открытой силой.

Наиболее сильно укреплены были участки Перекопский и Чонгарский, особенно первый...» ****

В соответствии с указанием Владимира Ильича Ленина М. В. Фрунзе дал следующую директиву командующему 6-й армией Августу Ивановичу Корку:

---

* ЦГАСА, ф. 101, дело 167, л. 157—158.

** В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, том 51, стр. 307.

*** С. А. Сиротинский. Путь Арсения. М., Воениздат, 1959, стр. 204.

**** М. В. Фрунзе. Избранные произведения, том 2. М., Воениздат, 1957, стр. 109—110.

«В случае неудачи овладения Перекопским перешейком с налета, приступить на этом участке к подготовке правильной инженерной и артиллерийской атаки. Параллельно с этим немедленно занять все северное побережье Сиваша, произвести рекогносцировку имеющихся бродов и использовать все местные средства, немедленно переправиться на южный берег и овладеть районом перешейков» *.

В составе этой армии наступали и полки Инзенской дивизии.

Никогда еще присивашское село Строгановка не видело такого скопления войск. Одних походных кухонь дымило ничуть не меньше, чем печных труб на хатах. Красноармейцы располагались на ночь прямо под открытым небом и по утрам отряхивали со своих ветхих шинелишек колючий иней.

В Строгановке стоял штаб инзенцев, 45-я бригада и кавполк.

43-я и 44-я бригады находились по соседству, в селе Ивановка. Пехотинцы, артиллеристы и конники занимались спокойными повседневными делами. Не было покоя только разведчикам.

Утром 2 ноября Кондрата Удалых повстречал командир группы конной разведки 45-й бригады коммунист Машошин.

— Плавать умеешь, земляк?

— Приходилось. Да ведь сейчас купаться вроде ни к чему. Не жарко, — отшутился Кондрат.

*ЦГАСА, ф. 101, дело 136, л. 11.

— Однако окунуться пару раз придется для пользы мировой революции, — посерьезнел Машошин. — Мне позарез нужен каждый разведчик, умеющий плавать!

И он рассказал Кондрату о распоряжении начальника дивизии Раудмеца разведать дно Сиваша. Перспектива купания при наступивших уже заморозках не улыбалась Удалых, но дело, видимо, было слишком серьезное, чтобы отнестись к нему легкомысленно. И он сказал, что готов, если надо, хоть сутки сидеть в воде.

...Дрозд понюхал воду, фыркнул и капризно затряс головой. Очень не хотелось ему принимать ледяную ванну, да и пахло тут слишком неприятно.

Пришлось Кондрату слегка пришпорить старого друга.

Черная вода хлюпала под копытами Дрозда и соседних коней. Разведчики медленно брели в сторону Литовского полуострова, растянувшись цепочкой по фронту. У каждого в руках был длинный шест.

Все, что надо, разведчики выяснили. Они доложили командованию, что Сиваш от Строгановки к наиболее уязвимому месту врага — Литовскому полуострову — пехоте и кавалерии перейти можно.

...Начдив Раудмец, отпустив разведчиков, остался с комиссаром Бутковым и начальником штаба Григорием Яковлевичем Ярчевским.

— Что ж, по данным всех групп разведки, при благополучном западном ветре удар через Сиваш на Литовский полуостров и далее на Юшуньские позиции в тыл Турецкому валу вполне возможен, — ответил на молчаливый взгляд Раудмеца начальник штаба.

— Я думаю, можно писать донесение командарму, — добавил комиссар дивизии.

Вначале М. В. Фрунзе планировал нанести главный удар по врагу в районе Чонгара с одновременным обходом противника по Арабатской Стрелке. Потому на ближних подступах к этим местам и были сосредоточены все основные силы Южного фронта — 4-я и 13-я армии, 1-я и 2-я Конные армии, отдельный кавкорпус Каширина. На Перекопском направлении оставалась одна 6-я армия. Но вскоре выяснилось, что корабли красной Азовской военной флотилии скованы льдом в Таганроге. Значит, войска Южного фронта не смогут совершить обходный маневр, потому что некому будет ударить по вражеским кораблям, державшим Арабатскую Стрелку под дулами орудий.

5 ноября Фрунзе провел совещание командармов на станции Апостолово. Соображения и донесения штаба Инзенской дивизии оказались как нельзя более кстати. В тот же день Фрунзе подписал директиву, в которой указал, что главный удар наносится на двух одинаково важных направлениях — Чонгарском и Перекопском. В связи с этим 6-я армия усиливается 2-й Конной армией.

Начало наступления своей группы командарм А. И. Корк назначил на 22 часа 7 ноября.

Советское главное командование не удивилось смелости соображений, предложенных инзенцами. Оно привыкло к чудесам героизма, ко-

торые совершало это закаленное в жестоких боях соединение. Но в возможности осуществления такого крупного и небывалого по дерзости военного плана Главнокомандующий Вооруженными Силами страны Сергей Сергеевич Каменев и Михаил Васильевич Фрунзе решили убедиться лично. И 6 ноября они приехали в Строгановку.

Для встречи с С. С. Каменевым и М. В. Фрунзе в штаб Инзенской дивизии прибыли С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов.

Хмурый ноябрьский вечер начал постепенно затушевывать окна избы, занятой штабом Инзенской дивизии. Зажгли десятилинейную лампу. В ее ярком свете сразу стал заметен иссиня-черный отлив усов командарма-1 Буденного, еще резче обозначились по обеим сторонам носа морщины у Ворошилова, еще больше потемнели глубокие глаза Фрунзе...

— К переходу через Сиваш, товарищи, — продолжал начатый разговор командующий фронтом, — надо готовиться немедленно. Разыщите проводников, знающих броды. Нужно припасти побольше веревок, досок, соломы...

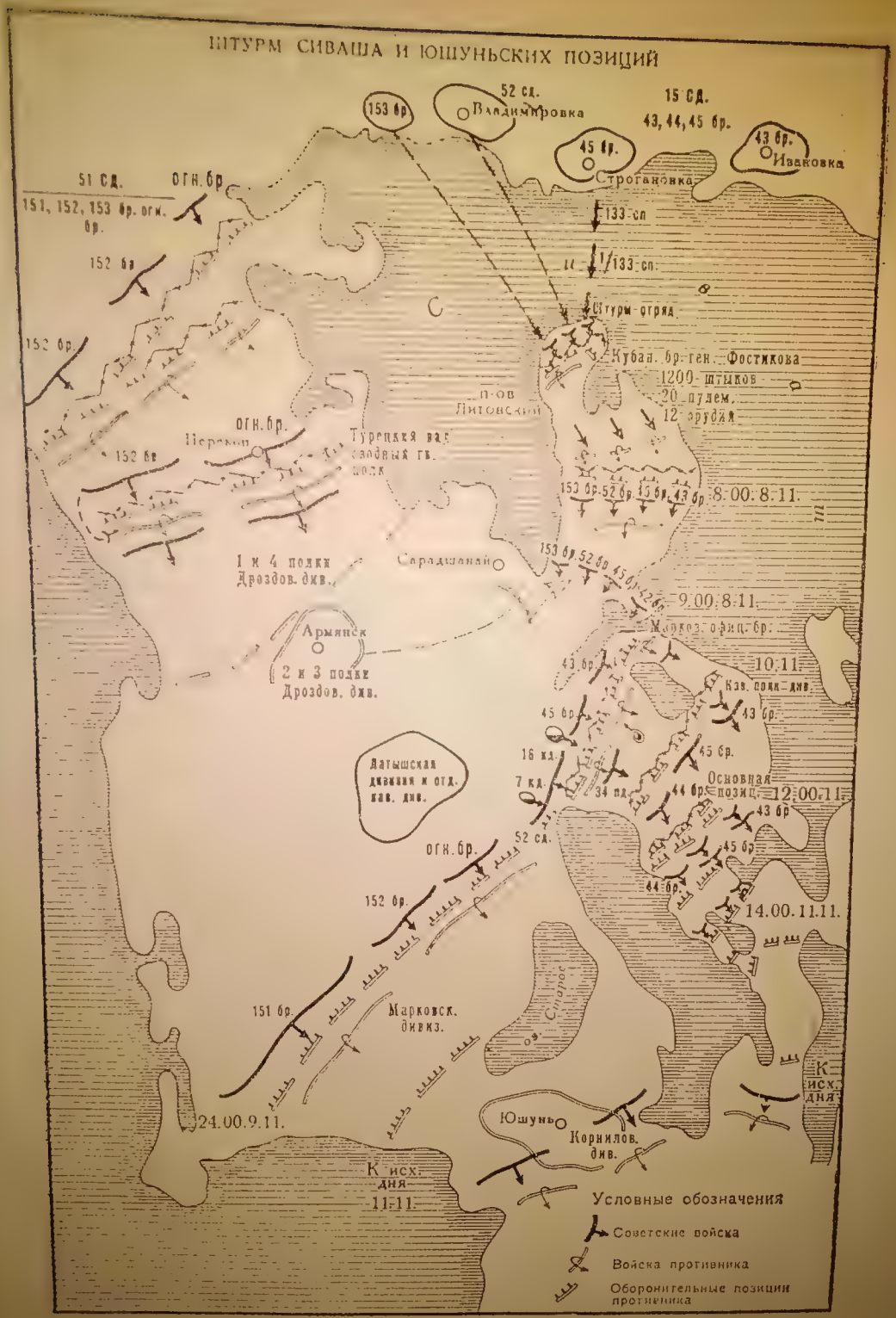
В это время отворилась дверь, и через порог перешагнул крестьянин в кожушке и бараньей шапке.

— Добрый вечер, — гулко произнес он.

— Добрый вечер, — отозвалось одновременно несколько голосов.

Раудмец встал.

— Это Иван Иванович Оленчук, товарищ главком. Он отлично зна-


ШТУРМ СИВАША И ЮШУНЬСКИХ ПОЗИЦИЙ
153 бр
52 сд.
Владимировка
15 сд.
43, 44, 45 бр.
45 бр.
43 бр.
Иваковка
Строгановка
51 сд.
151, 152, 153 бр. огн. бр.
огн. бр.
133-сп
1/133-сп.
Штурм-отряд
Кубан. бр-ген. Фостикова
1200 штыков
20 пулем.
12 орудий
п-ов Литовский
Турецкий вал
Западный гв. окоп
Перекоп
огн. бр.
152 бр
153 бр. 52 бр. 15 бр. 43 бр. 8.00. 8.11.
I и 4 полки Дроздов. див.
Сарадшанай
153 бр. 52 бр. 45 бр. 9.00. 8.11.
Армянск
2 и 3 полки Дроздов. див.
Марков. офиц. бр.
10.11.
Каз. конн. див.
43 бр.
45 бр.
16 кд.
7 кд.
34 пд.
Латышская дивизия и отд. кав. див.
Основная позиц. 12.00.11.
52 сд.
огн. бр.
14.00.11.11.
Сиваш
Марковск. дивиз.
151 бр.
24.00.9.11.
Юшунь
Корнилов. див.
К исх. дня 11.11.
К исх. дня
Условные обозначения
Советские войска
Войска противника
Оборонительные позиции противника

ШТУРМ СИВАША И ЮШУНЬСКИХ ПОЗИЦИЙ
153 бр.
52 сд.
Владимировка
15 СД.
43, 44, 45 бр.
43 бр.
Изяковка
45 бр.
Строгановка
51 сд.
151, 152, 153 бр. огн. бр
огн. бр.
152 бр.
133-сп.
133-сп.
Штурм-отряд
Кубан. бр. ген. Фостикова
1200 штыков
20 пулем.
12 орудий
п-ов Литовский
Турецкий вал
Перекоп
огн. бр.
гвардейский гв. полк
153 бр. 52 бр. 45 бр. 43 бр. 8:00. 8:11.
Сарадшанай
153 бр. 52 бр. 45 бр. 42 бр. 9:00. 8:11.
Маркоз. офиц. бр.
10:11.
1 и 4 полки Дроздов. див.
Армянск
2 и 3 полки Дроздов. див.
43 бр.
Каз. полк. Ам.
45 бр.
16 кд.
Основная позиц.
12:00.11.

Семен Михайлович Буденный, Михаил Васильевич Фрунзе и Климент Ефремович Ворошилов

ет местность. Я докладывал товарищу Фрунзе.

Сергей Сергеевич Каменев приблизился к гостю, с интересом оглядел его:

— Проходите, садитесь вот сюда, — главком указал на свободное место у стола рядом с Фрунзе.

Оленчук снял шапку и молча сел, держась прямо, чтобы не задеть кожухом края карты.

— Я — командующий Южным фронтом, — сразу приступил к делу Михаил Васильевич. — Нас интересуют броды через Сиваш, которые, говорят, вы знаете лучше других.

— Если поискать, то найдутся, — прогудел в ответ Оленчук.

Когда зашла речь о том, кто конкретно поведет первую колонну войск, Фрунзе заметил, что Врангелю помогает самая богатая буржуазия всего мира, а Красной Армии опереться не на кого, кроме как на трудовой народ.

Иван Иванович Оленчук задвигался на стуле:

— Чего там... Дело тут шибко ответственное. Сам поведу!

7 ноября 1920 года перед строем штурмовой колонны ее начальник помощник командира 133-го полка 45-й бригады Карпов зачитал приказ, подписанный начальником 15-й

стрелковой Инзенской дивизии Раудмецом, военным комиссаром Бутковым и начальником штаба Ярчевским:

«Частям Южного фронта и нашей дивизии, в частности, к началу четвертого года существования Республики Советов предстоит завершить победу над русской контрреволюцией, взять Крымский полуостров и навсегда покончить с врагом рабочих и крестьян.

Во исполнение сего приказываю:

Командирам, комиссарам и бойцам, учитывая всю важность момента и что борьба нашей республики решится за твердынями Крыма, напрячь все силы и всю волю к разрешению возложенных задач. Быть стойкими: помнить, что никакие жертвы не могут остановить бойцов Красной Армии в уничтожении ее врагов. Знать, что вся республика ждет от своих верных сынов — бойцов Южного фронта полной победы над Врангелем».

А в Москве, может быть, в те же самые минуты В. И. Ленин читал полученную с Южного фронта телеграмму:

«Сегодня, в день годовщины рабоче-крестьянской революции, от имени армий Южного фронта, изготовившихся к последнему удару на логовище смертельно раненного зверя, и от имени славных орлов 1-й Конной армии — привет. Железная пехота, лихая конница, непобедимая артиллерия, зоркая стремительная авиация дружными усилиями освободят последний участок Советской земли от всех врагов» *.

Эту телеграмму-клятву подписали М. В. Фрунзе, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов.

Первыми в ледяной черной воде Сиваша шагали начальник колонны помощник командира 133-го полка Карпов, комиссар Петров, а вместе с ними и Олейчук с длинной палкой в руках. Сзади за штурмовой колонной двигались 1-й батальон 133-го полка во главе с Г. Л. Головневым, 134-й и 135-й полки 45-й бригады, 127-й Мценский полк 43-й бригады, кавалерия и артиллерия.

Начдив И. И. Раудмец и комиссар Бутков ехали на конях сразу за 133-м полком.

Хлюпала вода, шуршали по голенищам сапог отяжелевшие мокрые полы шинелей. Огни далеких ориентирных костров в районе Строгановки словно подбадривали и подталкивали.

Потом пахнуло гнилой сыростью еще больше. Огни будто утонули — на Сиваш опустился туман.

Впереди знакомой ослепительной голубизной сверкнул луч прожектора. Штурмовая колонна замерла. Луч скользнул дальше и погас. Врангелевские наблюдатели, видимо, приняли красноармейцев за обнажившиеся из-под воды кочки и островки засохшего камыша.

Вокруг то и дело раздавались вскрики вполголоса:

— Хлопцы, яма!

— Тону!

— Засасывает!

— Взять друг друга за руки! — раздался приглушенный командирский голос.

Кондрат, оступившийся в этот момент в яму, ощутил свою левую ру-

* М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., Воениздат, 1941, стр. 429.

Иван Иванович Оленчук (справа)

ку в чьей-то горячей и шершавой, как брезент, ладони. Его вытащили на твердый грунт. Идти стало легче, тем более Кондрат чувствовал, что крепко сжимающий его руку сосед физически намного сильнее. При очередной вспышке прожектора Удалых разглядел скуластое лицо, узковатые прорези глаз и узнал Прохора Иванова, который на оклик интенданта, раздававшего сухари добровольцам-штурмовикам перед выступлением, неторопливо отозвался:

— Иванов-то есть! Чего ему не быть!

Потом на перекуре у костров этот же красноармеец, оказавшийся чуть ли не земляком Кондрата — из деревни Илгишево, Ядринского уезда, Казанской губернии — весело возмущался:

— А чего мне не быть? Я был, есть и буду на этом свете, как и полагается революционному бойцу Иванову до полной победы над контрой! Без Иванова нельзя никуда. На Ивановых вся Россия держится.

— Здоров, земляк! — Удалых одобрительно хлопнул по плечу Иванова. — Стоющая у тебя фило-

софия! Без Иванова нельзя, ни черта не получится! Отсыпь на цигарку, ты, я вижу, ноне богатый!

Стояли у костров плотными кругами, жались друг к другу. Кондрат с наслаждением дымил махрой немыслимой крепости — Прохор раздобыл ее у новичков, казанских татар...

Сейчас они шли рядом, сцепившись руками.

Счет времени был потерян. Казалось, что шагают они целую вечность, и этому не будет конца.

Непроницаемая мгла окружала бойцов. Давно уже не вспыхивали и лучи белогвардейских прожекторов.

И вот, когда у людей начало появляться чувство отрешенности от всего, что не похоже на едкую воду Сиваша, ослепительный свет ударил им в глаза спереди и чуть сверху. Мрак рассеялся. Шагах в пятидесяти виднелся берег Крыма, опутанный кружевами проволочных заграждений в пять-шесть рядов.

— Красные! — донесся оттуда истошный голос. — Красные из воды лезут!

Но прежде, чем красноармейцев накрыла первая лавина свинца, они с криком устремились вперед:

— Даешь Крым! Ур-ра-а-а-а!!!

Белогвардейцы меньше всего ожидали удара со стороны Сиваша. Они были уверены в невозможности для большой массы войск преодолеть Гнилое море. И потому свежая, отлично укомплектованная и вооруженная кубанская бригада генерала Фостикова, державшая оборону на Литовском полуострове, была застигнута врасплох.

Но все же белые оказали упорное сопротивление. Они дрались с чувством людей, обреченных на смерть.

Берег грохотал, сверкал тысячами злобных желтых огоньков. В мятущихся лучах прожекторов мелькали головы, спины, руки.

Инженцы взрывали колючую проволоку гранатами, резали ножницами, сбивали прикладами, голыми руками вытаскивали из земли и воды колья...

Штурмовая колонна рвалась к вражеским окопам.

Кондрат встряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение — взрыв здорово ошеломил его, и ринулся к берегу. У первых рядов проволочных заграждений орудовал большими ножницами целый взвод. Падала проволока, клонились под ногами колья.

Брызнули из-под ног грязь, щепки, беззвучно уткнулись в землю сразу трое — их свалила пулеметная очередь.

Удалых закинул винтовку за спину, поднял полуметровой длины обжигающие холодом стальные ножницы и начал кромсать проволоку. Шаг, еще шаг, еще... Кончилось заграждение!

Бросив ножницы и взяв винтовку наперевес, Кондрат кинулся на сверкающие впереди огоньки выстрелов. Обгоняя его, понеслись кропоткинцы.

И снова будто на невидимую стену натолкнулись черные фигуры многих бойцов. Они попадали и слились с землей. Рослый красноармеец, обогнавший Кондрата и кричавший что-то гулким басом, вдруг умолк, стал на месте, замер на секунду и медленно повалился. Падая, он успел сделать еще шаг вперед...

Пулеметы белых хлестали в упор. Кондрат прижался к жесткой от мороза земле. Над головой взвизгивали и шипели пули. Пронзительно звенела шрапнель.

А небо, между тем, уже светлело.

— Инзенцы! — разнесся по всему берегу знакомый голос Карпова. — Это есть наш последний!..

Все увидели на фоне побелевшего неба фигуры начальника штурмовой колонны с гранатами в поднятых руках и комиссара Петрова с занесенным над головой наганом.

— Ур-а-а! — взревел берег.

И грозный гул подмял грохот стрельбы. Это подоспели первые батальоны 133-го, 134-го и 135-го полков.

К восьми часам утра полки Инзенской дивизии смогли устремиться дальше.

Первая полоса Юшуньских укреплений была прорвана, первые ворота в Крым открыты.

А остатки штурмовой колонны бродили по берегу среди трупов, груд оружия и ящиков с боеприпасами. Инзенцы разыскивали своих. Иногда находили их ранеными, чаще мертвыми. Прохора Иванова Кондрат не нашел ни среди живых, ни среди раненых, ни среди мертвых. Исчез рассудительный и добрый казанец. Его поглотило Гнилое море.

Преодолев первую линию Юшуньских укреплений, красные бойцы оказались перед второй линией.

Короткий ноябрьский день угасал. На фоне быстро черневшего неба расплывались пологие очертания высоты 10,8. Виден был частокол проволочных заграждений, начинавшийся прямо в соленой воде озера Красное. Слева эти стоявшие вкривь и вкось колья укреплений сползали в озеро Круглое. Узенький, в полверсты перешеек перед 45-й бригадой был плотно закупорен рядами заграждений. С высоты 10,8 и холмов на открытый со всех сторон участок между озерами Красное и Круглое смотрели жерла врангелевских орудий и множество пулеметных стволов.

Комбриг Александр Иванович Лепин, поеживаясь от едучего влажно-морозного воздуха, сказал своему ординарцу Ядровичу:

— Зови сюда Поповых... И Кропоткина тоже.

Ядрович тронул повод, и конь быстро понес его в расположение 135-го полка.

— Командир и комиссар стотридцать пятого полка Поповы прибыли! — раздался вскоре в темноте доклад.

— Идите сюда, товарищи!

Петр Митрофанович Попов и Виктор Яковлевич Попов, оба в шинелях и островерхих шлемах, шагнули из мрака. Подбежал и запыхавшийся командир 2-й роты 134-го полка Алексей Кропоткин. Сейчас он командовал специальной группой штурмовиков-разведчиков.

— Друзья! — голос Лепина был задушевен. — Мне кажется, нет нужды говорить о том, что мы должны идти вперед и ворваться в Крым, выполнить задачу, поставленную вождем мирового пролетариата товарищем Лениным. Надо овладеть укреплениями врага! А конкретная задача вот какая: штурмовики

режут ночью проволоку, в четыре часа — атака.

Сто двадцать семь красноармейцев молча выстроились в колонну.

— Группа — вперед! — скомандовал Кропоткин.

Заколыхались серые силуэты. Колонна растворилась в темноте. Шли, напряженно вглядываясь туда, откуда в любую секунду могли раздаться вражеские выстрелы.

— Впереди — проволока!

— В цепь! — вполголоса распорядился командир, а когда бойцы рассредоточились, добавил: — Ложись! Ползком — вперед!

Лязгнули первые ножницы. И сейчас же загремели, загрохотали, замерцали тысячами оранжевых огоньков укрепления врага.

Бледный свет ракет озарил перешеек.

Кропоткин понял, что приказа не успеет выполнить — отряд будет уничтожен прежде...

— Прекратить движение! Не шевелиться! — передал он по цепи команды.

Застыли бойцы.

Вражеский огонь постепенно начал утихать. Тогда раздалось снова.

— Вперед!

И снова захлебнулись в пулеметном треске вражеские окопы.

Опять полчаса лежали без движения, деревенея от холода. И опять ползли вперед.

Шаг за шагом въедались инженцы в колючие переплетения, оставляя за собой устланные телами погибших три прохода.

А в четыре часа позади раздался звонкий голос командира 1-го батальона 135-го полка Кондрата Мокшина:

— Краснознаменные бойцы! За мной — в атаку!

Лавины бойцов хлынули в проходы под яростный огонь пулеметов и шрапнели.

Молча поднялись в атаку и шестьдесят четыре оставшихся в живых красноармейца из разведывательно-штурмовой группы.

Кропоткин швырнул гранату прямо на желтые пулеметные вспышки. Грохнул взрыв. Вспышки прекратились. Командир разведгруппы рывком преодолел бруствер и скатился в окоп. На него обрушилось чье-то грузное тело. В свете ракеты блеснул золотой широкий погон. Кропоткин, готовившийся выстрелить, рывком бросился на офицера и тут же насел сверху.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — захрипел врангелевец.

Кондрат Мокшин несся в атаку с винтовкой наперевес. В проходах осталась добрая половина батальона — убитые, раненые и те, кто не в силах был снова идти в атаку. Но и эти, последние, преодолели, превозмогли себя, когда батальон завязал рукопашный бой в первой линии окопов.

Рассвет застал бойцов 135-го полка во вражеских окопах.

Но враг продолжал сопротивляться. Огневые точки белых обрушили на свои же окопы море огня.

Продвижение красноармейцев затормозилось.

Но через полчаса 134-й полк снова ринулся на врага.

— Вперед! — кричал командир полка Семенов.

Вместе со своими красноармейцами в первых рядах полка под

ружейным огнем бежали комбаты Калнин и Шапошников, командиры рот Глебов и Бубнов, политруки Павлов и Грязнов...

Поднялся вновь и 135-й полк.

Переднюю цепь начисто смели огнем белогвардейцы. Но перед врагом тут же выросла вторая. Цепи шли, и вскоре на полуверстовом перешейке между солеными озерами Красное и Круглое кипел смертный бой.

Прибрежная вода и в самом деле стала красной...

Так была взята вторая линия Юшуньских позиций.

Командир 3-й роты 130-го полка 44-й бригады Леонид Александрович Ратько только прикорнул возле тлеющего костра, как в ночной темноте разнесся голос:

— Комбата-один и ротных — в штаб полка!

Полковой командир Квитко, стоя возле костра, сказал:

— На рассвете — атака. Задача первому батальону: взять хутор Безымянный. Перед началом атаки подойти к нему вплотную. Направляющая — третья рота. После взятия хутора атаковать с фланга Карпову балку.

Через два часа вернулись грязные, мокрые от пота, несмотря на холод, бойцы штурмовой группы.

— Проход в проволочных заграждениях готов, — доложил их командир и тут же опустился на землю, не в силах вымолвить больше ни слова.

Рота Ратько в кромешной тьме двинулась к проходам. За ней потянулся весь батальон.

За последним проходом возник силуэт хорошо знакомой по дневным наблюдениям скирды соломы. Ратько выслал первый взвод для разведки. Через некоторое время впереди послышались возгласы, лязг оружия. Но выстрелов не было. Часть взвода вернулась, приведя с собой захваченный в плен кавалерийский разъезд белых.

Рота двинулась дальше. Но следующий разъезд захватить не удалось. Защелкали выстрелы. Заполыхала подожженная белыми скирда. Батальон оказался у врангелевцев как на ладони.

— Тачанки — вперед! — зазвенел голос комбата. — В атаку!

И Ратько впереди своих бойцов ринулся к хутору. С развернувшихся на околице тачанок заговорили пулеметы. Между белыми мазаными хатками замелькали убегавшие врангелевцы.

Рассвет 1-й батальон встретил в хуторе. Но как только завиднелось, белые открыли ураганный артиллерийский огонь. Рушились слепленные из камней и глины стены хат, разлетались в щепы деревья.

— В цепь!

И Ратько вместе со всеми двинулся в Карпову балку. От пулеметного и винтовочного огня бойцов батальона укрывали холмы.

И тогда появилась врангелевская кавалерия. В первых лучах солнца засверкали на горизонте клинки. Полк улан стремительно приближался к инзенцам.

Цокот копыт раздался и с другой стороны.

— Наши!..

Почти рядом с Ратько промчался передний кавалерист в бурке с оголенной шашкой в руке.

— Не дрейфь, пизенцы! — прогремел его голос.

Ратько сразу узнал прославленного Сельдякова, краснознаменца, командира 1-го эскадрона кавполка их бригады.

На полном скаку схлестнулись две кавалерийские лавины. И закружились сотни вихрей из людей, коней и сверкающего оружия...

— Вперед, товарищи! Даешь Крым! — крикнул своей роте Ратько.

Остановились у самого спуска в Карпову балку. Дальше двигаться не было сил. Здесь Ратько вновь увидел Сельдякова. Комэск угрюмо стоял у своего павшего коня, пока ординарец снимал седло...

Во второй половине дня 1-й батальон хлынул в Карпову балку. А там с самого утра бесновались вражеские пулеметы, скрещивались клинки конных и штыки пеших.

Под Сельдяковым был убит третий конь. Тогда он скинул бурку, с шашкой в правой руке и с наганом в левой пошел в атаку вместе с пехотинцами.

Белые сопротивлялись ожесточенно.

Командир полка Николай Яковлевич Кириченко донес комбригу о потерях. А в ответ получил записку: «Частям бригады отхода нет. Вперед! Штыками пробить дорогу в Крым».

И живые продвигались вперед.

С большим мужеством сражалась 43-я бригада, которой командовал Владимир Пантелеевич Резцов. Особенно отличился 128-й Тульский полк. Около двух десятков белогвардейцев окружили пулеметчика этого полка коммуниста Подбельцова, но он сумел отбиться от врагов, забросав их гранатами.

К двум часам дня все укрепления Карповой балки были взяты. В прорыв двинулась 16-я кавалерийская дивизия 2-й Конной армии.

За героизм бойцов и командиров 128-й Тульский полк приказом Реввоенсовета Республики был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

А тем временем конные разведчики мчались туда, где был замечен штаб генерала Барбовича. Позиции белых атаковала здесь красная конница. Врангелевцы поднялись в контратаку.

— Смотри, генералы и офицеры, как на параде, идут впереди, — воскликнул кто-то из разведчиков.

Кондрат придержал коня, вгляделся. Несомненно, контратаку возглавил какой-то генерал в белой бурке и такой же папахе на сером в яблоках коне.

— За мной! — Удалых выхватил шашку. — Держать на белых генералов!

Взвод повернул к центру вражеских позиций. Однако Кондрат сразу понял, что раньше с контратакующими сблизится кавалерийский полк.

Красная кавалерия и вражеская конница стремительно неслись навстречу друг другу...

Когда взвод разведчиков столкнулся с первыми врангелевцами, белая папаха уже скрылась в кричащем, ржущем, стреляющем, лязгающем водовороте.

Вражеские орудия, захваченные при штурме Перекопа

16 ноября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину:

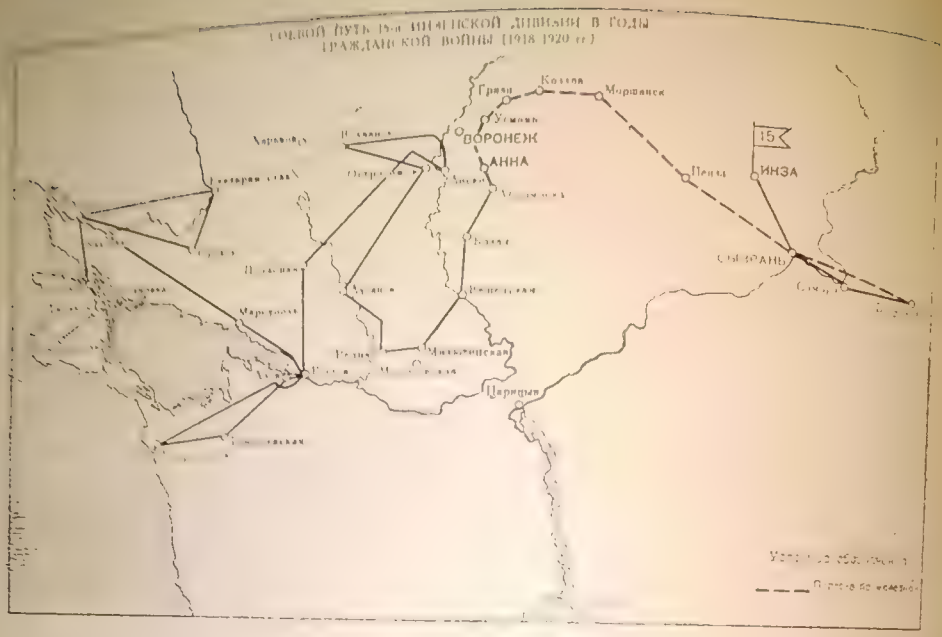
«Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

А 17 ноября, будучи уже в освобожденном 13 ноября Симферополе, М. В. Фрунзе отдал войскам Южного фронта приказ, в котором подвел краткие итоги одержанной победы.

Вот некоторые положения из этого приказа:

«...Несмотря на ловкие маневры и изворотливость тактики, барон Врангель в своих попытках обосноваться в Приднепровье потерпел полное поражение.

...Охватываемый со всех сторон, отрезанный с тыла, противник потерял много пленными, большую часть своей артиллерии, все продовольственные и боевые запасы и в беспорядке ушел на полуостров, пытаясь укрыться за естественной преградой Сиваша и в укреплениях Перекопского и Чонгарского перешейков, но никакие преграды и укрепления не могли остановить победного марша наших армий. Обойденный по Сивашу 15-й дивн-



зней, Перекопский вал 11 ноября был взят штурмом геройскими частями 51-й дивизии.

Отчаянное сопротивление противника на юшуньских позициях было сломлено, и части 51-й, 15-й, Латышской дивизий 12 ноября вошли в Крым. Одновременно с этим, невзирая на мощь обороны Чонгарского перешейка, герои 30-й стрелковой дивизии форсировали сиваш-ские переправы и 12 ноября с боем вышли к Джанкою.

Последние попытки противника под Джанкоем прикрыть отход на Керчь были ликвидированы частями 2-й Конной армии. Ворота в Крым были открыты.

Один за другим пали Симферополь, Феодосия, Севастополь и Керчь. К 16 ноября весь Крым был в наших руках. Победные красные знамена утвердились на берегах Черного моря. Авантюрист барон бежал в Константинополь, бросив свои войска и предоставив каждому устраиваться кто как может.

Связанная палочной дисциплиной и работавшая в чужих интересах, армия Врангеля распалась так же, как и подобные ей полчища Колчака, Юденича и Деникина.

...Боевые товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, ценою ваших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым...

Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам Революции и освободителям трудового народа.

Особо отмечаю исключительную доблесть 51-й и 15-й стрелковых дивизий в упорных боях под Юшунем, героическую атаку 30-й стрелковой дивизией Чонгарских переправ, лихую работу 1-й и 2-й Кон-

«Героям Сиваша». Этот обелиск установлен в гор. Николаеве

ных армий, выполнивших задачу вдвое скорее поставленного срока, и всех многих героев, давших новую великую победу нашей Советской Республике.

Да здравствует доблестная Красная Армия!

Да здравствует конечная мировая победа коммунизма!

Командюж — М. Фрунзе» *.

Михаил Васильевич Фрунзе телеграфировал командующему 6-й армией Августу Ивановичу Корку:

«Тов. Корк, пехота 6-й армии в боях под Перекопскими перешейками покрыла себя неувядаемой славой. Особенно должен отметить боевые заслуги 51-й Московской и 15-й Инзенской дивизий.

В обстановке чрезвычайных лишений, невзирая на огромные потери, части дивизий доблестно выполнили свой долг перед родной страной и, ворвавшись в Крым, продолжали прочное начало близкой ликвидации последнего гнезда русской контрреволюции.

В воздаяние заслуг 51-й и 15-й дивизий Реввоенсовет фронта постановил:

1. Наградить начдива 51-й тов. Блюхера повторным орденом Красного Знамени.

2. Наградить этим же орденом начдива 15-й тов. Раудмец.

3. Знамена этих дивизий удостаиваются знака ордена Красного Знамени.

Слава героям Красной Армии!

Командюж Фрунзе,
Член Реввоенсовета Бела Кун».

* М. В. Фрунзе. Избранные произведения, том 1. М., Воениздат, 1957, стр. 425—427.

А в приказе Реввоенсовета Советской республики говорилось:

«15-я Инзенская дивизия в боях за Крым при отчаянном сопротивлении врага показала чудеса воинской доблести...

В ночь на 8 ноября под ураганным огнем заняла сильно укрепленные позиции противника у озера Красное. Развивая успех, инзенцы разгромили новые крупные силы Врангеля и выбили его из укреплений от высоты 10,8 до Сиваша. Обошедшая дивизию с левого фланга конница Барбовича была отброшена. 10 ноября части 15-й дивизии прорвали линию укреплений противника северо-восточнее озера Красное, затем окружили и взяли в плен два кавалерийских полка корпуса генерала Барбовича.

...За проявленные в этих боях частями 15-й стрелковой дивизии героизм, беспримерную доблесть, храбрость и чрезвычайное упорство Реввоенсовет Республики постановил впредь именовать ее «15-я стрелковая Сивашская дивизия».

Вся страна ликовала и гордилась победой войск Южного фронта.

И как итог, как оценка всех героических действий войск Южного фронта, было принято историческое постановление Совета Труда и Обороны, в котором, в частности, говорилось:

«Беззаветной храбростью войск Южного фронта РСФСР освобождена от последнего оплота российской контрреволюции — их героическими усилиями освобожден Крым, сброшен в море Врангель и силы его окончательно рассеяны. Страна, наконец, может отдохнуть от навязанной ей белогвардейцами трехлетней гражданской войны, приступить к залечиванию нанесенных ей бесчисленных ран и заняться восстановлением столь пострадавшего за эти годы народного хозяйства.

Заслуга Южного фронта перед всей рабоче-крестьянской страной исключительно значительна...». *

---

* В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 260.

Послесловие

Во время жаркой летней поры озеро Сиваш обычно сильно подсыхает.

Кузнец колхоза «Красный полуостров» Иван Павлов, пользуясь этим, несколько лет подряд собирал в обмелевшем проливе картечь для своих кузнечных нужд. И вот однажды, знойным летним днем 1935 года, шаря рукой по грунту в соленой сивашской рапе, он нащупал человеческое тело...

Хорошо сохранившееся тело красноармейца извлекли и в его одежде нашли документы. Трудно было поверить, что они были выданы в 1920 году на имя красноармейца Прохора Иванова из деревни Илгишево, Ядринского уезда, Казанской губернии...

Сама природа решила увековечить подвиг героев-инзенцев на Сиваше. В течение пятнадцати лет она хранила тело одного из 390 павших здесь бойцов и командиров 15-й Инзенской дивизии...

Красноармейца Прохора Иванова с большими почестями похоронили в городе Армянске.

Известный советский поэт Демьян Бедный в связи с этим событием написал героическую повесть, которая завершается следующими словами:

Герой не гибнет, умирая:
Двойная жизнь ему дана,
И эта жизнь его вторая
Бессмертной славою полна.
Ты, в годы вражеской облавы
Гроза баронов и панов,
Боец простой и величавый,
Войдешь в блистательные главы
Летописанья нашей славы,
Красноармеец Иванов! *

---

* Демьян Бедный. Собрание сочинений в 5 томах, том 4. Красноармеец Иванов. М., изд-во «Художественная литература», 1954, стр. 263.

Да, герои не гибнут умирая. В благодарной памяти народной они живут века.

Живут и будут жить все павшие в боях за социалистическое будущее своей Родины, всего человечества и герои-инзенцы — комиссар дивизии Михаил Петрович Янышев, начдив Петр Андрианович Солодухин, помощник начдива Владимир Александрович Максимов, комбриг Андрей Григорьевич Рева, командир полка Калабанов, командир роты Иван Данилов, красноармеец Алексей Сазонов, красноармеец Прохор Иванов...

И еще сотни и сотни боевых друзей, которых потеряли инзенцы в боях с врагом на четырех фронтах гражданской войны.

Имена многих инзенцев увековечены на Украине. Тысячи пассажиров ежегодно перевозит по Днепру теплоход «Петр Солодухин». Именем начдива назван в этих местах и один из совхозов.

Сивашцев увековечили в стихах поэты. Это о них написал Николай Тихонов:

...Мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед... *

Немало ветеранов-инзенцев и после гражданской войны много лет служило в рядах дивизии. Это и ее командир последних месяцев войны Иван Иванович Раудмец, и Николай Яковлевич Кириченко, ставший помощником комдива. Виктор Яковлевич Попов, назначенный помощником военного комиссара дивизии. Петр Митрофанович Попов, выдвинутый на должность командира 44-й бригады. Прославленный пулеметчик Зайцев, ставший командиром пулеметного взвода. И еще многие товарищи.

Служивший в дивизии в должности начальника штаба бригады А. И. Антонов вырос до генерала армии. Крупным военачальником стал и А. И. Седякин. Отличившийся в 1920 году во время боя у Корсунского монастыря красноармеец Николай Иканорович Белов встретил Великую Отечественную войну командиром 15-й Сивашской дивизии в звании генерал-майора. Он погиб в боях с фашистами. Пришедший в Инзенскую дивизию рядовым бойцом

* Тихонов Н. С. Избранные произведения. Перекоп. М., изд-во «Художественная литература», 1947, стр. 39.

Иона Андреевич Педь прошел всю Великую Отечественную войну и вырос в ее рядах до полковника. Подполковником стал много рассказавший автору Леонид Александрович Ратько. Давно уже на пенсии инженец-артиллерист Иван Григорьевич Новиков, чьи воспоминания также использованы в этой книге. Он живет сейчас в Новой Каховке.

А организатора и первого командира Инженской дивизии Яна Яновича Лациса не стало 10 марта 1937 года. Он скончался внезапно от разрыва сердца. Незадолго до смерти командир железнодорожных войск Я. Я. Лацис за выполнение особых задач по железнодорожному строительству был награжден орденом Ленина...

К сожалению, оказалось невозможным узнать, как сложилась жизнь многих оставшихся в живых героев этих очерков. Ведь прошло пятьдесят лет с той поры, как инженцы сделали свой последний выстрел в гражданской войне. Иных уж нет, а те далече...

В дивизию приходили и уходили из нее новые люди. Они приумножали боевую славу этого соединения, одного из старейших в Советской Армии.

Но эти очерки — о первом этапе боевого пути прославленной Инженской дивизии.

И они подошли к концу.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Рождение дивизии	7
«Даешь Симбирск, родной город Ленина!»	22
К Самаре	28
Снова — главный фронт	36
Дни и ночи Луганска	45
Направление — Ростов	54
К Черному морю	65
В степях Северной Таврии	71
Сиваш—Юшунь	91
Послесловие	109

Василий Георгиевич Королев

Суровые годы

Литературная запись Н. Ф. Заборовского.

Редакторы Л. Г. Беляева, А. П. Барышников.

Художник И. В. Грюнталь.

Художественный редактор Г. Л. Ушаков.

Технический редактор Р. Б. Хазен.

Корректор В. В. Крылова

Г-82303. Сдано в набор 24.VII 1970 г. Подписано к печати 1.III 1971 г. Изд. № 3/5114. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Объем физ. печ. л. 7,0=8,19 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7,36. Тираж 100 000 экз. Цена 23 коп.

Издательство ДОСААФ, Москва, Б-66, Ново-Рязанская ул., д. 26.

Типография издательства «Калининградская правда, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18. Зак. 1610.

Цена 23 коп.

ВАЯ
РУБ.

издательство
ДОСААФ